

ҚОСЫМНЫҢ ТАҒДЫРЫ

Қосым Пішенбаев
(1844-1932)

**Павлодар облысы мәдениет, тілдерді дамыту және архив ісі
басқармасы Бұқар жырау атындағы әдебиет және өнері музейі**

Редакциялық алқа

Ербол Қайыров, Мұрат Аяғанов, Жанболат Абайхан.

«ПарасатPro»
баспасы 2024 ж.

АЛЕКСАНДР ЧЕРКАШИН

ҚОСЫМНЫҢ ТАҒДЫРЫ

Повесть

Торгопротавишымын билека Врхатырча
кыса 1-инди башка сартыра Берларга

Забвка

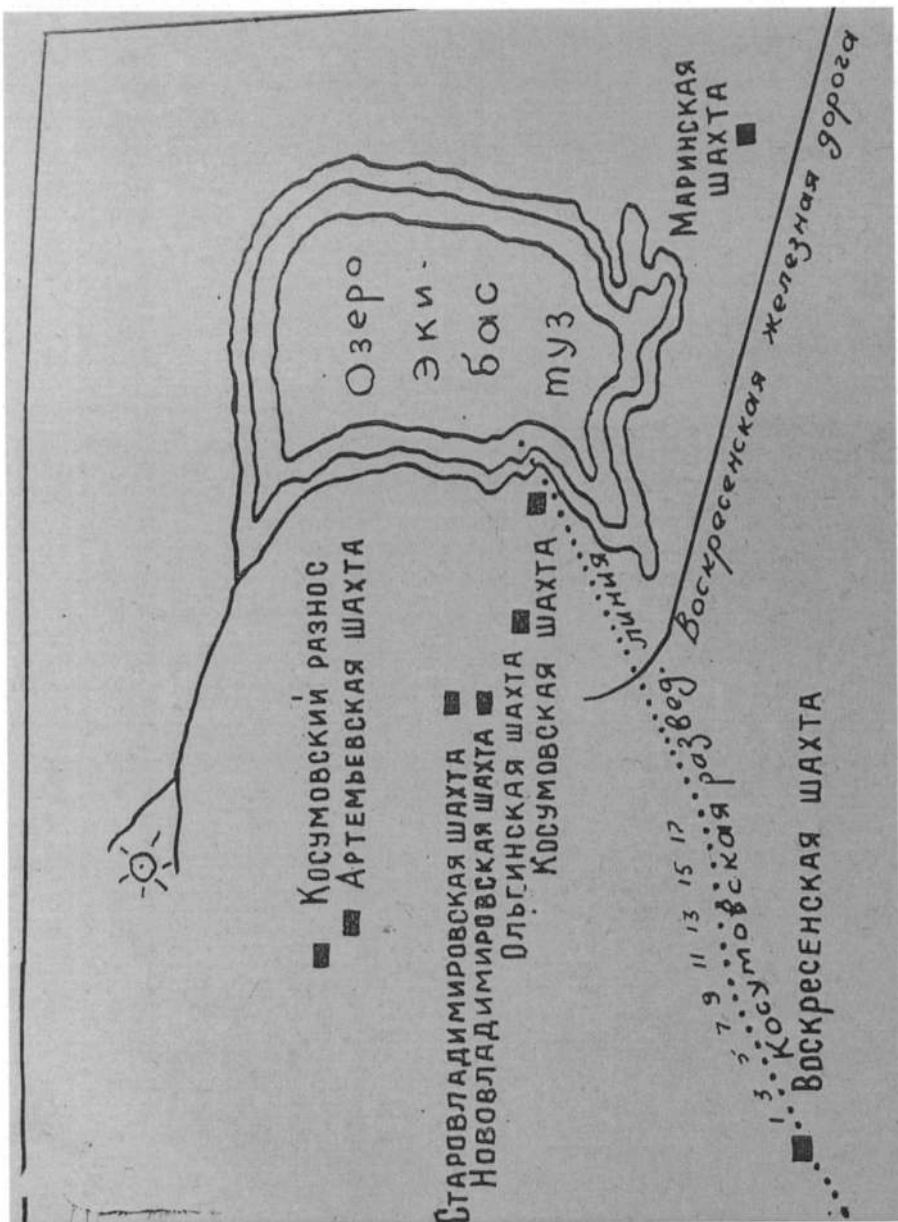
Стправилел е 12 гылд шотк дее шельва по
Будай-аулыккаму округу е партияшо из 5 шельк
кыруу, шелькык а ратк дельо придон на место
казелбасиле кара будайк игн от саветларо суро
Еке-баз-туз примерно е 500 сажено на рее за-
аскыл шурф шурфыкы и аудонны по 4 аршинны,
ушунтасел заринна игн и башкетил казынны
ушело.

Партияк составиле шелькык кырууны Ха-
ерин Кашембеков, Кенсара Баймырзалов, Токан-
тине Слайбетов, Коймыкара Наурузов и Кочай-
бай Оразов

Забвекк кара-Будайккыро Кона Кумушбашов
ушк просшу вкести эту забвкы е кыруу.

21 шотк 1867 года.

Торгопротавишымын билека *Берлар*

Екібастұз көмір кеніштерінің картасы (20-ғасырдың басы)

АЛЕКСАНДР ЧЕРКАШИН

СУДЬБА КОСУМА

Повесть

Павлодарская область, п.Баян-Аул,
улица Ленина, дом 2.
сентябрь 1971 года.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Имя известного горняка Косыма Пшенбаева, ставшего легендой, сегодня особо почитаема в отечественной геологии. Косым Пшенбаев родился в селе Урпек вблизи села Баянаул. Он не имел профессиональных знаний ни в области горнодобывающей промышленности, ни в геологии. Однако, уникальный талант и бесконечная любовь к родной земле привела ученого-самоучку к специфическому пониманию языка камня.

Косым Пшенбаев был первым казахом, открывшим в начале прошлого века более 20-ти крупнейших месторождений в Центральном Казахстане. Ученый проводил раскопки и исследования по всему Казахстану. С его именем связано открытия полезных ископаемых в Экибастузе, Майкаине, разработка месторождений Бериккара, Казанауыз, Майкобе, Жосалы, Коктас, Желтау, Жартас, Ушкатын, Найзатас, Ушкара, Каракура, Шоптиколь. Все разработки Косыма Пшенбаева внесли огромный вклад в становление горного дела нашей страны. По мнению исследователей, академик Каныш Имантаевич Сатпаев, организатор первой Академии Казахской ССР, с большим уважением относился к Косыму Пшенбаеву, находился с ним в постоянном контакте. Ученый высоко ценил деятельность простого рудознатца. Известный писатель Калмухан Исабаев в своей книге «Каныш ага был таким» приводит следующие слова академика: «Вы когда-нибудь слышали о Косыме Пшенбаеве? ...Он человек, которого сейчас нет на свете. Именно он открыл Экибастузский уголь. Лучше было бы поискать его документы и назвать разрез (нынешний разрез «Богатырь») в его честь...».

Сохранилось много исторических документов об открытиях и трудах Косыма Пшенбаева. Геодезический знак «Косымская разница» стал инновационным скачком для промышленников, занимавшихся в то время геологоразведочными работами. А открытие Экибастузского угля и богатых месторождений золота в Майкаине, несомненно, явились великими событиями с истории горного дела. О достижениях Косыма Пшенбаева написано немало воспоминаний известных краеведов, его имя часто упоминается в трудах известного краеведа Дмитрия Багаева.

К сожалению, нам еще не удалось в полной мере воздать почести нашему знаменитому соотечественнику, известному рудознатцу казахской степи. Но мы уверены, что книга, которую вы держите в руках, — дань глубочайшего уважения великому казаху.

Повесть, написанная более полувека назад, рассказывает о жизни Косыма Пшенбаева, о его вкладе в область отечественного горного дела. Хотя самого автора, Александра Черкашина, уже нет среди нас, но его труд, его произведение сохранилось. Большим событием считается тот факт, что книга впервые издается к 180-летию Косыма Пшенбаева. У нашего народа есть пословица: «Өлі риза болмай, тірі байымайды» («Пока не удовлетворен дух усопшего, живые не достигнут цели»). За этими словами кроется глубокий смысл. И мы уверены, что наши ученые продолжат изучение жизни и деятельности Косыма Пшенбаева и заслуги этого человека перед казахстанским народом будут оценены по достоинству.

Еркин Токмухамедулы Садыков,

Ректор Торайгыров университета,
доктор, экономических наук, профессор.

ВСТУПЛЕНИЕ

Редко сейчас встретишь человека, который бы помнил степного рудознатца, героя этой повести. Поэтому в своем коротком вступлении хочу остановиться на некоторых моментах жизни Косума, которые не вошли в повествование. В 1965 году мне довелось встретиться с Павлом Николаевичем Комаровым. В этот год ему исполнилось 77 лет. Коммунист с 1919 года, заслуженный, уважаемый в народе человек. Он много лет прожил в дореволюционные годы в Баянауле. Здесь он активно боролся за становление Советской власти. Здесь вступил и в партию. Вот что рассказал Павел Николаевич о Косуме:

– С Канышем Имантаевичем Сатпаевым мы были большими друзьями до последнего часа его жизни. Наша дружба завязалась в Баянауле, в первые дни Советской власти. С тех пор, куда-бы нас не бросала партийная работа, жизнь, связи мы не теряли. В последние годы, живя в одном городе, встречались часто. Мы неизменно возвращались к воспоминаниям о жизни в Баянауле: ведь там, под сенью синих гор, протекала наша далекая юность, формировалась и наша зрелость. Мы были в числе тех, кто первыми поднялись на защиту завоеваний Октября. Подняли народ станицы и волостей... Каныш Имантаевич, каждый раз вспоминая о Косуме Пшенбаеве, сокрушался: “Руки не доходят, а нужно бы написать о нем повесть или небольшую монографию...” Косума я тоже знал очень близко, много с ним поездил по степи, лазил по горам и скалам. Мы вместе открыли ряд месторождений и оформили заявки в пользу купца Кулеева, у которого я в те годы состоял на службе, на асбест, хризотил, аширит и еще на кое-что. Да что толку? Так и остались рудные места не освоенными...

Павел Николаевич неожиданно для меня прервал беседу и вышел в смежную комнату, вернулся с объемистым фотоальбомом в руке. Он вынул поблекшую от времени фотографию и, подавая ее мне, пояснил:

– На верблюде сидит Косум. Моя работа, в 1923 году сфотографировал на Кояндинской ярмарке на складе “Кирпромторга”. Косум был мужик честный, смелый, решительный. Много интересных

историй он знал, рассказывал, бывало, когда мы с ним ходили по степи. Как-то на вечернем привале он начал делиться своими воспоминаниями: «Весна в тот год полной хозяйкой прошлась по земле, зазеленели травы, набухли почки на деревьях. Я готовился в этот год заняться пашней, уже и семена припас. Но не суждено было осуществить свой план. В один из хлопотных для меня дней по мне домой явился молодой человек, представился Николаем, младшим сыном Степана Ивановича Попова. Разыскал меня по завещанию отца... Не смог я отказаться от любимого дела, затрепетала душа разведчика, пришлось отставить хлебопашество. Николай был энергичен, быстро наладил дела на рудниках Кызыл-Эспе и Канды-Карасу. Разъезжая по степи, завел он знакомство с бедным казахом Сыздыком, из рода Каракесек, у которого была дочь, бесподобная красавица. Скоро дела Николая пошли в гору, он начал ворочать миллионами. После успеха в горном деле Николай решил жениться. В качестве калыма за невесту поднял на ноги хозяйство Сыздыка, дочку которого, конечно, с ее согласия взял в жены.

Теперь, когда повесть закончена, я получил от Юрия Григорьевича Попова, (родственных связей с Поповыми, о которых идет разговор в повести, он не имеет, однофамилец) фотографию, на которой запечатлены Попов-отец, дочь Наташа, родившаяся от матери-казашки, и Перфильев, муж Наташи, тоже горнопромышленник. Так рассказывал мне Косум.

— А в 1927 году, - продолжал Павел Николаевич, - в разгар НЭ-Па (новой экономической политики) на людном вокзале города Петропавловска я увидел, ярко выделявшуюся своими изысканными манерами среди публики пышную даму, одетую по великосветской моде, что сразу же бросилось в глаза. С нею были два нерусских офицера, которые вели разговор на иностранном языке. Я заинтересовался. И вот что узнал. Это было та самая казашка, жена Николая Попова, со своими сыновьями. Она прибыла из Парижа и хлопотала у Советской власти об оставшемся на рудниках капитале. Муж ее, по неизвестным мне причинам, застрелился в Париже... После непродолжительной паузы, тронутый воспоминаниями, Павел Николаевич глубоко вздохнул:

– Да про Косума следовало бы написать... – сказал он, протягивая мне пожелтевшую фотографию. – Веришь, жалко расставаться. Уверен, что это единственный экземпляр. Может быть, эта карточка вас вдохновит.

С той поры у меня зародилось желание написать о Косуме Пшенбаеве. Но у меня не было твердой убежденности в том, что добуду необходимой полноты материал, времени-то слишком много утекло. Да и, признаться, не был уверен в своих силах. Одного желания было мало для такого большого дела... Но все-таки я начал вести поиски, искать его современников, которых осталось единицы. Встретился с племянником Косума. Записные книжечки одна за другой постепенно пополнялись сведениями. Завел переписку с разными архивами. Известный геолог К Джаминов написал мне: «Отец с детства много рассказывал о Косуме. Эти рассказы отца о самородке-геологе, скорее всего, и оказали влияние в будущем на выбор мною профессии».

По своей бедности Косум не смог получить грамоту, но страстно любил дело, которому посвятил всю свою жизнь, любил природу. Он открыл много месторождений металлургических руд и минерального топлива. Служил проводником, когда на наши земли наложил лапу английский капитал. Работа поисковика ещё более увлекла его, и он совершенствовал свое дарование. Общеизвестные месторождения Экибастуз, Майкубен, Жосалы, Найзатас, Жуан-Тобе, Майкаин, Александровка, Шоптыколь и ещё многие другие имеют прямое отношение к Косуму. Он легко находил залегающие руды, ориентируясь по травам, камням и географическому рельефу местности, по коридорам, образовавшимся от выветривания земли. Косум часто посещал Макаш-аул, а, когда жители аула узнали, что он обнаружил залегающую ценную руду на их земле, то богатые аксакалы дали ему в качестве откупного лошадь, чапан и несколько голов скота, лишь бы не делал заявку, и промышленники их не прогнали с родных мест. Аналогичный случай произошел с жителями Кызылтауских гор. Недалеко от аула Урпек в сторону Жельтауского перевала есть камень, на котором по просьбе Косума высечены знаки: " 3 В В М 3 262У - 1907 ЗИНЗ". Этот заявочный камень он посещал часто. Камень на том мес-

те стоит и поныне, однако им никто не заинтересовался. В 1960 году Каньш Имантаевич Сатпаев посетил Экибастуз и в беседах с руководителями и общественностью города особо подчеркивал, что о Косуме нужно собирать материал. Его труд в области геологии должен быть оценен по заслугам. ...В Павлодарском историко-краеведческом музее хранятся воспоминания основателя и первого директора музея Дмитрия Поликарповича Багаева. Он пишет: "Я лично знал Косума и, пожалуй, без преувеличения скажу, что мы с ним были большими друзьями многие годы. В 1899 году я поступил "мальчиком" в павлодарскую контору купца Дерова, у которого Косум состоял на службе. Обязанностью его было ездить по степи и отыскивать месторождения угля, меди, железа, делая при этом заявки в пользу Дерова. В то время по законам горного управления, чтобы закрепить за собой участок, требовалось составить акт, в котором нужно было указать род ископаемой руды, которую имеет в виду разведчик, составить описание местности и представить вещественное доказательство. Мне не раз приходилось слышать от Косума об обстоятельствах, при которых он открыл экибастузский уголь. Племянник его Шакир Кенжебаев утверждал: "Когда в наших краях хозяйничал английский капитал, Косум и у них служил проводником, водил их по тем местам, где когда-то установил залегание минералов. Лесли Уркварт, желая воочию видеть неграмотного геолога-самородка из темной восточной народности, поручил своим доверенным лицам привезти его в Англию. Так мой дядя Косум побывал в Лондоне, а, возвращаясь домой, заехал и в Париж..." Косум исходил степь вокруг Баянаула, Каркаралинска, вплоть до Кызыл-Эспе на Балхаше. В дореволюционной литературе имя Косума Пшенбаева можно встретить в крупных произведениях, как Россия - 18 тем, в котором описывается мощность и качество Экибастузского каменного угля: "...Значительные пласты угля обнаружены в Артемовской шахте 12,15 сажени, (шахта, носившая имя владельца копей) и Косумовский разнос 12,0 сажени..."

«Вестник золотопромышленности и горного дела» в 10 номере за 1900 год в статье «Экибастузское каменно-угольное месторождение» сообщает: "...Деров как предприимчивый человек, конечно, понял всю важность добычи угля и доходность этого предприятия (в то время решался вопрос о строительстве Западно-Сибирской железной

дороги, а уголь был главной проблемой), и потому в начале 90-х годов он усиленно стал искать благонадежные места каменного угля. Таковое из них было найдено в 1893 году, на урочище Экибастуз. Честь открытия этого месторождения принадлежит местному киргизу Косыму». Далее «Вестник» продолжает: «В 1895 году был выдан косымовский разнос, по настоянию киргиза Косыма, в честь которого разнос был назван. Был пройден мусор и скоро инструменты врезались в уголь. Затем с 5-ой и 6-ом сажени были выданы орты, к юго-западу и северо-востоку которых и был обнаружен пласт угля, вполне заслуживающий внимания... Для выяснения общего характера залегания пластов горным инженером Мейстером была проведена косымовская разведочная линия вкрест простирания пластов, начиная от косымовской шахты находившейся вблизи западного берега озера, к Воскресенской шахте. Падение пластов при Косымовской шахте крутое на Ю-З.....”

Имя Косума Пшенбаева талантливого геолога-самородка не забыто и в современной научной литературе: "Цветная металлургия и горное дело дороволюционного Казахстана.- В описании Воскресенской ж.д. и завода, есть следующее: "Воскресенский завод пущен в действие 17 апреля 1900 года. Он работал на каменном угле Экибастузского месторождения, которое было открыто, по преданию народа, пастухом-кочевником Косымом Ишенбаевым... (здесь допущено искажение фамилии). Можно еще привести высказывания ученых, но кажется достаточно и тех, которые убедительно утверждают, что такой самородок-геологоразведчик жил и работал здесь. И что открытие вокруг Баянальских гор действующих и не действующих месторождений минеральных богатств так или иначе связаны с именем нашего земляку Косума Пшенбаева. Концессоры, промышленники на заявленных Косумом месторождениях наживали миллионные капиталы. Теперь эти богатства родной земли служат народу. В нашей стране чтят и помнят имена народных героев, умельцев, первооткрывателей, всех, кто свою жизнь посвятил на благо Родины.

Косум Пшенбаев, первый казах-рудознатец, открывавший людям многие природные богатства, лежавшие веками в родной земле, заслуживает того, чтобы память о нем была жива. В заключение хо-

чется сказать, друзья, я не писатель, и в моей работе вы встретите литературные шероховатости. Простите их мне, но я не мог не написать о Косуме. Слишком много им сделано для нас, и велико мое искреннее желание поставить нашему легендарному земляку хотя бы этот скромный литературный памятник. Доля бедняка Скалистый Жельтауский хребет высотой в 900 метров протянулся с запада на юго-восток. Степь у подножия хребта мелкосопочная, с грядами холмов, с множеством пресных озер, что создавало исключительное удобство для размножения скота. Трава на холмах преимущественно засухоустойчивая: бетеге с примесью полынки. На равнинах - густой ковыль, а на влажных – кипец, по горным ущельям довольно разнообразная растительность.

Аул Урпек, о котором пойдет рассказ, разместился в ложине, прикрытой хребтом и холмами от суровых зимних ветров. Выпавший снег в долинах не твердел, мороз не сковывал его ледяной коркой, поэтому он легко поддавался тебеневке. Не было здесь недостатка и в воде: шесть больших и малых озер вокруг аула в достатке обеспечивали людей и свет. Весной с гор били ключи, потоки талой воды журча, разливались по оврагам и вливались в озера. Земля насыщалась влагой, пышно зеленела степными травами. По склонам гор, в оврагах, нашли свой приют небольшие рощицы низкорослой осины вперемешку с березовыми деревцами. Примечателен Жельтауский хребет и живописен нагромождением скал. Ветер, дождь и время источили утесы, которые напоминают фантастическое царство сказочных фигур. Присмотритесь внимательно, и вы увидите окаменевших хищных зверей, птиц, фигуры колдунов, каменных баб. Это труд природы, которая миллионы лет ветрами шлифует гранит. Прижимаясь к островерхой сопке, стоял четырехкомнатный дом, окнами к солнцу, с плоской дерновой крышей, воздвигнутый властелином рода "майлитон", баем Ахметжаном. Большой дом бая окружали зимовья зажиточных родственников, а ещё дальше, за бугром, скрывались дерновые лачуги бедняков. Прижившихся в Урпеке бедняков было не так много, в нужное время они составляли баю щит от набегов барымтачей. Пшенбай жил в ауле на правах очень дальнего родственника Ахметжана. Как ни старался Пшенбай выбиться из нужды, стряхнуть с плеч бедность, ему никак это не удавалось. Всю силу

свою вкладывал он в тяжелый труд, думал, вот изгоню проклятую нужду, заманю в дом хорошую жизнь, и буду сам себе хозяином. Но коварная судьба распорядилась по своему усмотрению, и не мог Пшенбай с ней справиться. Еще будучи молодым, джигит мечтал: построю домик небольшой, комнатки на две, заведу кобылу. Приду с работы, сяду на зеленую полянку возле дома и буду наслаждаться собственным кумысом. Другой жизни не хотел, говорил остальным: "Что за казах без кобылы или лошади?". Но вот уже маленькой Зияш минул четвертый годик, а у него нет ни заветного домика, ни кобылы. Чтобы попить кумыса, нужно прежде службу сослужить, поработать на бая, спину изрядно погнуть. Тогда лишь где-нибудь на задворках сунут пиалу кислого кумыса, и больше не проси. Пшенбай, сетуя на несправедливость аллаха, часто спрашивал жену:

– Скажи, за какие грехи немилостив бог к нашему дему? Люди говорят, надо усердно молиться, я неустанно бью поклоны Аллаху. Мулла поучал, не слушайся Ахметжана. Он в твоём роду самый почетный и старший аксакал, и тогда вознаградит тебя всевидящий Аллах. Не я ли день и ночь, покаяюсь судьбе, гну спину, хочу заслужить милость хозяина, а не получается. А ещё говорят: беден тот дом у кого он кишит детьми... – Пшенбай подтянул к себе Зияш, ласково потрепал её по кудлатой головке и добавил с горечью – Ты – наша единственная радость, а мы, бедные, и баловать тебя не можем...

Алтыншаш слушала мужа, соглашалась с ним во всем и тоже недоумевала, почему Аллах стороной обходит их семью. Но мужу говорила, утешая:

– Не один наш дом наделен долей бедняка, не печалься, отагасы.

Чтобы выбиться из бедности, Пшенбай не отказывался от любой трудной работы. Когда нужно было хозяину, он рыл землю, ломал камни, лишь бы заработать жеребеночка, из которого он вырастил бы кобылицу или лошадь. Но хитрый бай, прознав заветную мечту батрака, использовал её в своих выгодах, как приманку на рыболовном крючке. Посылал Пшенбая на самую тяжелую работу, зная, что этот мужик не откажется. Чтобы еще больше усилить в нем надежду, каждый раз сулил ему жеребенка. А как-то, даже пальцем ука-

зал: "Вон того возьмешь, что справа на привязи, светло-серенький». Серый жеребенок вырос в стригунка, а бай все молчал. Не решается спросить, вызвав на себя гнев бая, и сам работник. Хорошо, если в добрый час спросишь, а не то попадешь под его горячую руку!.. В душе Пшенбай не переставал надеяться. Тайком от людей подойдет к серенькому, поласкает его, похлопает по сытенькому крупу, гривку расчесет. А когда Ахметжан угнал стригунка в далекий табун нагуливать жир, оборвалась у батрака последняя нить надежды. Тогда Пшенбай взялся пасти табун лошадей. Этот труд не только беспокойный, но и тяжелый. Табунщик в любую погоду должен быть при лошадях, будто часовой на посту, дует ли бешеный буран, свирепствует ли лютый мороз... Выпадали жуткие ночи. Ветер на ночь будто утихомирится, уснет. Тишина. Небо темно-синее, холодное, далекие, мелкие звездочки одна за другой тухнут, словно холод задувает их. От мороза трещит земля. Выплывет из-за гор громадная луна, будто медное блюдо, начищенное до блеска, и стоит в небе, недвижимая, над головой. Желтоватый свет её несколько не согревал, только искорками переливался на снежинках. С темного неба на Пшенбая обрушивался мороз, пробирался сквозь немудреную одежку, добирался до самых костей. Корчась от холода в седле, он поднимается с сопки на сопку, поворачивая назад лошадей, растянувшихся в поисках скудного зимнего корма. С рассветом вернувшись домой, насквозь продрогший Пшенбай долго не мог согреться даже в жарко натопленной зимовке. Он боролся с морозом, изнывал под ветрами, и все лишь ради того, чтобы подмять под себя эту бедность, стать настоящим хозяином своей жизни. Но пока слышал от бая только пустые посулы и обещания. Ахметжан не был глуп, понимал: обзаведись работник лошадью, и он лишится усердного батрака. Пшенбай же, поняв, что бай и на этой работе обманывает, бросил пасти лошадей, брался за любую другую работу, но все равно не находил просвета из своей батрацкой доли. Зима в этом году как-то враз обмякла. Весна на легких крылышках прилетела в наши края рано, с попутным южным ветерком и, будто языком, слизывая огромные сугробы, быстро расправилась с зимой. Разметала на куски толстые льды на озерах. Полновластно завладела лесами, горами и степью. С гор зашумели внешние потоки. Над аулом белой пеленой пролились ливневые дожди. Из

разбухшей земли выглянули свежие побеги трав, и быстро потянулись ростки к весеннему солнцу. Разве удержишь в эту пору кочевника в прокопченной дымом зимовке... Ахметжан начал готовиться к откочевке на жайляу раньше обычного времени. Ему, особенно в эти дни, казалось, что батраки работают крайне нерасторопно, с добром обращаются небрежно, и все это сильно бесило его. Бай выходил из себя, неистово кричал, с кулаками набрасывался на работников. Вся беднота в эти дни работала только на Ахметжана. Дети, оставшиеся без присмотра, плачем и криками наполняли аул. С бранью поднимался аул в откочевку, с шумом и гиканьем караван двигался на жайляу. Кочевал и Пшенбай, но только на байском верблюде. Навьючит на атана домашний скарб, который состоял-то всего из ничего: чайник, стянутый обручами из мягкой жести, к тому же без носика, каменные жернова ручной мельницы, сундук с разбитыми стенками, с исковерканной крышкой без запора, обмотанный волосяной веревкой, и еще кое-какую домашнюю рухлядь. Запряжет верблюда в двухколесную арбу, усадит на нее жену с дочерью и плетется в хвосте длинного каравана. Так ему было спокойнее, шум телег и людской говор не мешал думать в дороге. А думы лезли в голову разные... Пшенбай только с теплившейся в душе надеждой на перемены к лучшему и со своими думами чувствовал себя человеком. Как прищурит глаза, так и всплывала в его воображении все та же картина: домик, полянка, у коновязи кобыла с жеребёнком... Еще одно было желание в его душе: родила бы ему Алтыншаш сына... А властелин рода, глава аула Ахметжан на резвом иноходце носился вдоль растянувшихся подвод и вьючных верблюдов. Караван тянулся по тропе, резко уходящей в низину и выглядевшей сверху громадной пестрой змеей. Не было покоя Ахметжану и в пути. То ослабевал или совсем спадал с оглобли тяж, то развязывалась ступень, и дуга вылетала из оглобли. А там колесо слетело с оси, подводчик же, измученный ночными сборами, распустив вожжи, спит себе посапывает и не слышит, как ось скребет по твердой дороге, выбивая искры на камнях и оставляя меловые следы. Ахметжан с плетью в руке скакал от подводы к подводе. Кого подтолкнет в бок, кого вытянет плеткой вдоль спины. Грозился, без стеснения изрыгал из себя самую грязную брань. В порыве гнева, увидев, что таратайка Пшенбая плетется далеко позади,

кинулся навстречу отставшей подводе, готовый убить лодыря Пшенбая. Но вдруг почувствовал тяжесть, а потом и боль в груди, словно в это мгновение кто нож вонзил в грудь. Злой хозяин осадил лошадь под собой и остановился у обочины дороги. А невыплеснутая злость бушевала в нем и трясла его грузное тело, словно лихорадка. Арба, скрипя несмазанной деревянной осью, по-прежнему двигалась неторопливо. Пшенбай под протяжный скрип продолжал сладостно дремал. Раскрыв глаза, он испугался: его подъезда поджидал бай. Работник заторопился, стал подгонять ленивого животного, но верблюд не торопился. Пшенбай от обуявшего его страха не чувствовал под собой мягкой спины ожиревшего верблюда. Работник думал: "Ну за что? Ему я ничем не мешаю". Как только сердечный приступ прошел, снова легко задышалось, Ахметжан подъехал и неожиданно для работника заговорил таким мягким голосом, которого Пшенбай не слышал за все годы батрачества. Он не верил своим ушам и даже шлепнул по ним, проверяя, не спит ли ещё. Ахметжан заговорил:

– Пшке, тесно на одной подводе-то. Кочевал бы на двух, семье было бы удобно. Вон их сколько...

Ахметжан махнул плеткой в сторону, где шагали двугорбые верблюды, подгоняемые другим батраком. Бай говорил, а глаза сквозь щелки жирных век, косились в сторону арбы, где, накинув на голову серую шаленку, сидела жена батрака. Он увидел её впервые, и какая-то неведомая сила покорила его злое сердце, что он вмиг обмяк. Бай, не поворачивая головы назад, плеткой хлестнул лошадь, которая рванула с места и, уже отъехав, крикнул Пшенбаю:

– Двух дойных кобыл будешь пасти в ночь. Пшенбай, от радости встряхнувшись между горбами, как петух на насесте, не знал: радоваться ли услышанному или это снова пустые посулы богача? Сомнения сомнениями, а обещанная работа сулила шанс приобрести жеребёнка, о котором не переставал он мечтать. В прошлом году Альбазар за ночную пастьбу кобыл получил жеребёнка, а в позапрошлом Мукуш... Теперь они настоящие хозяева: своя лошадь, куда задумал, туда и поехал. Душа бедняка так сильно заволновалась, что из глаз выкатились крупинки слез, ему стало тесно между горбов. Жизнь-то не слишком баловала его радостями. Самую первую боль-

шую радость он не забудет никогда: в тот счастливый день судьба свела его с Алтыншаш. Второй раз ликовала душа Пшенбая, когда родилась Зияш, и в третий, когда жена, краснея от стыда, просила мужа достать маленький кусочек вяленой конины. Восторжествовала тогда его давняя мечта: ей-богу сын родится, раз жену потянуло на такое лакомство... И вот теперь... Пшенбай не находил себе удобного места на спине животного, ерзался и сам себе говорил: «Все же дошла моя молитва до Аллаха, будет у нас теперь свой конь!..». Он, как парнишка, начал колотить пятками в бока верблюда, будто хотел догнать обещанное баем счастье, которое увозил с собой бай на быстром иноходце. Сквозь тягучий скрип колес и несмолкаемый гул каравана Алтыншаш не расслышала, что говорил хозяин, но по волнению и широкой улыбке мужа поняла, что радуется тот неспроста. Такое ведь с ним случается в последнее время очень редко. Значит, бай чем-то порадовал его приятным. Но почему сейчас, когда радуется муж, сердце женщины вдруг защемило, сжалось в комочек? И Алтыншаш подумала: "Это неспроста!.." Разморенная теплом весеннего солнца, Алтыншаш задремала. Приближавшийся к их подводе топот копыт вспугнул её чуткий сон. Она схватила головной платок, свалившийся на плечи, прикрыла голову и лицо. По шариату нельзя женщине показываться перед старшими простоволосой. У нее были совсем не казахские, круглые голубые глаза, опущенные длинными ресницами. Это и бросилось баю в глаза. Он быстро заметил красоту бедной женщины, не укрывшуюся от его зорких глаз. Ахметжан, охваченный внезапно вспыхнувшей страстью, смяк. В голове забродили шальные мысли... Надменно суровый с другими, бай удивился внезапной слабости. Он много перевидал женщин в жизни, однако ни одна из них не взволновала его сердце так, как эта жена батрака. Старое, огрубевшее сердце встрепенулось, вскружило его седую голову... Хмурые брови с проседью, висевшие клочьями над глазами, расправились, разгладились лоб от морщин. Охваченный мыслью о красавице, он проехал вдоль растянувшегося обоза, не сделав ни единого замечания работникам. Не до наведения порядка было баю, когда в голове зрели планы насчет жены батрака. Все удивлялись, молча переглядывались и недоумевали: почему так резко изменилось поведение хозяина. Поравнявшись с подводами, в которых ехали его жены, бай

улыбнулся и, обгоняя подводу на мягких рессорах, где дремала байбише, крикнул:

– Уеду вперед, место для юрт выберу. Ты следи. - Он плетью махнул в сторону обоза. - Если на Койтасе меня не будет, поворачивайте на Аулие.

Ахметжан опустил повод, стегнул лошадь плетью, помчался вперед, уперев кулаки в бедра. От тряски размахивали уши тымака, словно старик пытался взмыть ввысь. Так он хотел показать красавице, что есть еще в нем молодецкая удаля. Стоило баю скрыться за ближними сопками, как подводы подтянулись, люди словно проснулись от спячки, оживились. Над степью полилась песня, в воздухе зазвучали женские голоса. Подтянулась и арба Пшенбая. Люди говорили, шутили, громко смеялись. Только одна Алтыншаш сидела на подводе угрюмой, обеими руками поддерживая живот, чтобы не трянуло на ухабе, не причинило боль тому, кого так бережно оберегает она уже семь месяцев. Ждут они мальчика! Муж говорил ей: «Сын - продолжение рода. Девчонка тоже неплохо, скот во дворе появится».

...Ахметжан приехал на прошлогодний участок. Поднялся на сопку, огляделся. Кругом стелилась бархатистая зелень, радуя глаз. Но он все-таки решил, что на Аулие корм для скота обильнее. Да и для его задуманного дела место на Аулие более удобное, и он напрямик через холмы проехал в урочище.

В долине у подножия Жельтауских гор стояла благоухающая тишина. С гор доносился серебристый звон бушующего водопада. Быстрый поток воды, пенясь, несясь в низину. Вода, змеей извиваясь между ракиотовыми кустами, пересекая осиновую рощицу и разрезая поляну на две половины, впадала в озеро Шалкар. На южных склонах цвели фиолетовые, сиреневые и кремвые подснежники. Легко дышалось от аромата разнотравья, пльвшего над степью. Прозрачное небо будто стеклянным шатром накрыло Аулие. Хор неугомонных кузнечиков подготавливал глубокую тишину. Ахметжан поднялся выше по бугру. Долго всматривался в дали, любовался окружающей природой. Она сегодня ему открылась подругому. Луга с ковром разноцветия, медовым запахом, аромат подснежников – все близко воспринимало сейчас его вострепнувшееся от любовного пыла старое

сердце. А раньше все, что сегодня видится удивительно чудесным, не вызывало восторга. Жадность поглощала все его чувства. Долина проглядывалась отсюда до самых дальних сопок, за которыми сразу же небо падало на землю. По ущелью сквозил ветерок. Гнуса будет меньше, отметил про себя бай, и наметил места для юрт родственников. Батраков Ахметжан селил всегда подальше от себя, чтобы не видеть их жизнь. Когда подумал, где поставить юрту Пшенбая, перед ним словно из-под земли вырос образ его жены, что сегодня увидел на арбе. Сердце так приятно заняло, что мысли о хозяйстве тут же померкли. Сейчас она, такая манящая, как будто стояла перед ним и дарила ему улыбку и нежный взгляд своих светлых глаз. Ее юрту нужно отдельно поставить, не смешивая с остальными и, как можно, поближе, к своей... Окончательно придя к такому решению, старик провел ладонью по лицу: «Аллах простит мне этот маленький грешок» Бай досадовал на себя: как он раньше не обратил внимания на такую красавицу! Он сплюнул из-за губы насыбай и спустился к ручью. Остановился недалеко от небольшой осинової рощи... Пожалуй, здесь самое подходящее местечко! Нагнулся и черенком плети начертил вокруг себя жирную черту на земле. Усмехнулся: здесь тебе жить... Быстро шагая, он поспешил к лошади. Караван после полудня пересек долину у подножья горы Аулие. Телеги сгрудились, полегли верблюды, придавленные к земле навьюченным грузом. Людские голоса, ржание лошадей, мычание недоевших коров – все слилось воедино и наполнило только, что безмолвную долину шумом. Батраки бросились развязывать выюки, расправлять деревянные основы байских юрт, распаковывать тюки с добром. Они работали без передышки: спешили успеть к вечеру установить юрты для Ахметжана и его семьи, не заботясь о своих семьях и о себе. Они-то ночь могут провести и под телегой. Бай сидел на разостланном цветном ковре, издали наблюдая за кипевшей вокруг работой. Отсюда у него был хороший обзор. За дни сборов старик заметно осунулся, и теперь, когда все тревоги и хлопоты остались позади, наступило спокойствие. Он важно восседал и утолял жажду свежим пенистым кумысом. А глаза его, как у блудливого кота, искали среди подвод и людской суеты женщину с голубыми, как небо Аулие, глазами. Алтыншаш, сняв Зияш с арбы, заботливо ухаживала за ней, поила молочком, кормила

пресным хлебом, нежно целовала ее. Она прохаживалась медленно, шагала осмотрительно, боясь не оступиться. Широкое длинное платье скрадывало беременность. Ахметжан, любуясь ею издали, думал: «О, Аллах, прости мою седую голову, на старости лет люблюсь женой работника». Он провел ладони по лицу, как бы стирая свой грех, а сам все косил глаза в ту сторону, где стояла арба Пшенбая. «А если бы ее, – продолжал мечтать бай, – нарядить в шелковое платье, что купил на Кояндинской ярмарке у купца из Жаркента, сверх платья бархатную безрукавку, отороченную серебряным позументом, а ноги обушь в сафьяновые сапожки...». Он сомкнул веки, и перед ним предстала Алтыншаш в наряде.

– Аллах тому свидетель, – произнес старик, когда исчезло наваждение, – у хана в гареме нет подобной красавицы!

Пшенбай в это время усердно таскал тяжелые тюки и смахивал со лба соленый пот, заливавший глаза. В другой раз, может быть, не было бы искреннего старания, но сегодня после добрых посулов хозяина он работал усердно. Почти бегом таскал кошмы тяжелые ящики, а другие батраки недоумевали большому усердию своего товарища. Ахметжан позвал его. Батрак семенящими шажками подбежал и упал перед ним на колени.

– Забирай подводу свою с барахлом, да ставь себе юрту, а то вечер уже надвигается. Спустись ниже к ключу, там увидишь пень. Недалеко от него намечено место для твоей юрты.

– Хуб! – откликнулся Пшенбай, поднимаясь.

– В долине кобыл не держи, гони их дальше за горы. – Ахметжан махнул рукой в сторону хребта. – Да торопись, скоро надо жеребят отпустить с привязи.

Солнце, набухая вечерним багрянцем, удалялась от Аулие и удлиняя тени высоких гор. На новом месте Ахметжану не спится. В полночь бай накинул на плечи просторный вельветовый чапан, ноги сунул в ночные кебисы, вышел из юрты. На черном небе перемигивались мелкие звездочки. С гор неся свежий ветерок. В долине блеяли овцы, лежавшие в загонах, у дальних юрт надрывно лаяли собаки. Ахметжан, словно человек, вышедший в поздний час на рововство,

огляделся, долго прислушивался: нигде не души. Не было слышно и человеческого голоса. Только из ближней юрты доносилось шумное дыхание байбише. Старик на свежем воздухе ободрился и, скользя по зеленой траве, чтобы не шлепать кебисами, бесшумно дошел до склона к ручью и остановился. От ручья поднимался сырой пар, неподалеку журчала вода. С гор доносился шум бьющейся об скалы воды. У юрты Пшенбая полная тишина. Ахметжан, затаив дыхание, подошел к ней. Он был уверен, что женщина отдастся ему без сопротивления. Тихо толкнул дверь, дверь была изнутри закрыта на вертушку, Он оттянул старую кошму, в отверстие просунул пухлые пальцы и дверь легко распахнулась. Слышалось ровное дыхание спокойной спящей женщины. Ахметжан, пренебрегая осторожностью, спустился на колени у ее постели... ..Алтыншаш, как могла, отбивалась руками и ногами. Плакала навзрыд, а потом уже горько, без слез. Ее крик и стоны поглотили низина и шум воды. На это и рассчитывал бай, выбирая место для юрты батрака. К рассвету резкая боль скрутила женщину. Она корчилась, ложилась на живот, боли судорожно стягивали ноги: преждевременно начались роды. К утру Алтыншаш, выбившись из сил, потеряла сознание... Утренний свежий ветерок, прогуливаясь по долине, легонько колыхал зеленую траву. Огромное солнце выплывало из-за гор. Люди лениво выходили из юрт, откидывали тундыки, освежая ночную духоту в юртах. Женщины разводили костры под казанами. С восходом солнца снова начиналась издавна заведенные хлопоты кочевого народа, состоявшие из тревог и забот за сохранность байского скота, за его покой. По сути, в этом и заключалась рутинная жизнь аула. Пшенбай, подгоняя кобылиц к аулу, издали заметил, что не дымит костер у юрты, не видно хлопчущей на улице жены. Дверь же была распахнута... Громко мычала на привязи недоенная корова. Он сгрудил табун, подогнал к коновязи, где уже ожидали доильщики. Сам помчался к дому. Вбежал в юрту и замер от ужаса: жена, раскинув руки, лежала без сознания. Из искусанных, подернувшихся синевой губ тонкой струйкой сочилась кровь. В голубых глазах застыли испуг и страдание. Черные волосы разметались по подушке. Пшенбай схватил на руки дочку, которая лежала с широко открытыми глазами от испуга и бросился бежать в аул. Старушка-повитуха сделала массаж живота, приводя женщину в созна-

ние. Скоро бабка подняла розовый комочек появившегося на свет еще одного мученика, завернула его в грязной комок верблюжьей шерсти - жабагу. Больную уложила в постель. В семье батрака Пшенбая родился сын. После короткого родительского обсуждения младенца нарекли Косумом.

Детство Косу́ма

Возбужденная Алтыншаш, задыхаясь от поспешной ходьбы, сбросила с плеча вязанку сучьев и с испугом посмотрела на утес. Мальчишек там уже не было. Женщина засунула под ошкур подол длинного платья, чтобы не заплетались ноги. Задыхаясь от отдышки и волнения, побежала утесу, где только что видела Косумку с ватагой ребят, лазающих по обрывистым скалам. Взбираясь по склону вверх, она карабкалась на четвереньках, хваталась руками за тонкие стебли кустарника и травы, царапая руки. Алтыншаш жадно хватала ртом воздух, отдышка душила ее. Не каждой женщине в ауле были присущи столь тонкие чувства и беспокойный характер, какие были у Алтыншаш. К примеру, Кулянда. Ей хоть бы что, если сына подолгу нет дома, она и не думает о нем. “А, куда он денется!” – скажет и отмахнется рукой. Алтыншаш по-прежнему горячо любит дочурку, заботится о ней, а вот тревога о Косуме не оставляет материнское сердце ни на минуту. Может быть, потому, что за него пережито много с той минуты, как бабка завернула этот хрупкий комочек в грязной кусок шерсти. С той самой минуты и началась борьба матери за жизнь новорожденного. Алтыншаш купала его по несколько раз в день в солевом, горячем растворе. Нагревала жабагу и заворачивала в нее, парила в настое сеной трухи... Мало-помалу малыш научился брать материнскую грудь и со временем открыл глазенки. Вероятно, та терзающая душу тревога и теперь осталась в сердце матери? Она радовалась, что ребенок выжил, хотя родился раньше положенного срока. Радовалась, что у сына отцовские темные глаза. Алтыншаш знала, что значит родиться голубоглазым в казахской семье. Родители нарекли ей красивым именем Алтыншаш за светло-русые волосы. А аульчане «наградили» ее прозвищем “Көк көз” за непривычные для казахов голубые глаза. Только замужество избавило ее от прозвища. Стоит Ко-

сумке отлучиться из дома, мать охватывает беспокойство. Все дурные предчувствия так и лезут в голову: поскользнулся, упал с камня, может, уже лежит, разбившись на нет. То представит его ужаленным змеей, а их так много в горах! Бегая в поисках сына, она несколько раз встречала шипящих змей, с криком ужаса шараясь в сторону. А Косум и дня не усидит дома, чтобы куда-нибудь не убежать. Его тянет в степь, в горы. Не первый раз она бродит среди скал, обходит заросли у озера в поисках сорванца. Вот опять, ищи-свищи его, как ветра в поле... А тут и домашних хлопот полон рот. Хозяйство невидное, маленькое, а сидеть не дает.

Алтыншаш вошла в юрту, но стоило ей взглянуть на одежку сына, как снова охватила ее тревога. Она выбежала из юрты и направилась в аул. Шла и про себя грозилась сыну: "Ну, неугомонный, найду тебя живым-здоровым, шагу ты у меня из дома не ступишь! Сегодня ты у меня получишь..." Не успела она подойти к первой юрте, как увидела бегущего навстречу Косумку. У него под рубашкой снова побрякивали камушки. Увидела сына и на сердце отлегло, и злость куда девалась... Да и в силах ли мать наказывать сына? Алтыншаш, по-матерински ласково взглянула на него, улыбаясь, нашептывала: "Козленочек ты мой, маленький бота, пучеглазый ты мой лашонночек..." На завтра повторялось то же, что было вчера. Козленочек, бота, лашонночек был неуправляем, снова исчезал, убегая в горы, в степь или на озеро. С ребятами или чаще один. Где бы не играл, где бы не бродил, а домой шел всегда нагруженный очередной коллекцией камушек. Причем, сегодняшние не были похожи на вчерашние. ...Косум подрос, а мать все еще не переставала волноваться за него, бегала по соседям, расспрашивала мальчишек, разыскивала в степи и на озерах. Косум укоризненно говорил:

– Мама, и что ты так беспокоишься обо мне? Глянь, я же не малыш какой-то!

– И верно, сыночек,- устыдившись, соглашалась Алтыншаш.

Чередовались времена года, год за годом уходил в безвозвратное прошлое, оставляя после себя одни воспоминания. Косум подрос, окреп. Стал понимать разницу между бедными, как он сам, и богатыми мальчишками...Те одеты в хорошую одежду, изнеженные, упитан-

ные, не бегают босоногими. Держатся от таких, как он, отдельно, пренебрегают бедными. Каждый день катаются на лошади, даже имеют своих любимых бегунцов. Эти наблюдения заставляли мальчика задуматься, почему у него нет ни лошади, ни хорошей одежды. Он досаждал матери: «Мама, вон у Омарки своя лошадь, а почему у меня нет?». Что могла ответить сыну забитая нуждой женщина? Не понимала она, почему на земле так устроена жизнь. Ей и самой жалко мужа: с раннего утра до позднего вечера, бедняга, гнет спину на Ахметжана, чтобы были сыты, не рассчитывая на большее... И отвечала сынишке: «Видимо, так угодно Аллаху, сыночек. Спроси у отца, он взрослый, сам объяснит...». Сын мало видел отца дома. Пока он еще спит крепким сном, Пшенбай тихо, чтобы не испугать сон детей, отправляется на службу к хозяину. Возвращается, когда дети уже спят. Иногда не вытерпит отец, в приступе нежности прижмется к спящему сыну, Косум откроет глазенки, полусонно улыбнется отцу, повернется на другой бок и снова забывается в глубоком сладком сне. Нередко снилось, как гарцует перед ним, переминаясь с ноги на ногу, резвый конь с густой гривой. Хочется вскочить на его гладкую спину и ускакать по степи далеко от аула, обгоняя ветер и плывущие в небе облака. Умчаться далеко-далеко, за те голубые горы, где, может быть, люди живут совсем другой жизнью... Но конь из детских снов не подпускал к себе мальчика близко. Громко фыркнув, убежал...

Уединяясь с природой, Косум как бы становился все сильнее, как бы становился батyroм из материнских сказок. Он смело пробирался между отвесных утесов, бесстрашно спускался в самые глубокие ущелья. Но где бы он не ходил, его внимание всегда притягивали разноцветные камни. Вечером, вернувшись из очередного похода, усевшись у очага, долго делился с матерью своими впечатлениями, накопленными за весь день, порою смеясь до слез над своими злоключениями. Как-то Косум в поисках новых камней для своей коллекции, исходив много мест, забрел далеко от аула. По дороге домой прилег от усталости отдохнуть на плоский камень, покрытого, словно ковром, толстым слоем плотного лишайника. Внезапно из-за большого облака выглянуло солнце, и его яркие лучи буквально ослепили мальчика. Он похлопал веками, чтобы прогнать лучи, но те не переставали слепить. Косум повернулся от упрямец, лег на живот и стал наблюдать за копошив-

шимися в траве мурашками и букашками. Ведь он интересовался не только одними камушками. Мог часами, не сходя с места, наблюдать и любоваться живыми существами, всем тем, что ходит, ползает по земле и летает по воздуху. Не переставая ходить по степи, лазать по горам, мальчик все больше сближался с природой, она становилась его лучшим другом. Отвернувшись от солнца, он увидел большого жука. Жук вышел из норки, постоял, осмотрелся: нет ли поблизости врагов. Расправил длинные усы и пошел, важно переставляя ноги... Часто останавливался, вытягивал усы в стороны и опять продолжал путь с тем же спокойствием. Косым следил за жучком и улыбался: «Ну, настоящий наш бай, не достает жуку только суковатой палки». Недалеко от него муравьи тащили добычу в свой дом. Они карабкались через бугорки, будто через высокие горы, кладь выпадала из цепких клешней, застревала в траве, но муравьи не покидали добычу. Молодцы мурашки, какие вы дружные, восхищался мальчик и думал, вот бы людям жить так дружно. Из-под камня, на котором он лежал, выставила тупую мордочку серая, с черными крапинками по спине, ящерица. В черные ее глаза блеснуло солнце. Ящерица высунула язычок, словно наконечник стрелы, облизала высохшие губы. Потом пошла, спокойно переставляя короткие ножки, виляя кончиком хвоста. Муравьи, заметив идущую ящерицу, бросили сухое крылышко от большой саранчи, над которым так усердно трудились, и мигом исчезли в густой траве. Косум невольно рассмеялся. Припомнился случай, как разбежались с друзьями кто куда, побросав свои асыки, от одного крика незаметно подошедшего бая.

Мальчик с увлечением наблюдал и запоминал повадки насекомых. Какие у них глаза? Какая походка? И всегда находил сравнение с кем-нибудь из знакомых людей. Вдруг его наблюдения прервал пронзительный свист над самым ухом. Косум повернулся и от легкого испуга широко открыл глаза. Рядом стоял Омар, внук Ахметжана и его дружок Касен. Они громко смеялись над опешившим Косумом, начали строить ему насмешливые рожицы, высовывать языки. Касен, хитро подмигнув дружку, громко, закричал:

– Ой ты, недоносок, а мы знаем, что ты...

И они засвистели, заулюлюкали, Косум сидел на камне, крепко сжав кулаки. Ребята не унимались, все больше и больше выкрикивали оскорбительные слова. Омар раздул щеки пузырем и ударил по ним ладонями: плевков прилип ко лбу Косума. Мальчик не стерпел и с кулаками кинулся на байского сына Омарку. Жалкий насмешник оказался трусишкой. Испугавшись Косума, бросился бежать, за ним следом припустил и Касен. Теперь Косум, торжествуя победу, кричал им вслед:

– Не попадайтесь мне трусливые зайчишки. Я припомню вам!..

Прошло много времени, и случай этот позабылся, Косум по-прежнему бродил по горам, собирал камушки, уединяясь с природой. И, хоть ребята не давали прохода, посмеивались над ним, что, как девчонка, собирает камушки, эти обидные насмешки несколько не повлияли на его поведение. Только он окончательно отошел от сверстников Вот и сегодня он бродил один. Шел, внимательно присматриваясь и интересуясь всем, что встречалось на пути. Огибал высокие крутые скалы, спускался в ложбины, лакомился душистой ягодой. В нынешнем году, правда, урожай на клубнику неважный, год удался засушливый, но кое-где в низких местах ягода зрела крупная, ароматная. А камни попадались ему с острыми гранями, усыпанные темными блестящими крапинками, будто оспой источенные. А из тех крапинок лучился желтый блеск. Находки, одна лучше другой, затянули мальчика далеко от аула. Когда почувствовал голод и усталость, то понял, что забрел далеко, в незнакомые места. Испугался, чего с ним почти не случалось. «Не заблудился ли?» - мелькнуло в голове. Он поднялся на самую высокую скалу, чтобы осмотреть местность. Огляделся. По далеким сопкам определил направления аула. Спустился со скалы и вышел в долину, где должна быть тропа, ведущая в аул. В Урпек не вели торные дороги, только на околице сплетались тропы, наезженные всадниками с разных сторон. Попав на тропинку, мальчик обрадовался. Теперь он шел неторопливо, будучи твердо уверен, что попадет домой. Шел бы еще быстрее, да не позволяли плотно набитые камнями карманы и пазуха. Камни оттягивали штанишки, сшитые из грубой овчины, сухой, жесткий ошкур врезался в бедра, бередил старые, поджившие коросты. Мучила жажда и голод. Уже

подумал, не спрятать ли часть камней здесь. Рука его потянулась в карман. Но он тут же раздумал: «Нет, надо тащить, дома у меня таких нет». Отец часто ворчал, что за привычка такая, собирать камни, целый ворох домой натаскал. Лучше бы чем-нибудь полезным занялся! Но сын не унимался, бродил, искал, радуясь каждому новому камушку... Поддерживая руками ошкур, облегчая боль, он медленно двигался вперед. Чувствовал, что до дома недалеко. Пахло кизячьим дымом. Доносился дальний собачий лай. Присел на широкий, плоский камень перевести дух и тут же увидел: из-за бугра вместе с облаком пыли выскочили три всадника. На резвых лошадях они летели, словно быстроекрылые птицы. Узнав в путнике Косума, Омар резко осадил разгоряченного под собой, коня, подскочил к бедному мальчишке и закричал:

– Вот где Аллах скрестил наши дорожки! – И он направил коня на Косума, принаравливаясь хлестнуть его плеткой.

Косум взмахнул руками, лошадь метнулась в сторону. Два других баловня, подобных Омару, громко смеясь, раззадоривали дружка:

– Ну и джигит! Пешего не можешь смять?

И они поочередно разгоняли лошадей, чтобы грудью коня сбить мальчика. Косум заскочил на камень, на котором сидел, и дружки байского сына пронеслись мимо него. Омар, зверея от разжигаемой злости, с яростью, как его дед Ахметжан, ругал приятелей, обзывая при этом Косума грязными словами:

– Дедушка тебя выдавил... Эй, беднота безлошадная, пустимся вперегонки! – Байский внук злорадствовал, чувствуя свое превосходство. Омар давно выискивал случая встретиться с Косумкой и отомстить ему за прошлое неудачное нападение. Он обжигал плеткой бока лошади, но конь все топтался у камня. Омар нагибался через голову лошади махал плеткой, чтобы нанести удар. Плетка не доставала, и он злился пуще прежнего. Косум уклонялся от ударов, молча переносил сквернословие. Он чувствовал, что его могут избить, искалечить, и спроста с противников не будет. А те в ярости продолжали один за другим налетать на ничем не защищенного мальчика, кричали, размахивая плетками, словно кавалеристы острыми саблями. Плетки в

воздухе пронзительно свистели, нагоняя на Косу́ма ужас. И как он не вертелся и не отмахивался, все же Омару удалось нанести сильный удар по плечу. Боль резанула и зажгла в Косуме ярость, вспыхнул гнев. Он спрыгнул с камня, который служил для него защитой, выхватил из кармана увесистый камень. Омар в этот момент развернул лошадь для повторного набега. Припав к потной шее коня, несся на Косу́ма с занесенной плеткой для удара, уже готовился вторым ударом сшибить противника с ног. Торжествуя победу, что-то кричал. Друзья стояли в стороне и криком подбадривали его. Разгоряченный конь несся в бешеной скачке и вот-вот должен был грудью сбить Косу́ма, подмять под себя и острыми копытами растерзать тело мальчонка. Вдруг Омар вытянулся в седле, рука с плеткой упала. Он качнулся в сторону и шлепнулся на землю. Лошадь метнулась в сторону и, почувствовав полную свободу, высоко брыкнула задними ногами, задрала густой хвост и умчалась в сторону аула. Приятели Омара переглянулись и разом, словно по сговору, развернули лошадей и ускакали назад. Увидев кровь на лице, которая лилась со щеки Омара на землю, Косум испугался. Подумал, что убил своего противника. Вытряхнув камни из карманов и пазухи, он убежал в сторону скал.

Х Х Х

У отца Омара сердце бушевало, будто океан в бурю. Душила комом застрявшая в горле злость. Из перекошенного рта вместе с руганью и колкими словами летели брызги слюны. Он без жалости схватив сына за шиворот чапана, залитого кровью и испачканного грязью, потащил к дедушкиной юрте. Дед сидел на пуховой перине, подобрал под себя ноги обложенный, как маленький ребенок еще не умевший сидеть, подушками. Прикрыв от блаженства глаза, короткими пальцами медленно перебирал янтарные четки. Мясистые губы, прикрытые щетинистыми усами, нашептывали молитву, в которой он усердно просил Всевышнего простить ему все земные грехи. Дверь юрты широко распахнулась, громко стукнувшись о кереге. С силой втолкну́тый в юрту Омар, пригнувшись, пробежал немного и уткнулся головой в дедушкины ноги. Падая, пробороzdил разбитым лбом по

грубой алаше, сдернул засохшую корку крови. Не стерпев боли, Омар заплакал.

– Не плачь, дурень! – зло выкрикнул отец. – Для чего растешь? Трое не справились с одним сопливым замухрышкой. Любуйся! – отец Омара перекинул свое зло на старика, – Тобой приголубленные звери. Твой выкормыш, благодетель. Сегодня внука избил, а подрастет – несдобровать, в первую очередь, и тебе, и мне. Этот любому свернет голову! Нелюдим, только в горах и обитает, зверь зверем растет, мерзавец...

Х Х Х

Солнце еще купалось за глубоким горизонтом, только узкая алая полоска зари протянулась на посветлевшем кусочке неба, а Пшенбай уже поднялся с постели. Уснешь ли после столь тревожного дня? Всю ночь тревожили его думы. Вся горькая жизнь проплыла перед ним словно в тумане. В Урпеке от нужды не было просвета, да свыклись с нерадостной жизнью, будто так и надо. Как-никак, своя землянка, свой угол, есть куда голову приклонить, а теперь хозяин приказал оставить жилье и убраться из аула на все четыре стороны...

– Чтобы с рассветом и духу твоего не было в ауле!.. – кричал днем на весь аул Ахметжан. Крутился с боку на бок в постели Пшенбай и думал, что ждет их семью в станице, ведь больше некуда перебираться. Горько расставаться с насиженным гнездом, пусть оно тесное, неудобное, но родное. В нем прожито много лет, здесь родились его дети... Обида на бая и на судьбу снова комом подкатывала к горлу... Не спала в ту ночь вся семья. Утром отец семейства настроил старенькое ярмо, завел в оглобли Красульку, со слезами вынес пожитки и кинул их на таратайку. Брызнули слезы из глаз Алтыншаш. И она, не стерпев, заголосила жалобно: «Не было покоя моей душеньке, не видела и радости в жизни. Будь ты проклят, старый черт, не давший нам жизни! Ранил ты мое сердце, не зажить, не зарубцеваться ране...» С раздирающим душу визгом скрипела несмазанная арба, лениво шагала за упряжкой единственная корова. Пасмурный с

понишкой головой шел за подводой Косум. Не по годам серьезный, он понимал: сдержи он себя, не было бы этого несчастья, не изгнал бы их бай, не заливалась бы слезами мать. Да и ему больно расставаться с лугами, горами, полями, так много приносившими ему детской радости. Удалялся аул, все больше и больше тонул в дымке степного марева, со скорбью уезжала семья бедняка. Косум все чаще оглядывался на горы, исчезавшие от взора... Вчера только он бродил по ним, полный радости, счастья. Поднимал причудливые камушки, любуясь ими. И вот в одночасье все рухнуло, как сновидение... Как бы он желал в эту минуту превратиться в ветерок, пронестись в последний раз по лугам, всколыхнуть траву, наполнить степь пряным ароматом, вознестись на самый высокий утес и подставить лицо степному солнцу. Глотнуть свежего воздуха, опьянеть и стремглав пробежать по всем знакомым местам, по которым бегал босыми ногами, оставляя свежие следы на холодной росе. Сердце мальчика наполнялось горькой обидой на свою судьбу, оставляя неизгладимый рубец на всю жизнь.

XXX

В предзакатный час солнце налилось багрянцем, сделалось большим огненным шаром. Алые лучи окрасили степь, горы и большое озеро Сабындыколь. В эту вечернюю пору из-за сопки Ермектас вывернулась и остановилась на песчаном берегу озера скрипучая таратайка. Перед взором схавших открылось удивительно прекрасное зрелище. Позолоченные купола казачьей церкви, напоминавшие две громадные луковицы, горели ярко. На тонком шпиле минарета, будто в огне, поыхал двурогий месяц. Косум стоял с широко открытыми глазами и с удивлением смотрел на искрившуюся гладь озера, словно посыпанную разноцветным бисером, на голубые баянаульские горы. Пшенбай, устремив внимание на мечеть и читая молитву, падал на колени, тыкался головой в песок. Усердно просил небесного владыку, чтобы он на новом месте оказал свою милость и послал счастье его семье. Солнце скатилось за горы, и сумерки переделали озеро в свой наряд. Ночь будто проглотила горы, церковь и мечеть, повесило вечерней прохладой. Косум, зачарованный, не шелохнувшись, как бы

боясь вспугнуть прелесть наступления ночи, стоял у арбы. Отец продолжал усердно молиться. И снова скрипнула таратайка... Скоро она остановилась у ворот невысокого деревянного домика. Вышел из дома хозяин, недоумевая, кого на ночь послал бог... Он долго всматривался пристально в темноту. Мужик он был высокий, с длинными руками, несмотря на старость, подвижный. На голове потрепанная круглая шапка, на плечах старенькая стеганая безрукавка. На смуглом, будто потускневшем, как бронза, лице сверкали темные, но ещё ясные, глаза. Это был Жапар, отец Алтыншаш. Он устремился к арбе:

– А, Пшеке! – узнал зятя, по-мужски прижимая к груди Пшенбая. – Салем! Салем! – искренне радуясь приезду семье дочери, повторял он слова приветствия. Приглядевшись в темноту, ещё больше удивился:

– Пшеке, да ты никак прикочевал?

– Да, – вздохнул Пшенбай. – прикочевал. Пустишь к себе?

Пшенбай знал, что Жапару тоже не сладко живется, будет ли рад он им? Но он глубоко ошибался, думая так о своем тесте. Старик, верный казахским традициям, не отказал бы о приюте даже незнакомому человеку. Жапар ласково встречал дочь, с которой так давно виделись:

– Что стоишь, милая? Проходи, и ребят проводи. Не к чужим ведь приехали, итак в дороге-то намучились. А дети как вымахали!.. Косум уже настоящий жигит, вытянулся. И то неплохо, будет отцу помошник. Ну что вы стоите-то, словно пристыли к земле? Проходите...

И только теперь обратился к зятю с обидой:

– Неужели обычай предков тобой забыт? Гость у нас всегда в почете, а ты все-таки зять, отец моих внуков. Спрашиваешь, пустишь ли к себе... Распрягай своего тулпара, проходи в дом.

В маленьких комнатушках и без гостей стояла духота. Пламя керосиновой лампы без пузыря мерцало слабеньким желтоватым язычком. При движении людей оно колыхало, и тени прыгали по стене, от чего в комнате становилось ещё мрачнее и теснее. Гости и хо-

зьева расселись за столом на низких ножках. В пузатом медном самоваре бушевал пар. Звякала расставляемая на столе посуда. Ароматный чай гости пили с особым наслаждением. Разогретые кипятком, обливаясь потом, мужчины разговаривали спокойно, не перебивая друг друга.

– Говоришь, из-за сына прогнал?

– Из за него прогнал. На коленях ползал перед ним, ноги целовал, прощения за сына просил...

– Ничего, потеснимся. Теперь не зима, в тесноте да не в обиде. Оглядиись прежде, присмотриись. И, не теряя времени, принимайся за дом. Ребята у тебя надежные помощники, да и я помогу. А когда построишь свой угол, тогда и чёрт тебе не будет страшен, баем себя почувствуешь. – рассмеялся Жапар, – Сапожничать-то не разучился? Вот и хорошо. Сына рядом посади, в жизни и ему мастерство это пригодится.

Старик внимательно посмотрел на понурившегося внука и произнес в утешение: – Жизнь-то видишь, какая шершавая, бугристая... Идешь по ней и все время спотыкаешься...

На второй половине стола Алтыншаш делилась с матерью горем, постигшем их бедную семью:

– ...Лошадь прибежала потная. Кому не доведись, родители бы дома не усидели. И тут весь аул на ноги подняли. Омара, оказывается, лошадь сбила. Представляете, кто плачет, кто заполошно кричит. Мужики лошадь не поймают, бегают вокруг юрт, а когда поймали, увидели на седле кровь, тут окончательно поднялась паника. Кто верхом, кто пешком, кинулись парнишку искать в горы. А я сижу дома, ничего не знаю, сама места не нахожу от тревоги. Не знаю, сколько времени прошло, мужчины привезли байского сына. Сквозь ругань и громкие крики слышу имя моего сына называют. А потом вижу, как отец пострадавшего мальчика, толстяк, на наш дом кулаками грозится. Меня в жар бросило, трясусь, не знаю, что делать. Бегаю из угла в угол. Мама, ты знаешь, что у страха глаза велики. Слышу, кричат: убил, убил... Не пойму, кто кого убил, и забилося мое сердце: не сына ли нашего... Верись, отяжелела так, что с места не могу сдвинуться,

слезами обливаюсь. Хорошо, бог соседку принес, она немного успокоила. Говорит, Косум голову Омарке камнем разбил. Конечно, и это большая неприятность, но главное, сынок жив. Тут же отлегло от сердца. Муж к вечеру пришел а Косумки нету. И мы пошли искать его. Где искать – сами не знаем. Кругом горы, скалы. Идем, кричим, я слезами заливаюсь. Разрывается мое сердце, да что тебе об этом говорить... Наверно, и сама с нами пережила многое...

Мать вздохнула, продолжая отхлебывать из блюдца горячий чай, согласно кивнула головой.

– Соседский мальчонка встретился, телят домой гнал. – продолжала Алтыншаш. – Он и говорит, что знает, где можно спрятаться в этих местах. Подвел он нас к высокой скале, а в ней большая трещина. Смотрим, Косум там лежит, свернувшись калачиком. Мы его звать, не отвечает... Тогда отец кое-как спустился в трещину и вытащил его. Глаза у сына красные, припухшие от слез.

Косумка быстро освоился на новом месте, подружился с местными мальчишками. Когда он рассказывал им, как смело вступил в борьбу с байским сыном и его друзьями, то казался тем батыром из сказки. Кто-то из новых друзей предположил, что новый друг, наверное, потому такой храбрец, что мать его волчье мясо ела, когда носила его под сердцем. Относились к Косуму все с уважением и даже побаивались... С первых же дней местные ребята увлекли Косума ловлей рыбы, но это увлечение недолго удерживало его на однообразном берегу озера. Алтыншаш в этот продолжительный промежуток времени наконец-то приобрела душевный покой. Теперь она в какой-то степени благодарила Аллаха, что он способствовал их переезду на новое место. День, принесший новые тревоги, наступил для матери неожиданно. Ребята, с которыми был неразлучен днем ее сын, сегодня с большими куканами рыбешек в руках вернулись от озера. Но сына не было с ними. Алтыншаш сразу заволновалась:

– Ребята, а Косумка где?

– С нами его сегодня не было, – мальчики удивленно переглянулись между собой.

Мать поняла, что в сыне пробудилась тяга к прежним занятиям, и тревога захватила ее сердце: ведь здесь горы высокие, лесистые, водятся много разных хищников.

...Косуму наскучили озера да рыбалка, его снова потянуло в горы. Снова заполонило его сердце желание искать диковинные камни в горах, наблюдать за жизнью букашек, а в баянаульских горах этого добра гораздо больше, чем в Урпеке. Хотя овсе же и целый день беззаботно проводил время на озере с ребятами, купался и ловил рыбу, не переставал вспоминать родной аул, оставленные там любимые камушки, на сбор которых ушли многие дни его прекрасного детства. Столько детской радости и волнения было связано с ними!.. Косум и теперь помнил, где и когда нашел каждый из них. И вот, не выдержав дальше томиться, покинув озеро, он направился в горы. Вечером мать встретила его с упреком:

– Опять начал свои прежние похождения?!

– Мама, - успокоил её сын, – не тревожься, здесь в горах нет таких причудливых камней, как в Урпеке. Одно сплошное нагромождение скал, неинтересно. Больше ходить не буду.

Косум с усердием взялся помогать отцу, стал изучать сапожное мастерство.

Первая находка

Косум вырос сильным, здоровым джигитом. Правда, ростом невелик, но с широкими плечами, крепкими мускулистыми руками. А вот тяга его к природе с годами не угасла, а все больше укреплялась. Из детского увлечения она в нем переросла в привязанность. Если в детстве он собирал камни без определенной цели, ради мальчишеского интереса к их необычным формам и окраскам, то теперь, узнав из рассказов старших людей о существовании рудников, где руду превращают в железо, понял, что земля не только растит хлеб, но и таит в себе целые кладовые подземных богатств. И кому суждено найти такую кладовую, тот обогатится, станет состоятельным человеком.

Косум бросил сапожничать, начал готовиться к длительному поиску клада. Пшенбай, огорченный неожиданным для него решением сына, говорил ему:

– Какая пустая у тебя голова!.. Золото ищет тот, у кого оно лежит в пазухе, а у тебя... Здесь, слава Аллаху, мы, стали хлеб есть. – Пшенбай взял поджаристый баурсак, подержал его в руке и положил на стол. – И только благодаря заработку на сапожном деле, а ты...

– А ты, сын, – перебила мужа Алтыншаш, – уходишь искать то, чего никогда не терял. Много ли поработали с отцом, а уже копейка повелась у нас. Поработаете годика два, глядишь, и кобылу купим. Не ходи, душа моя, не трать попусту время. Ни просьбы родителей, ни их благоразумные уговоры не подействовали на сына, и Косум пустился в горы на поиски золота.

...Сегодня стояла исключительная тишина. Даже пожухлая трава не шевельнется, не дрогнет веточка на сосне. Всегда шелестящая листвою осина, разморенная зноем, привяла. Солнце распарило сосновую хвою, из нее вытопились слезы янтарной серы. Лес наполнился смолистым настоем. Горьковатый налет проникал в рот, склеивал губы. Косум, задыхаясь от духоты, шел по старой заросшей тропинке, протоптанной по плешинам порожистого перевала. Обливаясь потом, он спустился к ручью Жалапгас, который извивался по глубокому оврагу. Присел на пенек в тени густой рощи у песчаного переезда. Из горы, пробиваясь сквозь камни, стремительно бежала вода, прозрачная и ледяная. Косум сполоснул горечь во рту, припав к воде, не отрываясь, долго пил, потом умылся и перешел на другой берег ручья. Приободрившись, Косум продолжил свой путь. Он уверенно шел по скалистым увалам, придерживаясь примет, о которых ему рассказывали аксакалы. Перевал к озеру Торайгыр, куда пробирался Косум, казался недоступным, но он был единственным прямым путем. Да и сам высокий хребет с удивительно интересной вершиной, нагроможденной скалами всевозможных форм, давно манил его к себе. Вскоре тропинка совсем затерялась в зарослях молодого сосняка. Обходя скалы, отвесные серые гребни, устланные гладкими, скользкими плитами громадных размеров, он забрел он в глубокую расщелину. Из узкого ущелья, будто из глубины подземелья, дохнуло на

него затхлой сыростью, запахом гниющего дерева и преющего лишайника. Вверху виднелся кусочек чистого неба, словно это было окно, накрытое большим листом стекла. Ущелье было окружено высокими зубчатыми скалами, которые делали его неприступным. Где-то падали крупные капли воды. Их падение с высоты отдавалось гулкими тяжелыми ударами. На влажных отвесных скалах чернело несколько ниш, обсиженных птичьим пометом. Из ближней ниши внезапно для Косума вылетела ночная сова. Она произвела столько жуткого воя и шума, что парень от испуга присел на камень. Сова вылетела в просвет, казавшимся окном, и быстро скрылась из вида. Косум посмеялся своему испугу и, набрав полную грудь прохладного воздуха, закричал: «А-а-а!»... Тут над головой эхом в ответ трубно загудели камни, да так, то ему на мгновение показалось, что рушатся скалы. Парня охватил ужас, и он попятился к выходу. Спотыкаясь о валежник дерева, он выскочил из ущелья, а внутри продолжало торжественно гудеть эхо. Выбежав из прохлады ущелья, Косум словно окунулся в океан тепла. После этого случая он еще долго блуждал по лесным чащобам, и только к вечеру перед ним открылась чарующая картина местности.

Озеро Торайгыр у северного склона горы Акбет, в полукруге синих шпилей, напоминавших древние пирамиды, лежало среди сплошной зелени голубым атласным покрывалом. Солнце рассыпалось на его поверхности миллиардом искринок, и они, переливаясь, горели радужным сиянием. Словно горела россыпь драгоценного металла, в поисках которого пустился джигит в дорогу. Все, что видел вокруг глаз, было мертво и безлюдно. Не с кем было поделиться такими яркими впечатлениями. Хребты, скалы молчат, а ведь только они знают, где затаились от человеческих глаз золото и другие богатства. ...С гор сорвалась вечерняя прохлада, побежала по овражкам, всколыхнула маленькие деревца, по лужкам и ложбинкам вырвалась на простор и пошла гулять по озеру. Только что блестящая атласом гладь миглом нахмурилась, посинела. Зеленый камыш зашелестел грубыми листьями, над озером поднялся шум воды, бьющейся о прибрежные скалы. Вспугнутая ветерком листва низко кланялась покрасневшему солнцу. Косум начал приглядывать место для ночного приюта. Расположился он у родника, бьющего фонтаном из-под земли,

будто из глубокой скважины, у самой подошвы обрывистой скалы. Кронистая ольховая роща радушно приняла ночного гостя под свой ветвистый покров. Маленький костер долго отгонял наступавший мрак, потом затлел мелкими синеватыми язычками. Слабенькое пламя лизало темноту, но она нисколько не уменьшалась, а вокруг хлопотали ночные мотыльки. Тысячи музыкантов-кузнечиков надрывали голоса, воспевая прелесть тихой ночи. Она до краев заполнилась темнотой и поглотила гребни гор и обрывистые утесы. Рядом булькал родничок, серебряным голоском ласково напевая свою песенку. Чего только не наговорил родничок за ночь случайному ночному гостю... Сколько чудесных дум ему навеяла горная песня! И как приятны эти воспоминания в такую благодатную ночь наедине с природой, которая так тонко охватывает душу человека...

Косум не спал. Уснешь ли, когда в голове скопилось столько ярких впечатлений!.. Мысли стремительно несут его по холмистой степи, поднимают на вершину горы, а внизу огнем горят россыпи дорогих камней. Он сбегает с горы, хватается один, другой.... Но что такое? Камни в руке гаснут, бледнеют и меркнут... Трудно сказать, почему в нем с детства зародилась такая неистребимая тяга к природе... Непонятно, почему неосознанное им это притяжение так и осталось в его душе? Косум ищет в земле, на её поверхности невидимые другими бесценные сокровища, которые должны обогатить не только его, а всех, кому живется несладко. Ищет без устали, не зная, как искать. Неизвестно, спал он в эту ночь или бодрствовал наедине с приятными мыслями, однако поднялся с зорькой. Запил холодной водой краюху сухой пресной лепешки и покинул ночлег. Снова обошел вокруг озера, рылся в песке, копался в земле, ворочал и дробил камни, но весь труд оказался безуспешным. Огорченный тем, что в столь прекрасном месте и вокруг озера не нашел ничего интересного, возвращался домой. Только теперь в обход горы Акбет, дорогой гораздо длинней, но более гладкой, чем через перевал. По пути провел поиск в ключах Айманбулак, Кыргызи.

Не один день Косум лазил по горам, по лесным чащобам, бродил по зарослям кустарника и все без успеха. Всюду встречалась мертвая, пустая порода. Косум подумал, может, правы родители, и

все его поиски – пустая затея. Он постепенно начал сомневаться в правдивости рассказов аксакалов о несметных богатствах под землей и в горных ущельях. Шел меж огромных каменных глыб, которые, подточенные ветрами, срывались с вершин скал и громоздились бесформенным наростом. Шел Косум не спеша и только по привычке изредка наклонялся, поднимал с земли кусок камня, осматривая со всех сторон. Ничего не обнаружив в камешке, закидывал его далеко и продолжал свой путь.

XXX

Подавленный неудачей и в этот раз, Косум окончательно потерял надежду найти что-либо полезное на земле, загроможденной камнями, густо проросшей лесами. Присев на удобный камень, он глубоко задумался, есть ли в этих местах руда. Но тут же отбросил эту мысль. Нет, старик Баки не будет лгать...

Внутренняя борьба – есть ли руда или нет – может быть ещё продолжалась, не прерви эти раздумья прысканье лошади за скалой. Косым повернулся к скале, из-за которой на гнедой тощей лошади вывернулся пожилой старик в неприглядной потрепанной одежке. Увидев парня, он подъехал к нему. Косум вскочил на ноги и, приложив руку к груди, первым поприветствовал всадника, который постариковски кряхтя, сполз из седла. Отвязав волосяные путы и наложив их на передние ноги лошади, он снял узду. Болезненно шагая, дошел ближе и опустился на густую зеленую траву. Старик, назвавший себя Нигметом, доброжелательно заулыбался, узнав, откуда держит путь Косум:

– А как же не знать Жапара!.. Знаю, знаю хорошо. Значит, ты его жиен, сын Пшенбая?

Косум поведал старику, по какой причине его семье пришлось покинуть аул и перебраться в станицу. Нигмет слушал его внимательно, изредка перебивая Косыма вопросами. Затем спросил напрямик:

– А что ты здесь делаешь? Не вижу твоей лошади

– Нигмет-ата, нет у нас лошади...

Косум замолчал, не зная нужно ли говорить старику правду. Но старик не унимался:

– Идешь-то куда и зачем?

И рассказал Косум старику по какому делу идет, что ищет, поведал о своем невезении. Нигмет-ата сухой рукой хлопнул парня по спине и усмехнулся:

– Восьмой десяток доживаю, однако первый раз встречаю сородича, который бы попусту тратил жизнь. Дело нашего рода, сынок, это скот, всегда будешь сыт и обут. Шатаешься попусту, и лошади не имешь... – Старик на какое-то мгновение замолчал, что-то вспоминая, потом резко повернул голову к парню и продолжил, махнув рукой на северо-запад, – Отсюда недалеко, вон за теми сопками, бежит быстрая река Канды-карасу. Там много старинных ям. Видать, в давние времена такие же чудачки что-то искали. Когда я пас Боштаевские табуны, видел. Раз у тебя громадное желание, валяй туда, глядишь, Аллах и пошлет тебе счастье. Молодой, ещё засветло доберешься.

Старик достал из пазухи грязную тряпицу вроде женского головного платка, повернулся на восток и, расстелив её перед собой, начал, кладя земные поклоны, читать молитву вечернего намаза. Косум стоял в раздумьи, пойти на речку со страшным названием Канды-карасу или возвращаться домой. Старик встряхнул тряпицу, старательно свернул, разгладил ладонью, и сунул в пазуху.

– Ты еще не ушел? – спросил он задумавшегося парня.

– Пойду!

Косум решительно, перекинул через плечо почти пустой коржун, сердечно простился со стариком и быстро зашагал в сторону, указанную стариком.

– Увидишь сопку Коныртас, держись левее! – крикнул вслед удаляющемуся парню Нигмет, а сам подумал, каких только на свете нет чудачков. Сам тихо зашагал к лошади, которая наслась недалеко.

Х Х Х

Речка бушевала полной силой потока. Шум воды, перекатывавшейся через каменные пороги, Косум услышал ещё издали. Подошел к берегу, когда на землю спустилась ночь. Вокруг ни одного дерева, торчали одни голые камни. Косум спустился к воде, вдоволь напился, выбрал место между камней. Затем подложив под голову коржун, устроился на ночлег. Заснул очень быстро. Спал крепким беспробудным сном, не слыша криков и воя ночных птиц и зверей. Проснулся он рано. Стояла ощутимая прохлада, но его удивила не она, а суровость реки и мрачность местности. Вода извивалась между высокими крутыми и почерневшими обрывами. Скалы нависли над водой сплошной стеной. Вода вместо голубой казалась черной. В этом месте речка, стиснутая скалами, не была широкой, а вот глубина ее приличная, течение быстрое. Косум умел держаться на воде. Он легко переплыл на другой берег, отыскивал старые копи, о которых говорил старик Нигмет. Он собрал образцы пород и знакомой тропой возвращался домой. Пересек широко разлившуюся вязкую топь ключа Моилды-булак. Усталый, присел на камень у протоки, чтобы смыть грязь с обуви, освежиться: знойно было сегодня. Долго наслаждался прохладой, плескался в холодной воде, а когда хорошо отдохнул и огляделся вокруг, вдруг зарябило в глазах от зеленой, будто медный купорос, щебенки с темными прожилками, выброшенной вместе с обвалом на крутом обрыве сопки, прямо на берегу ручья, размытого весенним половодьем. Косум вскочил на ноги, словно под ним оказалась холодная змея, подбежал к обвалу, начал сгребать щебень голыми руками и босыми ногами. В пылу неопишуемой радости, ещё не зная, есть ли в камнях что-либо ценное, голыми руками нагрёб большой ворох, набил оба кармана коржуна, в которых носил запас продовольствия. Присел у протоки, напился холодной воды и только теперь почувствовал, как больно саднят изрезанные острыми гранями щебенки руки и ноги. Он усмехнулся и подумал про себя: «Вот она жадность-то какая могучая!». Он опрокинул коржун, вытряхнул из

него все камни, не спеша перебрал их, отсортировал самые интересные, как ему казалось, с густой зеленой окраской.

Хотя коржун с камнями был тяжел и давил на плечи, но домой ему шагалось легко. Подгоняла Косума радость, спешил поделиться с аксакалом Баки, который в молодости занимался поиском руд на Алтае, где открыл много месторождений, а теперь, на старости лет, доживал свой век у сына. Косума подгоняло еще и нетерпение, горевшее внутри огнем. Хотелось быстрее узнать, какую ценность таят в себе найденные им камни. Скоро тропинка вывела его на павлодарский почтовый тракт. Дорога потянулась в гору, и как бы парень не был вынослив, а под тяжестью камней быстро утомился, да и голод давал о себе знать. Преодолев крутой подъем, Косум сбросил с плеч коржун, вытер рукавом пот на лице. С горы хорошо виднелась темно-зеленая полоска ольшанника, окаймлявшая русло Моилды-булак. Но ему в эту минуту было ни до до красот пейзажей... Он спешил, и, немного передохнув, забросил на плечо коржун и двинулся вперед. Не успел сделать и пару шагов, как услышал чуть уловимый, далекий звон колокольчиков. Оглянулся. Серая лента дороги по-прежнему лежала перед ним пустой. Видимо, ослышался, подумал парень. Косум не умел петь, не владел певучим голосом, а душа в эту минуту ликующе пела, превращая его в орла, вольно парящего над миром. Душа пела песню, у которой, казалось, не было ни начала, ни конца...

Х Х Х

Молва о необыкновенном богатстве рудных месторождений серебра, меди и золотых россыпей в казахской степи постепенно распространилась по всей России. Русский капиталист, купец первой гильдии Степан Иванович Попов приехал в казахские степи и сначала повел прибыльную торговлю нужными в быту товарами среди кочевого населения акмолинских степей. Одновременно исподволь он занялся и поисками золотоносных жил. Известно, что в те далекие годы не было разработанных научных методов разведки земных недр. Поездил Степан Иванович по обширной степи, кое-где покопался в

земле и, ничего не найдя, перенес свою торговую деятельность в Каркаралинский горный округ. Попова и здесь не покидала беспокойная мысль заняться промышленным делом. Но и здесь неудача за неудачей преследовали его неотступно. Хотя все прежние данные о крае говорили, что земля здешняя богата рудами. Тогда Степан Иванович начал заводить дружбу с кочевниками, которых до этого времени чуждался как народа слишком темного. Он стал задабривать их скромными подарками и щедрыми обещаниями, особенно тех, кто хорошо знал места, и побуждал их приняться за поиски. Казахи начали приносить ему образцы руд, показывали места, где когда-то древние народы вели разработки...

С позволения царского правительства Попов построил обогатительные печи в Беркаринских горах. Работы велись примитивным способом очень продолжительное время, а когда печи были готовы, то с помощью местной казахской бедноты, нанятой за гроши, сортировали отвальные руды вручную. Обогащенная примитивным способом руда не давала полноценного металла, но и не приносила промышленнику убытка. Жадность обогащения с каждой выплавкой черной меди все больше овладевала им, и тут до Степана Ивановича дошел слух, что совсем не далеко от его промысла в земле таятся несметные богатства. У подножий гор древнего Баянаула стелется обширная мелокосопочная степь, богатая дорогой рудой. А живущие там кочевники в силу своей совершенной неприспособленности и непонимания полезности металла будто топчут блестящие слитки копытами своих лошадей. Серебро буквально слитками, вытопленными из сопок жарким солнцем, валяется повсюду. Соблазнительный слух еще поддерживался и тем, что старший султан Муса Шорманов добивался дозволительного свидетельства на производство рудного промысла в Баянауле. Но главный начальник Алтайских горных заводов, по указанию министра финансов, не разрешил выдачу свидетельства человеку, не принадлежащему к православной вере.

В это время в казахскую степь начали стекаться промышленники с Урала и Сибири, всюю шла конкуренция между своими, православными. Степан Иванович, чтобы больше извлечь прибыли, не держал управляющих-доверенных лиц, не держал и специалистов.

Все дела по горной промышленности вершил единолично. Оставив Беркаринский рудник на старшего сына Александра, сам помчался в баянаулскую станицу, чтобы первым завладеть богатыми землями, если слух подтвердится. Ехал он с грандиозными планами захватить месторождения, построить крупный завод, может быть, и не один, прославиться своим несметным богатством на весь мир. Теперь промышленник знал: захватить богатые по содержанию залежей руд металла земель он сможет только посредством знакомства с местными рудознатоками. Эти люди, часто меняя места пастбищ в кочевках, изъездили горы и степь вдоль и поперек. Уж они-то точно знают места залегания сокровищ!.. И вот он мчится на почтовых перекладных лошадях в станицу с единственной целью: первым прибрать к рукам наиболее перспективные для обогащения земли.

Слух не обманул Косума, по дороге его догнал почтовый тарантас. Пара сытых лошадей вороной масти, роняя хлопья белой пены, выбивая из-под копыт рыжие клубы пыли, неслась по дороге. Под расписанной красками дугой перезванивались меж собой бубенцы. Уступая дорогу почтовому, Косум свернул на обочину и поставил коржун на землю. Ямщик, привыкший к щедрым купеческим чаевым, выбивал бичом резкие щелчки, протяжно покрикивал на лошадей, которые и без его понукания бежали резво:

– Ну, милые, веселей с горки на горку! Барин наш добрый, не поскупился на во-од-ку-у!

Из побуревшего кожаного тарантаса выглянуло сытое усатое лицо. Строгий властный взгляд больших серых глаз оглядел с ног до головы. Встретив на дороге одинокого парня, Попов решил поговорить с ним, а, если тот не окажется ему даже полезным, блеснуть перед киргизами своей добротой. Он знал, что подвезет его, а тот будет об этом рассказывать всем знакомым и незнакомым. Басовитый, мощный голос Попова заглушил разноголосый звон бубенцов:

– Ямщик, придержи-ка лошадей!..

Воронье остановились. Из тарантаса вышел мужчина представительный, с пробивающейся сединой на висках. Говорил он мягким басом и всей своей осанкой показывал, что он человек состоятель-

ный, деловой, хотя одет был скромно, по-дорожному, в легкую суконную поддевку. Поверх жилета висела желтая цепочка, на который были закреплены золотые часы. Плисовые широкие шаровары заправлены в высокие голенища новых яловых сапог. На голове, под цвет поддевки, картуз из дорогого сукна. Степан Иванович грузно ступил на баянаульскую землю, снял картуз и белым батистовым платочком промокнул влажную лысину. Потом важно подошел к парню, который стоял неподвижно, молча наблюдая за высоким господином. Он думал, что в станицу едет кто-то из больших чинов. Попов, неожиданно для Косума протянул свою мясистую руку и доброжелательно прогудел:

– Ну, дорогой, здорово!

Косум, конечно, не ожидал столь деликатного обращения, но и не растерялся. Схватил протянутую руку, потряс и ответил на русском, не вполне четко произнося слова:

– Здрасти!

– Да ты, молодчина, по-русски можешь говорить? – чрезвычайно обрадовался промышленник.

– Мал-мал понимаем. – тихо ответил Косум, стесняясь чужого человека.

– Парень, ты не стесняйся. – заметив волнение Косума, успокоил купец. – Такой жигит, как ты, понимающий наш язык, во как мне нужен.

Попов выставил большой палец руки и продолжил расспрашивать парнишку:

– А зовут-то тебя, милый, как?

– Косум.

– Касум. – эхом откликнулся Степан Иванович, искажая имя – Давай, садись на козлы рядом с ящиком. Подвезем...

Косум поднял с земли тяжелый коржун и поставил на ступеньку тарантаса, лежавшие в нем камни загрели.

– У тебя в сумке камни, что ли? – догадался по их гулкому звуку купец. Косум вместо ответа вынул из коржуна камень и подал Степану Ивановичу. Купец повертел камень у глаз, подкинул на ладони и радостно закричал:

– Парень, да ведь это натуральная медная руда, медь!

Охваченный восторгом, купец буквально засиял. Он выскочил из тарантаса, выхватил из рук Косуа кладь и, взвешивая на руках, сильным взмахом рук забросил коржун в салон. Попов не имел геологического образования, но занимаясь горнопромышленным делом, научился довольно-таки прилично разбираться в рудах. Убедившись, что парень собрал обравез медной руды, он благодарил Бога, что привелось встретить ему на дороге нужного человека. Усаживаясь, он крикнул Косуму:

– Садись-ка вот сюда рядом.

Не время брезговать этими немаканными, думал про себя Попов. Смуглый парень в это мгновение показался ему самым близким человеком в мире. В нем он видел спрятанную кладовую несметных богатств. Крикнул ямщику:

– Трогай, мужик! Да живей, будет тебе на чай...

Первая любовь

Кумысжан в свои семнадцать лет по мусульманскому обычаю считалась девкой засидевшейся. А засиделась она не потому, что родилась дурнушкой, да и семья не слишком нуждалась в ее рабочих руках. Их дом не знал нужды. Правда, и большим богатством не блистал, но достаток в доме был всегда полный. Засиделась она по воле отца. Отец горячо любил её. Может быть, потому, что она была единственным ребенком, а, может, за то, что сильно походила на его. Мусу радовало лицо дочери: прямой нос с чуть заметной горбинкой, высокий лоб, глаза, обведенные густыми черными ресницами, в которых часто проскальзывала усмешка. Пышные волнистые волосы убраны в косы, которые спускались ниже пояса. Девичий стан, обтянутый камзолом, украшенный нашитыми серебряными монетами, был

гибким и стройным. Длинное широкое платье из гладкой однотонной материи с волнистой сборкой по подолу еще 178 больше красило её. У нее была природная грация движений и мягкая походка. В общем, она была красивой девушкой. Близкие родственники, да и аксакалы, нет-нет, да напомнят Мусе: «Девка-то засиживается. Не в нашем это обычае...». Но не спешил Муса отдать молоденькую дочь в замужество, в чужие руки, да и калым не прельщал его, как других отцов. Он коротко отвечал сердобольной родне: «Из незрелого зерна хорошего хлеба не выпечешь».

Счастливая дочка порхала, словно пташка. Любила Кумысжан гулять лесу, прыгала будто козочка с камня на камень, побрякивая серебряными шолпами, вплетенными в густые косы. Однажды, гуляя и резвясь в лесу, Кумысжан почувствовала на себе пристальный взгляд чьих-то глаз. Остановилась. Из-за толстой кряжистой сосны, прижимаясь смуглой щекой к темно-коричневой шершавой коре, на девушку смотрел черноглазый парень. Смотрел восхищенно, внимательно разглядывая каждую черточку её прелестного лица. Кумысжан чувствовала пронизывающую силу этого острого взгляда. Стояла, будто замороженная, и недоумевала, что с ней случилось. Косум долго любовался ею молча. Девушка повернула голову, их взгляды скрестились. Кумысжан не вытерпела жгучего взгляда, потупила голову, а парень вышел из-за сосны, плечом подпер дерево, словно выставил себя напоказ: мол, смотри, вот я какой... Девушка вспорхнула, будто птичка, и только пушистые перья филина на макушке расшитой узорами шапочке замелькали между нагроможденных камней.

Так к Косуму в образе прекрасной лесной незнакомки пришла первая любовь, и запылало в его сердце, как обжигающий костер. Много встречал он девушек, но ни одна из них не взбудоражила сердце так, как эта нежная красавица, легкая, как пушинка. С той встречи Косум лишился покоя. Рвался каждый вечер к тому месту, где повстречал её. Длинным стал казаться ему день. Стал ощущать одиночество, чего раньше с ним не случалось. Теперь любая работа валилась из рук. Как только спускался на землю вечер, Косум уходил в бор, на опушке которого одиноко приютилась зимовка прославленного на всю баянаульскую округу кузнеца. Шел сюда с надеждой

встретить красавицу, признаться ей в своих чувствах к ней, лишивших его покоя. Но сколько он не ходил по опушку леса, незнакомка ему больше навстречу не попадалась. Он возвращался домой бледный, неразговорчивый. Спать ложился рано, долго крутился в постели, вздыхая о девушке, образ которой навсегда поселился в его сердце. Приходил в лес иногда рано, сразу же после полудня. Забирался на высокую скалу среди сосен, удобно устраивался на ее вершине и не спускал глаз с дома, где жила его зазноба.

Так проходили мучительные дни и ночи. Сегодня, как и в предыдущие дни, близилась вечерняя пора, полная сладостных надежд. Может быть, выйдет она из дома, махну ей рукой, тихо крикну, позову и она придет... Но уже вытянулись тени, постепенно сумерки заливали лес, а следом за сумерками ползла черная ночь без луны, которая поглотила зимовку. Почернели и скалы вокруг. Набравшись духа, Косум решил подойти к её дому. Как кошка, ступая мягко, подкрался к окну, за которым было темно и не слышно разговора. Эх, неудачно, успел он подумать, как дверь в комнату протяжно скрипнула. Понеслись легкие шаги. Косум отскочил от окна и прижался к саманной стене. Вспыхнула спичка, засветилась лампа, желтоватый язычок пламени запрыгал на стеклах окна. Это была она. Залитая светом лампы, девушка стояла посреди комнаты, погрузившись в раздумья, о чем-то думала. Потом начала перебирать стеганные одеяла разных цветов, сложенные в высокую горку у стены. Косум с замиранием сердца пальцем постучал по стеклу. Девушка вздрогнула, заволновалась, но не испугалась, словно чувствовала, что этот тот самый джигит, который приворожил ее своим взглядом в лесу. Она заслонила собой свет лампы и увидела прильнувшее к стеклу его лицо.

Кумысжан чуть не вскрикнула. Нет, не от испуга, а от радости. После той мимолетной случайной встречи и она загрустила. Образ парня глубоко проник в душу и беспокоил её все эти дни. От тоски она побледнела, исчезла присущая её возрасту резвость, стала молчалива и задумчива. Мать отнесла все это за счет простуды и строго наказала дочери не выходить в вечернюю пору из дома. И вот он пришёл сам! Увидев парня через стекло, она засияла, кровь хлынула к лицу, румянец залил щёки. Она рукой махнула в сторону двора. Ко-

сум догадался. Кумысжан сдёрнула с гвоздя старый чапан и тихо выскользнула из дома. Они без слов слились в объятия, молча чувствуя, что оба давно ждут друг друга, истосковались, измучились. Косум шепнул ей:

– Милая, завтра вечером приходи на Малайку. Буду ждать у ручья, против камня Коктас. Обязательно...

Кумысжан молча кивнула головой, легонько оттолкнулась от его груди и неслышно порхнула в темноту, скрываясь за углом...

Черёмуховая роща, вытеснив мелкие кустарники, разрослась широко вдоль ключа и густо цвела. Душистые гроздья белели большим сугробом, словно его намела пурга. Сквозь ветки на воду пробились солнечные блики, играли на протоке жёлтыми зайчиками. Косум сидел у протоки, где вода перекатывалась через каменный порог и падала небольшим водопадом. Пенилась, пузырилась, шумела, а в клубке пены играла радуга. Парень пришел сюда намного раньше и теперь терзался в томительном ожидании красавицы. Склонившись к воде и наблюдая, как перекатываются по дну крупные песчинки, думал, придет она или не придет.

...Мать с утра заметила, что дочка сегодня очень хлопотлива, проворно справляется по хозяйству:

– Ну, слава тебе, Аллах, вернул дочери здоровье! – возносила она благодарность Всевышнему. Кумысжан, услуживо справляясь с работой, тем временем продумывала, под каким же благовидным предлогом ей уйти из дома. Вдруг её осенила блестящая мысль. Она взяла веник, связанный из хвороста, и подошла к матери:

– Смотри, не веник, одно мучение! Не метет, одни палки остались.

Мать, не отрываясь от работы и не взглянув на веник, ответила:

– Ишь, дело-то какое сложное. Давно могла сходить в лес наломать новый. Далеко ли?

Косум, поглощенный беспокойством, и не услышал шаги подошедшей девушки. Лишь почувствовав осторожное прикосновение нежных рук, вздрогнул. В зеркале протоки заколыхался тонкий стан

девушки, и, обернувшись, он увидел свою милую. Кумысжан звеня монетами, склонилась к нему:

– Помешала думать? – ласково спросила она.

– Нет, что ты, дорогая! Разве ты можешь помешать мне?

Косум нежно обнял её. Девушка, не отрывая взгляда и любуясь жигитом, повторяла: «Суйген жаным...Любовь моей души».

Впервые расцвели у чистой, как хрусталь, воды и чистые сердца молодых, распускаясь лепестками счастья. Они клялись друг другу на вечную верность, и свидетелями той сердечной клятвы были черемуховая роща да вода, перебегавшая через каменный порожек. Кумысжан припала к его груди горячей щекой и спросила:

– Ты сильно меня любишь? Так же сильно, как я тебя?

Косум поднял девушку на руки, поцеловал в горячие губы, словно налитые малиновым соком, и пообещал:

– Вот так, с любящим одну тебя сердцем пронесу тебя через всю нашу жизнь.

Первые деньги Попов не впервые входил в казахские зимовья, но в такое, в каком жил Косум, зашел в первый раз. Пришлось пригнуться так низко, что хрустнула поясница.

– Ну и живут же люди! – пробурчал он сердито, натываясь на стойки, будто специально расставленные для него.

Суковатые стойки Пшенбай подставлял под прогнувшиеся жерди. На них вешал всякую рухлядь: хомутины, остов седелки, ступицы от колес...Собирая барахло, Пшенбай говорил жене:

– Может, когда-нибудь купим лошаденку. Тогда все это может пригодиться. – он все еще не терял надежды приобрести лошадь.

Степан Иванович шел по двору наощупь, словно слепой. В дверях пригнулся еще больше, перешагнув порог и окунувшись в душный мрак Косум пил чай. Увидев такого важного гостя, он вскочил на ноги и пригласил того к столу.

– Нет, нет... – отмахнулся рукой городской человек. – Кушайте.

Сам между тем подумал, что не вовремя пришел. И обращаясь к Косуму, сказал: – Выйду наружу, подожду на улице.

Выйдя из дома, качал головой: вот она, настоящая бедность. Прокашлялся, оберся платочком и присел на обрубок бревна. «Ох, эти дела житейские. Куда они только не заведут. В огонь бросишься и море перешагнешь. Господи, вот мне-то чего не хватает? Мучуюсь, а достатка-то и без того полным-полно. Так нет, еще надо, забрел в глушь. Можно сказать, на край света».

Степан Иванович брезгливо сморщился, передернул плечами и начал успокаивать с себя: «Надо-надо. Выстрою завод, поправлю дела и тогда уж уйду на полный отдых. Да простит Господь меня, грешника». Попов размашисто осенил себя перстом и добавил: «Храм божий здесь есть, надобно молебен отслужить, пусть Бог на меня не гневается». Сам же в это время нетерпеливо поглядывал на дверь, из которой должен появиться парень. В нем уже начинало вскипать нетерпение. Он очень спешил завладеть выгодными месторождениями меди, обнаруженными Косумом, что уже строил планы будущего. Думал, как бы с киргизом не прогадать, лишнего парню не передать. Косум, наскоро выпив горячий чай из пиалы, выскочил вспотевшим к купцу во двор. Степан Иванович, теперь видя в парне свое будущее богатство, отверг купеческую брезгливость и усадил Косума рядом на бревно. Промышленник коротко поведал о себе и зачем он приехал:

–...Вот по такому-то делу судьба закинула в ваш глухой край. Люди, значит, рабочие руки потребуются мне, много рабочих. Медь буду добывать. Если мы, промышленники, не добудем, самовары не из чего будет делать. А ты, парень, вижу, мне нужный. В обиде не останешься.- Степан Иванович потрепал Косума по плечу. – Ты будешь находить руду, а я её буду превращать в деньги, в большие деньги и заживем мы с тобою, парень, на славу... Работы хватит и мне, и тебе в достатке. Только не ленись. Ленивых я, ух как не ненавижу! Понимаешь, будешь честно служить, сделаю из тебя человека.

Попов улыбнулся, стараясь придать себе вид человека с мягким сердцем и добрым характером, стараясь скрыть суровость серых глаз. Косум слушал его и думал: «Ай-ай, какого большого человека Аллах послал мне. Наверняка, очень умный!» Джигит бесконечно радовался

тому, что он теперь будет иметь заработок. Раз будут у него деньги, значит, сможет быстрее посвататься к Кумысжан. Радовался и тому, что теперь и родители на него посмотрят по-другому, не будут упрекать, называя его поиски пустой затеей. Об условиях Косум и не думал. Да и не понимал он, чего будет стоить его труд. А на похвалу купца ответил:

– Камень мал-мал знаем. Плохо, совсем плохо, лошадь нету. Сайман, как сказать, лопат камень, все таскай... – он хлопнул себя по плечу, – Собсем плох.

Степан Иванович сразу же понял о какой нужде говорит Косум:

– Тебе лошадь нужна? Ты безлошадник?

Нужно сказать, что этому случаю купец обрадовался. Вопрос, над которым ломал голову, теперь решится быстро, а главное дешево:

– Лошадь купим. Деньги дам.

Косум не хотел верить слуху. Как так, чужой человек обещает деньги на покупку лошади. Отец, всю жизнь горбатясь на баев, мечтал о лошади, а тут счастье будто с неба свалилось. Степан Иванович видел, как волнуется Косум и тоже оставался доволен, что угадал самую сокровенную потребность парня.

– Сколько стоит лошадь? – поинтересовался купец. Косум никогда о покупке лошади не думал и не знал цены на них:

– Отца зовем, потом скажу... Пшембай с сыном разговаривали на своём языке. Степан Иванович не понимал их, но видел, как отец тоже волновался и посматривал на него благодарными глазами. Пшембай, по правде говоря, тоже не верил: как так, незнакомый человек обещает купить лошадь. Старик схватил тяжелую руку Попова, сильно потряс ее и почти прокричал:

– Здрасте, здрасте, мырза!

– Здорово, здорово старина! Ты скажи-ка лучше, сколько рублей стоит лошадь? – купец еле освободил руку, которую Пшенбай продолжал сжимать.

Старик вопросом господина был поставлен в тупик, не зная, какую назвать цену. Лошади ведь разные: одна хорошая, другая похуже. Стало быть, и цены разные. Обдумывая, сколько назвать, старик замолчал.

– Ну, чего молчишь? – торопил Попов Пшенбая.

– Двенадцать. – старик выставил перед купцом пальцы рук, потом восемь убрал. – Понял, понял тебя старина! – сказал промышленник, сунул руку в карман жилета, вынул бумажник из желтой кожи, с несколькими складными отделениями, туго набитый бумажными денежными знаками. Положил его на колено, вынул пачку трехрублевых кредиток, отсчитал четыре. Отец с сыном, не моргая, впились глазами в деньги, казалось, готовы были выхватить их. Попов поглядел на них и подумал: «Люди, видать, бесхитростные, еще пригодятся, да и цена на лошадь сносная. Пусть ещё чего-нибудь купят». Он добавил пятый трояк и подал Косуму:

– Бери, парень, да покупай лошадь.

Косум подержал деньги и передал отцу. Пшенбай сжал трешки в трясущийся кулак, не зная, куда их сунуть. Это первые деньги, превышавшие стоимость лошади. А крылатая мечта уже успела подхватить его сына и понесла его в дальние степные просторы... Голос Попова прервал этот мечтательный полет жигита к любимой девушке:

– Касум, запомни русские говорят: нанялся, что проданся. Ты теперь состоишь на моей службе, понял? Будешь добросовестно исполнять мои распоряжения, и я буду к тебе хорош.

Степан Иванович за толстую цепочку вытянул из кармана часы, щелкнув, открылась крышка:

– Теперь полдень, ехать поздно. Пойду на квартиру, отдохну с дороги. Уже с утра тронемся на твои места. Покажешь где нашел руду. Ты приготовься, не забудь лопату, топор, ну и не мешает лом прихватить, может, и понадобится.

Ранним утром пара резвых лошадей, впряженная в легкий ходок, остановилась у дома Пшенбая, вызывая тем самым любопытство жителей Жатака: с чего это к Пшенбаю зачастил этот важный незна-

комец. В темно-коричневой коробке, сплетенной из черемуховых прутьев, торжественно восседал промышленник. Косум был давно готов и не заставил Попова томиться в ожидании его. Быстро уложил инструменты в ходок, сам вскочил на козлы и уселся рядом с хозяином лошадей. Степан Иванович ткнул кучера в спину и приказал:

– Иван, трогай!

Лошади, застоявшиеся на сытом корме, рванули с места. Следом за подводой завихрилась дорожная пыль. Завихрились в голове промышленника и мысли. Он теперь знал, что первым приложит руки к богатствам здешней земли, снимет первые их пенки, как хозяйка собирает их со сметаны в горшках. Иван-станичник, хорошо знакомый с местностью и дорогами, знал, где можно пересечь речку вброд, и быстро домчал купца к нужному месту.

– Тпр-пр-у! - натягивая вожжи, крикнул Иван на лошадей. Степан Иванович качнулся от резкого толчка, мысли будто выплеснулись из головы, как выплескивается вода из переполненного ведра.

– Значит, приехали! – удивился тому, что так быстро оказались на месте. Купец резво выпрыгнул из коробки, потянулся так, что в замлевших ногах хрустнули суставы. Косум повел промышленника к крутым обвалам сопки у подножья, которой виднелись бугры, заросшие травой обдутые ветрами. Иван выпряг лошадей, поставил на выстойку, сам расстелил на землю в тени ходка старый зипун и улегся отдыхать. Косум с Поповым обошли вокруг нескольких сопок. Картина была одинаковая, всюду встречались мелкие камни, содержащие руду меди и ещё какие-то замысловатые, в которых Степан Иванович не мог разобраться, но явно было одно, что этих породах содержалась краска разных цветов довольно в больших пропорциях. Попов не удержался:

– Место богатейшее, Касум, но и дел здесь немало! Силы да ума потребуется много. Ты давай, вон на той сопке пирамиду из камня сложи, бирку укрепи. А я займусь описанием местности, для заявочного акта потребуется.

И они разошлись выполнять каждый свое дело. Управились быстро, возвратились к подводе. Иван, позабыв про лошадей, залива-

ьясь потом, крепко спал. Степан Иванович разбудил его и побранил за то, что лошади, одолеваемые степным гнусом, бьются, а он спит:

– Нет, браток хороший хозяин вначале лошадь напоит, накормит, и тогда только о себе позаботится...

До обеда время оставалось еще много, и они решили пить чай на следующем месте, где родниковая вода, зелень и прохлада, как утверждал Косым. ...Крутой обрыв черной стеной преградил дорогу. Вокруг валялась щебенка, словно ее тут кто-то специально надробил и покрасил купоросом... Из глубины обрыва торчали камни, переплетенные паутиной толстых зеленых жил.

– Слушай-ка, парень, вот оно богатство-то, мать честная! Под ногами валяется... – восторгался Попов. Много исколесил промышленник мест в поисках руды Сибири, Алтая, а в последние годы и по киргизской степи, но не приходилось ему видеть подобного месторождения. Ни разу не испытывал такого потрясающего волнения, как в эту минуту. Пот заливал лицо, вспотела лысина. И было отчего: медь валялась немерено вокруг, а сколько её под землей, внутри этой сопки... Бери руду хоть руками, загружай печи, и потечет медь ручьем, не нужны и рудокопы. Степан Иванович вынул из саквояжа, с которым не расставался, книгу, как он делал и на Канды-Карасу, затем и дорожную чернильницу с ручкой. Обошел пригорок, с южной стороны поднялся на вершину сопки. Внимательно осмотрелся вокруг и начал записывать: «Ключ берет свое начало с высоких гор, которые длинным хребтом тянутся с востока, изгибаясь на юго-запад. Ручей, густо заросший кустарником, разными травами. К небу вытянулись деревья ольхи, осины, кое-где проглядывает береза, выделяясь белизной наряда. Видимо, весной бушует сильный поток воды, у которой хватило силы расправиться с сопкой, и она, разломив сопку пополам, проложила себе извилистый путь. Вода, многие годы смывая сопку, оголила руду. Велики ли ее запасы, угодно знать богу. То и это место сыскал местный житель, как они называют, из жатаков, что расселились недалеко от станицы. Станица – единственный населенный пункт, где живет православный народ. Молодой киргиз по имени Касум, сын Пшенбая. Ключ называется Моилды-булак, пересекает почтовый тракт...».

Степан Иванович ещё раз осмотрелся и приписал: «Через ключ перекинут деревянный мост, принадлежит он почтовому ведомству».

– Что ещё? – поглядывая по сторонам, думал купец. Попов любил в делах обстоятельность и абсолютную точность, потому и боялся, как бы чего важное не упустить из виду, а все эти данные требуются для составления позже документа, дающего право на эксплуатацию данного месторождения. Не найдя чего-либо еще примечательного, Степан Иванович поставил точку и облегченно вздохнул. Крикнул сверху Косуму:

– Сруби подходящую лесину для столба, да носи сюда.

Косум быстро свалил ольховую лесину, ошкурил, обтесал и принес столб к хозяину. Попов сделал глубокий затес и чернилами по нему произвел надпись «Владение С.И.Попова». Таким образом появились первые заявочные столбы на земле баянаульской, поставленные первым в тех местах промышленником Поповым.

– Учись. – поучал он похода Косу́ма. – Когда доведется найти руду, первым делом ставь столб с заявочной табличкой. Тогда другой человек уже не посмеет лезть сюда. У нас, горнопромышленников, существует такое правило, да и закон в этом деле тверд. А таблицами снабжу в достатке.

Установив столб с надписью, они пришли к подводе, где Иван, как и на Канды-Карасу, беззаботно похрапывал под телегой. Степан Иванович разбудил его:

– Иван, не хватит ли тебе землю-матушку давить? Поднимайся. Давно мог чайку вскипятить, а ты дрыхнешь, будто ночь не спал.

Мужик припух от продолжительного крепкого сна, лежал красный, разморенный духотой. Купец безнадежно махнул рукой в сторону подводы и сказал Косуму:

– Ты не надейся на него, разведи костер, кипяти чай, а как чайник вскипит, крикни меня. Я пройдусь выше по ключу, больно зелена-то здесь множество.

Иван, потягиваясь и, лениво зевая, отвязал медный чайник, болтавшийся под телегой, и, подавая его Косуму, полюбопытствовал:

– Когда Бог тебя свел с этим толстяком?

Иван – человек по природе ленивый, но могучий. Попадись ему под случай медведь, и того одолеет. Ко всякому делу безразличен, дальше станицы не бывал. Знал свое хозяйство, любил сытно покушать да вдоволь поспать. Ничто другое в жизни его не интересовало. Потому и был удивлен:

– Зачем надо рыть землю? Что ему, деньги некуда девать? Видать, богат мужик... – Ойбай, Ибан, – помотал головой Косум, – земля не копай, железа нету, плуг нету, чайник нету...

– Не то парень, болтаешь. – возразил Иван, – Все это дается по милости божьей. И, обидевшись на Косуна, что тот сказал противное его убеждениям, крикнул:

– Неси-ка воды! В чашке, пожалуй, больше толку, чем в ваших камнях.

Чайник, закишая, фыркнул. Крышка, поднятая паром, подпрыгнула и зазвенела. Потекли струйки кипящей воды, огонь зашипел и выбросил облачко серого пушистого пепла. Не успел пепел осесть на землю, из кустов высунулся Попов:

– Эй вы! – крикнул он. – Чайник держите, убежит!

Степан Иванович, обрызганный грязью, облепленный тенетами, но радостный, направился к телеге, вынул чемодан, а из него достал плитку прессованного черного чая, на обертке которой летела ласточка, и подал Косуму:

– Запарь чай покрепче. Страсть люблю полевой, это не домашний...

Аромат чая быстро распространился, и Косум потянул носом:

– «Губкен»? – спросил у Попова. Чай этой фирмы казахов считался самым лучшим сортом.

– Да, Касум. Фирма "Губкин и компания», замечательный сорт «Ласточка».

Чай отдавал дымком и пился с особым наслаждением, к тому же на скатерти лежали кусочки сахара. Хозяин сегодня был добр, а степные жители редко, когда наслаждались сладостями, и вкушали его при случае с большим удовольствием. Попов пил чай мелкими глотками и обдумывал будущие дела: «Нужно оборудование для плавильных печей. Надо срочно ехать. Куда, как не в Омск? В Павлодаре промышленности нет. Надо вытребовать с алтайских заводов мастера по плавке руды. Господи, сколько же создаю себе мороки! И все из-за богатства. Доставить тяжелые грузы в эту глушь, через Иртыш и степь – дело не из легких...» Мысли, тянувшиеся нескончаемой нитью, прервала прилетевшая сорока. Она уселась на вершину дерева, в тени которого троица распивала ароматный губкинский чай. Сорока, вертляво помахивая хвостом, прыгала с ветки на ветку. Вдруг отломившаяся веточка угодила в бокал с чаем Попова. Купец возмутился: мысль прервала, да и чай испакостила. Не спуская глаз с длиннохвостой, он нащупал рукой саквояж, подтянул его ближе. Ощупью раскрыл, порывлся и вынул никелем блеснувший револьвер. Взвел курок, вытянул правую руку, прищуривая глаз. Сорока продолжала крутиться, сверкая белым оперением, помахивала сизым хвостом, не чувствуя, что ее ловят на прицел. Раздался короткий резкий щелчок. С дерева упала ветка, отсеченная пулей, а сорока перескочила на другой сук, повернулась, щелкнула клювом, взмахнула крыльями и исчезла. Косум от выстрела вздрогнул, а Иван и бровью не повел.

– Улетела плутовка? – с досадой крикнул вслед улетевшей птице Попов и положил револьвер рядом с собой на разосланную вместо скатерти попону.

– Ай-ай, карош стреляй! – Косум потянулся к револьверу. Он видел такой впервые и до крайности был удивлен маленькой стреляющей штучкой. Его охватило страстное желание владеть этим маленьким ружьем. Степан Иванович не имел привычки доверять свои вещи в посторонние руки, тем более, опасный револьвер:

– погоди, дружок... – Попов взял в руки револьвер, открыл барабан, вытряхнул из него пять пуль и подал револьвер Косуму. В другой раз он не позволил бы себе подобной мягкости, но, видя в парне

бескорыстное любопытство, не смог отказать и подал Косуму блестящую вещичку.

– Ай-ай, какой карош!. – Косум крутил револьвер, не переставая восхищаться. Попов понял, что джигит горит желанием иметь револьвер. Опередив его просьбу и учитывая, что в поездках по глухим местам его новоиспеченному помощнику оружие может пригодиться, сказал:

– Парень, ты, ей-богу, влезает в мою душу. Чувствую, хочешь иметь такой. Бери навсегда, только служи мне честно.

Первая покупка

Пшенбай, получив деньги от сына, просто измучился. То сгибал трехрублевые бумажки, то разгибал их, ложил на колено, разглаживал ладонью на сгибе. Потом сунул в карман, но, вспомнив, что тот дырявый, выдернул деньги, словно обжег руку в кармане. Поднял валяющуюся на земле тряпицу, стряхнул пыль и завернул в нее. Узелок с деньгами положил в конец длинной опояски и обвязал себя так, чтобы деньги лежали впереди. До пятницы и не думал производить покупку, хотя уже знал, кто из жителей Жатака намеревается продавать кобылу. Пятница у мусульман считалась самым счастливым днем недели. Терпеливо дождавшись счастливого дня, Пшенбай сотворил молитву и вышел из дома. Алтыншаш знала куда и зачем отправился муж, пожелала ему успеха и крикнула вслед:

– Торгуйтесь, да не нарвитесь на клячу. Хорошо присмотритесь. Лошадь не надо, кобылу покупайте!

Пшенбай шагал твердо, уверенно. Он впервые чувствовал себя настоящим человеком. Шел он к Ибраю, кобылу которого он приглядел за эти дни. Рыжей масти, справная. Местной породы, степная – значит, выносливая. Под кобылой жеребушка, родившаяся этой весной, вороной масти. Жеребенок неприглядный. В погоне за надоем больше молока кобылу выдаивали до последней капли, жеребёнок оставался голодным, к тому же допоздна стоял на привязи. Ибрай издалека увидел идущего к его дому Пшенбая и удивился, чему того

надо от него. Не кобылу же идет покупать, кажется, прости меня Аллах, а потом гnevаются. Сам он, как все жатаки, тоже не кочует, но по характеру хитрый. Сумел подвизаться к зажиточному станичнику-казаку, и под его опекой занимается легким, но опасным ремеслом – конокрадством. Об его воровской деятельности знали станичники, некоторые пальцем тыкали на двор Ибрая, но заявить начальству никто не решался. Да и трудно доказать: ворованных лошадей Ибрай в своем дворе не прятал, они стояли во дворе казака, а на этого не заявишь... Казак же сбывал краденых лошадей по сходным ценам, из вырученных денег лишь небольшая доля перепадала вору. И тот был доволен. Правда, местных жителей Ибрай не обижал, с Алтая пригонял лошадей.

– Салем алейкум, Ибеке! – Пшенбай приложил к груди руку и низко поклонился. – Алейкум салем! – протянул приветствие нараспев Ибрай, и пригласил соседа, – Прроходи, дорогим гостем будешь!

Они прошли вглубь двора, присели на бревно, что лежало вдоль стены дома на солнцепеке. Разговор завел Пшенбай:

– Мал,жан аман ба, Ибеке? Скот, люди здоровы?

– Барлыгы да аман, Пшеке! Здоровы. – отвечал хозяин.

– Слышал, кобылу продаешь. Правда ли?

– Продаю, – прищурился, не без удивления посмотрел Ибрай на пришедшего и усомнился: не с подвохом ли тот заявился. – Кобыла продается, это правда. Откудова деньгам-то у тебя появиться? Кобыла у меня молодая, молочная, кумыс жирнее баранины. А накинешь на спину седло – вихрь и тот не нагонит. Ибрай начал расхваливать кобылу во всех отношениях, как купцы нахваливают свой товар, а потом добавил:

– Хороша кобыла, но не по твоему карману, сосед. – и с досадою махнул рукой, выражая жестом: мол, без толку с тобой время терять.

– Ибеке, ты в моем кармане не бывал зачем же так унижаешь? – А пальцы Пшенбая так беспокойно теребили узелок в котором лежали деньги. – Жеребёнок масти-то хорошей, но больно уж слабый,

чуть-чуть держится на ногах. А кобылу расхвалил, будто я к тебе издалека приехал. Кобыла обыкновенная... Думаешь, продать – назначай цену без запроса, не ты один продаешь, кобыл в продаже много. А к тебе пришел как к соседу...

Ибрай пожевал длинный ус на зубах, провел рукой по бороде: «Неужели бедняк деньги раздобыл» Подумал мужик и будто заглянул в узелок опояски:

– За спрос денег не берут. В одном сомневаюсь, купишь ли ты кобылу?

– Понятно не куплю, если цену заломить несусветную.

– Пятнадцать рублей, ни копейки дешевле.

– Что же ты, сосед, Аллаха гневаешь! Где ты такую цену слышал? Как у тебя язык повернулся назвать такую неслыханную цену?..

– За спрос денег не берут, я уже тебе говорил. Не мило – не слушай. Скажи свою цену, послушаю, а мой запрос в твой карман не залез.

– Десять рублей и ни копейкой больше, и то из-за жеребенка.

Долго они торговались, много раз шлепали ладони, но ни одному из них уступить не хотелось.

– Нет, не столкуюсь с тобой, Ибрай. Пойду к другому. – Пшенбай безнадежно махнул рукой и пошел со двора Ибрая. Ибрай видя, что покупатель и вправду уходит, крикнул тому:

– Эй, сосед, вернись!..

Пшенбай вернулся, скоро и сделка состоялась. Покупатель настоял на своей цене. Подвел Пшенбай кобылу к воротам и крикнул жене:

– Чембур подай-ка!.. Растянув тонкий волосяной повод вдоль подворотен, он ввел лошадь во двор. В народе бытовало поверье: если купленная лошадь, перешагнув через чембур, не сбила его копытом, значит, она ко двору. Будет служить хозяевам своим верно и справно. Далекая дорога Радостям в доме Пшенбай теперь не было

конца. Старики не отходили от кобылы. Поили-кормили, заботливо ухаживая и за жеребёнком. Отец не терял надежды на то, что сын его ещё не раз сослужит службу доброму мырзе, и тот снова щедро отблагодарит его за труд. Но скоро радость исчезла, как исчезает сновидение. Не прошла и неделя, как судьба свела их сына с промышленником, а тот уже вызвал Косума и поставил перед ним задачу:

– Что ж, Касум, надо тебе двинуться в путь-дорогу. Надо обследовать степи на юго-западе отсюда. Пойдешь до озера Балхаш. Иди в этом направлении, ищи, и ты чего-нибудь найдешь. Нюх на руду у тебя прекрасный. Время дорого, терять его попусту не следует, собирайся и в дорогу.

Косум не мог отказаться. Хорошо запомнил слова Попова: на-нялся – значит, проданся. Сам Косум втайне давно мечтал побывать в краях, что простираются далеко на баянаульскими горами на юг. О той степи в народе ходят легенды и предания. Они-то и манили парня в дорогу. И все же, прежде, чем пуститься в неведомый край, Косум пошел посоветоваться с Баки-аксакалом, выслушать, что скажет опытный поисковик месторождений. Он-то много ходил по горам и долам, опыт имеет большой. Старик обрадовался приходу парня. Любил он со страстью рассказывать о горном деле, о своих дальних походах, насыщенных интересными, иногда и горькими историями. Разговор на любимую тему вызывал у него много воспоминаний. Аксакал оживлялся, глаза загорались, разговор он вел увлеченно. На этот раз, узнав, что парень собрался на Балхаш, долго молчал, видимо, что-то припоминая. Потом медленно поднял голову, рукавом смахнул старческие слезы, сочившиеся из воспаленных глаз, заговорил неторопливо, без волнения:

– Вряд ли ты, сынок, доберешься до озера. Учти, путь до него длинный и тяжелый. Тебе придется не один день тащиться в зной, под палящим солнцем. А там, сынок, степь рыжая, каменистая и безводная. Считаю, та же пустыня. Ты, представляешь, пустыня, Редки аулы, а местами их нет совсем. Ой, трудно, Косум, там ходить. Очень трудно! Подумай лучше. Когда-то Балхаш и меня увлекал. Я много слышал о нем, кое-что запомнилось. Казачий сотник Асанов, напра-

вившийся на то самое озеро, не рискнул пересечь пустыню. Рвался туда и ученый Шренк....

Убедительный рассказ старика, ставивший под сомнение успех задуманного похода, не сломил волю Косума. Наоборот это его больше раззадорило. В нем загорелось чувство гордости: ученые испугались, а я дойду! В нем забушевала жажда открытия, и она неудержимо влекла его первым пройти через пески, под палящим солнцем к озеру Балхаш. Косум начал готовиться в дорогу. Сборы невелики. Что верхом на лошади можно взять с собой? Самый необходимый инструмент да легкий запас еды в дорогу. В остальном, как верующий, Косум полагался на милость Аллаха. Уложил все в дорожные мешки, чтобы с рассветом расстаться с родным домом. Перед дальней дорогой пошел повидаться и попрощаться с дорогим сердцу человеком.

Х Х Х

После свидания у ключа под сенью черемуховой рощи Косум буквально лишился покоя. Где бы не бродил, шел ли по степи, сидел ли с удочкой на берегу озера – всюду она была с ним. И когда ночь валила Косума от усталости в постель, во сне являлся образ любимой девушки. Парень поражался переменам в себе: вот она, любовь-то, какая!.. Кумысжан, будто солнышко, светла и горяча. Равной ей нет в ауле, да и вряд ли на всем белом свете. Он полюбил её безрассудно и страстно. Свидания с девушкой не всегда удаются, уж слишком строги нравы казахского аула. Родители девушку не содержали под замком, для нее дом не был клеткой, но не всегда ей удавалось вырваться на свидание. Иногда под предлогом необходимости уходила Кумысжан из дома: скот прогнать в табун или встретить его из табуна. Редко случалось, чтобы Кумысжан могла дарить милому минуты нежных свиданий, ведь за тобой как будто следят десятки глаз аульчан. Но какие бы преграды и условности не возникали на пути их редких свиданий, влюбленные неудержимо рвались друг к другу. Их короткие встречи были горячи и нежны, надолго западали в их души. На скале,

где Косум всегда ожидал избранницу своего сердца, росла карликовая сосеночка. Деревце не тянулось к небу свечой, как её одногодки, что росли в ложбине, стройные и гладкоствольные... Она была искривленной и неказистой. Когда-то сильный порыв ветра занес семечко сосны в расщелину на вершине скалы. Согретое солнцем семечко, щедро политое струями дождя, быстро дало росток, потянувшийся к свету. Рос он быстрее, чем другие побеги, оставшиеся в тени и прохладе. Вытянулась сосенка свеженькой, ярко-зеленой. Смотрела надменно с высоты на своих сверстниц, как будто подсмеяваясь: «Какие же вы крохотные! Куда вам за мной угнаться?» Рядом с ней они действительно выглядели махонькими. Но вскоре корни сосенки высосали соки из небольшого запаса земли в расщелине, и она начала чахнуть от жажды. Перекрутились её веточки. Сосенка обросла неуклюжими корявыми сучьями с реденькой желто-зеленой хвоей. Теперь эта сосеночка служила для влюбленных своеобразным маяком. Поднимется Косум на скалу, повесит на сухой сучок платочек, который под ветерком начинал плескаться, будто парус в небесной синеве. Кумысжан, издали увидев условный знак, уже знала, что её ждет любимый. И она начинала хитрить перед матерью. Находила удобный предлог и прибегала к Косуму на скалу. Иногда лишь на короткую минутную встречу... Шел Косум околицей, чтобы не попадаться на глаза любопытных соседей и избежать пересудов несдержанных женских языков. Холивший лицо ветерок приятно обдавал прохладой, а солнце лило на землю поток живительного света и тепла. В сиянии хвойный лес, обмытый вчерашним дождем, сегодня выглядел особенно чудесным. Ветерок трепал черемуховые кусты, тянул с рощи волны приятного терпкого запаха, от которого начинала кружиться голова.

Весна – чудесная пора, когда все вокруг благоухает. Щемящее душу ожидание встречи наполнило сердце Косума чувством невыразимой радости. Парень шел знакомой тропинкой, промытой ливнем. Веточки на деревьях набухали, распускали почки, ростки жизни. С неба на землю падала тонкая трель жаворонка, звонкая, словно рядом напевал горный родничок. Песенка вплеталась в радостные чувства жигита. Провожая Косума, жаворонок делал над ним большие круги, и в его трелях парень явственно слышал слова: люби, сильно люби

все живое на земле! Легко, будто на крыльях, Косум по знакомым уступам вбежал на скалу, и тут же на сучке одинокой сосенки призывно затрепетал платочек. Трепетало в груди сердце парня: а вдруг девушки нет дома? Образ любимой предстал перед ним во всем великолепии ее красоты. Гордая и одновременно нежная. Черные волосы убраны в косы, а в лице, тронутым бронзой загара, было много почти детской чистоты и невыразимой прелести. Косум, занятый навалившейся новой работой, в последнее время не часто виделся с любимой и сильно соскучился по ней. И девушка тосковала до того, что эта никому не высказанная тоска разлилась по её смуглому лицу заметной бледностью. Печальные её глаза беспрестанно обращались на большой камень, кем-то из влюбленных давно названный Камнем любви. ...Кумысжан подметала пол и тихо напевала грустную песенку о том, как парень девушку разлюбил. Она крепилась, чтобы не заплакать, не выдать свою грусть, однако зоркий глаз матери уловил душевное беспокойство дочери, и она с тревогой спросила:

– Ты не заболела, милая?

Кумысжан улыбнулась, но эта улыбка стоила усилий:

– И с чего Вы взяли? Я совсем здорова, – пересиливая свою тоску, ответила веселым голосом. По привычке она взглянула на скалу и увидела плескавшийся в воздухе платочек. Глаза вмиг блеснули огоньками, щеки налились алой краской. Девушка оживилась, засуетилась, выскочила на двор, вернулась, прошла в свою комнату, поправила волосы, вышла на кухню и спросила у матери: – Мама, не время ли за телятами?

«Ишь, какая заботливая. Хорошая будет хозяйка. Счастлив будет тот, кто возьмет её в жены», думала мать, любуясь дочерью.

Кумысжан, задыхаясь от волнения и быстрого бега, бежала меж камней и сосен на свидание, часто оглядываясь на дом, где осталась мать, подозрительно проводившая её взглядом. Бежала быстро, только пучок перьев на шапочке мелькал то там, то тут, да звонко звенели шолпы. Косум, увидев её, стремительно спрыгнул по уступам скалы крупными шажками, чтобы поскорее прижать любимую к груди. Он обнял её, легко поднял на руки. Кумысжан, прильнула к его груди,

под которой колотилось беззаветно любящее ее сердце. Тонкие руки ее обвились вокруг загорелой шеи Косума. В уголках губ сияла улыбка блаженства. Лицо горело, становясь от этого ещё милее:

– Думала, и сегодня тебя не увижу...

Жигит, не спуская девушку с рук, поднялся на камень, вошел в небольшой грот скалы. Воздух здесь стоял освежающий, но влюбленные не чувствовали прохлады. Они горели в огне своей первой любви. Истосковавшиеся, они жадно наслаждались поцелуями. Девушка, не отрывая взгляда от Косума, упрекнула любимого:

– Какой же ты у меня терпеливый! Столько дней не появляться... Изводишь меня. – Дела, милая, да все спешные. – он рассказал о всех делах, так порадовавших его за последнее время. И вдруг, в самой середине своих восторженных рассказов, замолчал задумчиво: сказать ей об отъезде – испорчу ей настроение, умолчать – она ещё больше огорчится, не зная, куда я пропал. И он, набравшись решимости, сказал:

– Завтра уезжаю...

– Завтра?! Далеко? Надолго? – Кумысжан засыпала его тревожными вопросами. Искры в глазах стали тухнуть, брови сошлись у переносицы.

– Ты не волнуйся. – как мог, утешал Косум, – Правда, дорога длинная, до самого Балхаша...

– До Балхаша? Это же совсем далеко?

Она слышала об озере, где, говорят, водятся страшные злые духи, нападающие на людей. Кумысжан испуганно замахала руками:

– Нет, нет, туда ты не поедешь. Я не отпущу тебя, это опасно...

– Кумысжан, я благодарен тебе за твоё столь искреннее участие ко мне, но ты не должна забывать, что жизнь поисковика – это степь и горы, и наше занятие не лишено риска, не без трудностей. Говорят, там край несметных богатств, которые лежат в земле. Значит, я смогу разбогатеть, тогда мы сможем пожениться. Заманчиво, не правда ли?

Он припал к губам любимой. Но девушка отвернулась, уткнула лицо в свои колени, и плечи ее задрожали.

– Не надо, не плачь. – Косум приподнял её голову и поцелуями осушил щеки от слез. – Поеду, найду золотую гору, и мы с тобою поженемся. Давно бы увел тебя в свой дом, да разве мусульманину дозволено нарушать шариат? У меня нет скота. Мне нечем отблагодарить твою маму за грудное молоко, которым она поила тебя, мою прекрасную невесту, в младенчестве. Такие хорошие перемены, чтоб нам быть вместе, а ты на меня с обидой...

– У вас теперь есть кобылица, от души поздравляю тебя с первым успехом...

– Спасибо дорогая! А ты «Не не пушу!», куда это годится? Попов человек, как мне кажется, добрый, и у меня начало службы у него неплохое. Будем надеяться и на дальнейший успех. Об одном прошу тебя, не печалься, не нагоняй на себя страх. Жди и помни, что я поехал искать наше с тобою счастье. Не забывай, жди! – А если... – Кумысжан хотела что-то сказать. Но Косум её перебил:

– Никаких «если» не должно быть.

– А ты спеши назад, помни, что страдаю. Да ещё помни, что на моего отца не всегда можно положиться, Он человек с твердым характером, как железо. Вдруг надумает ... Не приведи, Аллах, как страшно. Ты знаешь, что воле отца не смогу перечить, помни мои слова и торопись!

Кумысжан крепко прижалась к нему, ей так не хотелось расставаться. Свидание затянулось. Мать, обеспокоенная тем, что дочь не может найти телят, уже не раз выходила за двор, вглядывалась в лесную чащу. Солнце из ярко-золотистого превратилось в багрово-красное, а влюбленные ничего не видели, ничего не замечали. На прощание Кумысжан печально произнесла Косуму:

– Знаешь, что-то сердце у меня так протяжно заныло и больно. Ты будь осторожен.

Неизвестно, сколько бы время молодые ещё сидели, и наслаждались не донесись издали тревожный голос матери. ...Нежные объя-

тия, горячие прощальные поцелуи, и «козочка» как ласково называл её Косум, нехотя оторвалась от парня, прыгнула с уступа и побежала в сторону дома. Жигит прилег на плоский камень, подпер голову руками и грустным взглядом провожал убегавшую от него девушку.

Х Х Х

Солнце едва лишь показалось за кромкой горизонта. Занимался день. Косум приторочил к седлу несложный рабочий инструмент, перекинул через спину лошади кожаный мешок с едой и тронулся в путь-дорогу, в неведомый край. А чтобы не скучать по милой девушке, суеверно не оглядывался назад. В далекие времена обширная степь Казахстана была мало населена кочевниками, и каменистая степь пустовала. Казахи селились только у благодатных зеленых оазисов. Но степь не была совершенно безжизненной: в ней водилось много мелких зверьков. Суслики, сурки, барсуки и тарбаганы быстро размножились на не занятых людьми землях. В тех местах, где ещё не ступала человеческая нога, зверьки рыли тысячи нор, больших и малых. Места для своих жилищ они выбирали удобные, в большинстве случаев южные склоны, где в зиму земля промерзала меньше, чем на северной стороне... Если зима была суровой, звери безошибочно предчувствовали ее и глубже зарывались в землю. Копая глубокие норы, вместе с землей они выгребали на поверхность камешки, в которых понимающий человек находил содержание руды. Эти камни наводили и на догадку, какой руде они являются спутником. Это было ориентиром для любителей-геологов, вышедших из народа, как наш Косум. Так учил Косума искать руду Баки Алиев. Как-то Косум нашел камень, усыпанный блеском, и показал старику. Баки долго вертел его дрожащими руками у глаз, и, присмотревшись, вынес свое заключение:

– Камень не из рудоносных. В нем ничего нет, но там, где он лежал, может оказаться золото.

Косума научила многому и сама природа. С детства увлекаясь поиском причудливых камней, он примечал, в каких местах больше

всего залегают камни, родственные тому же серому граниту, замечал и то, какие растения там растут. Память у него была цепкая. Теперь двигаясь через Сартауские сопки, через Жельтауский холмистый хребет в сторону Каркаралинских гор, Косум задерживался у каждой норки суслика или сурка. Рассматривал и внимательно изучал местность, разгребал каждый бугорок слежавшейся земли, поднимал камни, некоторые дробил молотком на куски. Между скал и сопки тысячами сквозят сильные порывы ветров. Вырывая и выметая землю, ветры разносят её в долине. В таких местах от выветривания почвы получают коридоры, с каждым годом все глубже обнажаются недра земли. Найдя подобный коридор, Косум рыл ямы, изучал грунт. Свинцовой тяжестью разливалась по телу усталость, но парень отгонял ее от себя, настойчиво ломом и лопатой вгрызался в твердую почву. Косум помнил, что в родной стороне ждет его тоскующая Кумысжан и, не жалея сил, работал и работал, спешил выполнить быстрее всю работу... Работал он зачастую и ночами. Выплывет из-за сопки луна, громадная и холодная. Зальет степь белым светом и неторопливо плывет по небу, а Косум, смахнув холодный пот со лба, все долбит и долбит землю. Присядет отдохнуть, вспомнит про свою любимую, и снова хватается за инструмент... По степи шел поисковик не спеша. От сопки к сопке двигался медленно. Чаще возьмет кобылу за повод и шагает, внимательно приглядываясь под ноги. У подножий холмов задерживался надолго, пока не обследует их со всех сторон. ...Пустынная каменистая степь. Жара. Бредет одинокий путник. Остановится, переберет камни, присядет порыться в земле, разгребая бугор слежавшейся желтой глины. Встанет, разогнет спину и оглядится по сторонам. Кругом унылое однообразие – сопки и сопки, похожие друг на друга, голые, темно-серые, без единой зеленой травинки, ни единого кусточка, ни одной живой души. Не выпорхнет из-под ног птичка, не зазвенит в воздухе её певучий голосок. Не слышно и комариного писка. Не вспорхнет легкая, будто воздух, цветастая бобочка. Пустота. Брел путник по бездорожью, обросший, грязный исхудалый. Был он похож на блуждающего странника, оставившего за собой километры дорог. Но это не странник. Это человек, обрекший себя на страдания ради своего будущего счастья. Его ничто не пугало в дороге. Косум полюбил и свое дело. Теперь для него жизнь без поисков

руды была бы бесцельной и пустой. Разведчик недр от тяжелой изнурительной работы, от недоедания и недосыпания сильно исхудал. Лицо заросло черным волосом, и Косум теперь не был похож на прежнего крепкого и красивого парня. Потрепанная в дороге одежонка висела на нем клочками. Так день за днем он уходил все дальше на юг, шагая и в дождь, и в бурю, и в зной... Но пока еще не было никакого результата. ...Уже надвигалась осень со своими первыми вестниками. Над синими хребтами начали пролетать большие крикливые стаи гусей. Треугольные караваны журавлей делали прощальные круги над аулами, и, громко курлыкая, улетали в теплые края. Опаленная солнцем степь лежала рыжей-рыжей и сухой. С низин поднимался густой туман ранними утрами, тело пронизывала утренняя сырость. Только к полудню рассеивалась молочная муть. Падали на землю теплые лучи солнца, постепенно возвращалось тепло. В конце августа первые заморозки пронизывали тело неутомленного искателя счастья до косточек. Приближающаяся осень напоминала ему, что пора возвращаться домой, лютая зима не за горами. Дома ждет измученная разлукой и неведением об его судьбе невеста. Да и его старики, наверное, все глаза проглядели. Окончательно уставший Косум, огорченный неудачами, страдающий от ран на руках и ногах, из которых временами сочилась кровь, приходил в отчаяние. Бросал рыть начатый шурф, садился на кобылу, которая тоже отошала, и пускался в обратный путь. Но недалеко уезжал. Успокаивался, приходил в себя и горько размышлял, как возвращаться домой с пустыми руками. Что скажет Кумысжан, да и Попов ждет результата. Поворачивал кобылу и ехал к недокопанному шурфу. С ожесточением брался за кайло или лопату, хотя силы были уже на исходе. Он стойко переносил хлесткие холодные дожди, переходившие в снежную крупу. Одежонка не грела, ветер пронизывал ее насквозь. Ночи проводил в ямах.

Косум потерял счет дням. Проклиная свою судьбу и тот день, в который он покинул дом, не послушав старших и Кумысжан, он все же продолжал медленно продвигаться вглубь прибалхашской степи, голодный, без сна и отдыха. Стоило ли так долго плутать и бедствовать в степи, чтобы ничего не найти. Горько было в душе у Косуна. Только непокорное сердце и напористое желание добиться своего, да

выносливость, приобретенная в постоянных походах, помогали жигиту переносить трудности и двигаться к цели.

...С вершины увала Косум видел все такую же простирающуюся желто-серую пустыню. Клочки серого кара-жусана, реденькие кустики верблюжьей колючки, уродливые стебли стелящегося кокпека, да кое-где белесоватые бугры пухлых солончаков на потрескавшейся от зноя рыжей земли. Все обычно, как много оставшихся позади доли. Косум соскочил с лошади, которая жадно хватала одинокие стебельки горькой полыни, и растянулся на холодной земле, раскинув руки и ноги. Куда двигаться? Вдруг налетел ветерок с горьковатым запахом горящего кизяка. Косум сорвался с места: уж не мерещится ли? Уставился вдаль, откуда ветер донес этот напоминавший о доме запах дыма. Вглядевшись, увидел, как из-за гряды холмов облачком тянется сизый дымок... Он увидел аул в пять-шесть юрт, притаившийся в защищенной от ветров ложине. Появились радость от предстоящей встречи с людьми и надежда поесть досыта. Жители небольшого аула на Кызыл-Еспе вежливо встретили странного путника. Косум хорошо отдохнул, с помощью добрых аульных женщин привел себя в относительный порядок, вымылся, переоделся. А мысли о далекой родине не переставали тревожить парня. В его воображении возникали то прощальный момент с Кумысжан на скале, то мать в слезах и вздыхающий отец. Черная тоска одолевала его. Нужно было принимать окончательное решение, как поступить дальше. Здесь в Прибалхашье, стояла погода сравнительно сносная, а в баянаульских предгорьях уже всюду бушевали снежные метели. Если возвращаться, нельзя было медлить. Зима стояла на пороге. Но тут, недалеко от аула, полуподковой изгибается бурый хребет, который манит его к себе. Может быть, решиться на последнюю попытку и обследовать его? В отчаянии Косум пришел к решению: «Не найду руду, не вернусь домой. Навсегда останусь в этом чужом ауле. Люди здесь добрые, а для родных и невесты пусть останусь пропавшим без вести. Поплачут и привыкнут».

На следующее утро Косум поднялся рано и уехал в горы. Склоны, да и сам хребет оказались заманчивы. Из осыпавшихся круч проглядывали слои земли разных оттенков. Таких обнажений развед-

чик не встречал на продолжительном пути. И снова вспыхнула надежда. Не один день Косум бродил по Кызыл-Еспинскому хребту, с каждым днем все более убеждаясь, что здесь земля таит в своих недрах что-то ценное. Только он не мог напасть на место залегания руды. Косум впервые узнал, что такое слезы. Он заплакал навзрыд, упал на землю и покатился по склону. И вдруг боком напоролся на сухой тонкий пенек таволожки. Боль резанула. Он вскочил на ноги и, рассматривая, на что напоролся, заметил среди куста торчавший из-под земли серо-пепельного цвета остроконечный камень. Косум извлек его и взял в руку, вес камня был тяжел. Это была руда. Он вспомнил слова Баки, что тяжелые камни содержат в себе свинец. До густых сумерков разведчик избородил лопатой склон. Везде его радовали находки, что позволило убедиться в том, что на Кызыл-Еспе есть огромный запас свинцовой руды. Все мучения парня окупилась враз. Выполняя наказ промышленника, сложил высокую пирамиду из того же руденосного камня и закрепил таблицу «Владение С.И. Попова». Уложив в сумку образцы руды, Косум поблагодарил жителей крохотного аула за теплый прием и тронулся прямым путем домой.

Объявляется соперник

Омар, уже знакомый нам по детским годам Косума, внук Ахметжана, теперь почетный мырза аула Урпек. После смерти дедушки, будучи единственным мальчиком в роду, он оказался наследником двух больших хозяйств. Объединив их в одно, Омар превратился в одного из богатейших людей волости. Стада и табуны увеличились во много раз. Куда ни глянь, всюду по жельтауским степям пасся скот Омар-бая. У мырзы увеличились хлопоты и заботы, громадное хозяйство требовало особого внимания и беспрестанного беспокойства. Отец состарился, и как дедушка на склоне лет, уединился, посвятив себя замаливанию грехов. Управление всем большим хозяйством легло на плечи Омара. На первых порах молодой хозяин ревниво взялся за ведение дела, оберегал богатство от убытка, дорожил каждой копейкой. Строго наказывал разгильдяев, по чьей вине причинялся ущерб. Показывал подчиненным людям свою строгость, воспитывал в батраках бережливость. Хозяйство давало большое количество сы-

рья и другой продукции. Эти ценности требовалось сохранить до поры и времени. Пунктами сбыта скота и всего остального были ярмарки: летняя большая Куяндинская и осенняя Покровская в Баянауле. Куяндинская ярмарка работала полный месяц, на нее съезжались торговые люди отовсюду: Ташкента, Бухары, Китая, Монголии. Приезжали на нее и крупные скотопромышленники Петербурга, Москвы, Новгорода и других городов России. Конечно, не одно Омарово хозяйство поставляло на ярмарку продукцию. В одиннадцати волостях баянаульского приказа таких хозяйств насчитывалось очень много. Потому каждый хозяин спешил успеть первым войти в сделку с купцом и выгодно сбыть продукцию. Караваны верблюдов и обозы, груженные шерстью, кожами, конским волосом, маслом и прочим тянулись по степным дорогам летом в Куянды, а осенью – к станции от аула Урпек. Всюду должен Омар успеть, найти время, чтобы доглядеть за хозяйством, неослабно зорко следить за всем...

Из-за скупости, не желая передоверить управление делами кому-то, он всюду успевал сам. Но такой подход постепенно привел его к нехорошему. Заключая всевозможные сделки с купцами, он пристрастился к водке, что среди мусульман считалось грехом. Проявил он слабость и к азартным играм. Потом Омар купил у каракесеков прославленного бегунца и стал выхаживать его для скачек. Конь оказался довольно-таки резвый, натренированный. На скачках, куда любители подобного вида развлечений приводили своих именитых тулпаров, его бегунец почти всегда занимал призовые места. Безусловно, увлечения не в меру бесполезными занятиями ослабили у молодого бая внимание за хозяйством. Омар оказался человек пустой, начал богатство пускать на ветер. Участвуя в бегах, которые часто состоялись в Баянауле, обстоятельства он сблизился с кузнецом, отцом Кумысжан, который в те время славился своим кузнечным мастерством на всю баянаульскую округу. Про него в народе говорили: чудомастер, надо, и воробья подкует. И это почти правда. Отстукает на наковальне подкову, да так, что любо-дорого в руках подержать. Лошадь такую подкову на копыте не чувствует, а о прочности не стоит и слов тратить. По первости Омар приводил к Мусе подковывать бегунца, а когда работа кузница пришлась по его душе, он начал приводить к кузнецу иноходца, на котором разъезжал повсюду верхом.

Как-то в кузнице ему довелось увидеть дочь кузнеца. Кумысжан, которая принесла обед отцу, не убереглась она от зоркого глаза богача. Омар теперь под всяким предлогом начал навешать их скромный домик у самой опушки соснового бора. Каждое посещение отмечал подарками хозяину дома: чапан, тымак, оттороченный мехом или ещё что-нибудь из дорогих вещей... Гости встречали свежей бараниной, кумыс лился рекой. Омар постепенно вошел в дом кузнеца как близкий человек. Начал приводить компанию игроков в карты. Когда почувствовал, что в доме Мусы он не встретит возражения, если посвящается за его дочь, то по отношению к ней повел себя слишком развязно, даже нагло, заигрывал, оказывая при матери любезности, что противно казахским обычаям. Всегда старался показать девушке свою щедрость, доброту. Но Кумысжан избегала встреч с ним, отвергала его любезности и щедроты. Омар же при малейшей возможности навязчиво лип к девушке, стараясь покорить её и расположить к себе. Сам же вынашивал тайный план – сделать Кумысжан своей третьей женой. Сватать напрямую у Мусы дочь он не решался. Понимал, что вряд ли отец согласится отдать за него дочь, зная, что у него уже имеется две жены. Поэтому-то он добивался согласия девицы, тогда все могло обернуться гораздо проще. Но, если ему не удастся расположить к себе Кумысжан, то он её по казахскому обычаю украдет. От матери Кумысжан трудно было скрыть Омару все свои проделки. Она замечала, как нагло он пристает к дочери, однако молчала. Поведение богача ей не нравилось, но она не возразила бы, если богач объявил себя её зятем. Ей уже начинало мерещиться богатство, подаренное ей зятем. Видела себя в новых бархатных нарядах... Омар поражался, почему Кумысжан отвергает его. Богат, да и собой недурен... А когда узнал, что девушка влюблена в бедного паренька, того самого, который в детстве разбил ему голову, в нем забушевало чувство мести. Омар поклялся себе: «Не буду носить брюки, платье надену, если не добьюсь своей цели. Девушка будет моей!». Кумысжан всячески избегала его, но он настигал её всюду. Порой она попадала в неприятные положения, вырывалась из его цепких рук и стремглав убегала прочь. Убегала на Камень любви, часами просиживала на том месте, где прошла последняя встреча с любимым, где застыли на губах последние поцелуи. Вспоминала Косума, перебирала в памяти все бла-

женные, счастливые моменты, проведенные с ним. Горько плакала, звала его к себе, тихо причитая: «Жаным Косум, кайдасын? Косум, душа моя, где же ты?». Часами смотрела в ту сторонку, где теперь странствовал её милый, приглядывалась, не едет ли. И невольно задумывалась над своей судьбой: чем это может кончиться. В памяти всплывали слова Косума: «Счастье, милая, в твоих руках...». Тогда она, помнится, в ответ сказала ему: «Я надежно держу наше счастье в руках, родной!».

В последнее время она много плакала. Веки вспухли, покраснели глаза... Все это происходило на глазах матери, которая видела переживания дочери, вместо того, чтобы утешить, налетала на дочь с оскорбительной бранью:

– Чего ещё ждешь? Мужик видный, богатый, не сравнишь с тем оборванцем. Подумаешь, любовь... Да я за твоего отца безо всякой такой любви вышла. Сказал отец, и конец всему. Живу, как видишь, не померла. И ты, голубушка моя, привыкнешь. Зато в бархате да в шелку будешь щеголять, наслаждаться богатством... За него надо обеими руками уцепиться, а ты... Эх, и дуря!..

– Не пужно мне ни его, ни его богатства! - Кумысжан и слышать не хотела, чтобы стать третьей пленницей Омара. Со дня на день она ждала возвращения нареченного Аллахом и сердцем жениха. И чем больше думала о нем и страдала, тем он ей становился дороже. На землю обрушились первые холода, и девушка больше прежнего затревожилась о Косуме. Тревога рождала страшные мысли: неужели балхашская степь поглотила милого навсегда. Неужели она не увидит его больше? И девушка падала на колени, обращала свой взор на небо и зывала к милости Аллаха: «Сохрани его, Всевышний! Вечно буду тебе благодарна, внемли моему скорбному голосу!». В наступившем отчаянии Кумысжан жаловалась Косуму, который был так далеко от нее: «Милый, услышь меня! Над твоей пташкой взвился злой хищник. Беркут уже расправил свои острые когти, готов схватить и унести меня в неволю. Приезжай же скорее!» Девушка от сильного волнения задыхалась, из глаз брызнули слезы. Душа её рвалась вдаль, навстречу к возлюбленному. Она готова принять все горькие испытания, чтобы только бы быть с ним рядом, видеть его,

дышать одним с ним воздухом и ощущать его тепло рядом. Бежать из дома, но куда? Кумысжан готова была решиться на самое страшное, но пленницей богача она не станет. и у нее мелькнула отчаянная мысль утопиться.

Кумысжан шла знакомыми стежками, по которым ходил её друг, а сердце изнывало под тяжестью чувств. Уходила дальше от родного дома, который опустылел, чтобы забыться здесь в лесу и насладить свою душу приятными воспоминаниями о прошлом. Вот она, протока, в которой по-прежнему шумно перекатылась вода через камни, у которой она поклялась парню быть навсегда ему верной. Тогда цвела черемуховая роща, цвела и её душа. Теперь её душа окутана печалью, и роща утратила свою цветущую красоту, увяла, листочки побавровели и, срываясь с дерева, запорошили водную гладь протоки. «Неужели и я завяну?», подумала о себе Кумысжан... Вокруг стояла тишина, изредка налетал порыв ветра, срывал увядшие листья с деревьев и уносил их далеко по лесу. Кумысжан домой не спешила, шагала медленно, а мысли летали далеко-далеко, рядом с Косумом, но вот в эти сладостные мысли влетает далекий топот конских копыт. Кумысжан насторожилась: не мерещится ли. Она остановилась и прислушалась. Нет, слух не обманывает. Стук копыт по твердой дороге доносился уже ясно. «Мало ли в эту пору ездят людей по дорогам?»-подумала девица. Но почему-то сердце неприятно заныло... Её охватил страх, и опять перед ней предстал образ ее любимого. Кумысжан остановилась у толстого дерева и прислонилась к нему плечом, и безо всяких дум смотрела в просвет между деревьями. Вдруг в просвете мелькнул всадник в очень знакомой одежде: атласом крытый чапан, круглая шапка на лисьем меху, крытая зеленым плюшем: «Ой, Алла, неужели он?» – Кумысжан пригнулась за деревом, но потом вскочила на ноги, гордо выпрямилась и пошла навстречу мчавшемуся всаднику. Омар с каждым мгновением его приближения к девушке наливался страстью, сиял. Он беркутом налетел на свою жертву, схватил Кумысжан длинными руками, и она очутилась впереди его в седле:

– Теперь то ты, дорогая,никуда не убежишь,ни скроешься, ты моя...– продолжал бормотать Омар, брызгая слюной во всю стороны,

– Моя, больше ничья, не вырвешься! Быстроногий иноходец вынес их к большой сопке Ермектас. Омар предвкушая скорое наслаждение, перевел лошадь на легкую иноходь и начал страстно прижимать к себе сопротивлявшуюся девушку:

– Спокойно! Теперь не спасет тебя и тот болван, что закрутил тебе голову, забудь его.

– Пусти, – громко закричала Кумысжан, поняв всю опасность создавшейся ситуации: Омар увозил её в свой аул. Завязалась яростная схватка. Девушка билась за свою честь, за клятву, данную возлюбленному. Сильный мужчина, разгоряченный похотью, стиснул её в объятия, словно клещами, но верткая Кумысжан, изгибаясь, начала выскальзывать из его рук. Изловчилась, да так больно укусила насильника за руку, что Омар, не стерпев боли, разжал руку. Кумысжан резво спрыгнула с седла и кинулась бежать в горы. Бежала в сторону, где склон был густо загроможден обвалившимися камнями. Омар кинулся было за ней в погоню, но момент был упущен: Кумысжан, была далеко...

В предгорьях задымил завод Степан Иванович с помощью писаря станичного управления, которому для начала поставил бутылку водки и пообещал щедро вознаградить после пуска завода, в короткий срок оформил необходимые документы. Урочище Канды-карасу он переименовал в честь старшего сына в Александровский. Документы за сургучными печатями отправил в Томск в Горнопромышленное Управление для получения государственного свидетельства на право открытия медоплавильного завода в БаянАуле. Затем снарядил разведчика в прибалхашские степи, а сам помчался в сибирский город Омск. Пароход «Св. Павел», шлепая лопастями колес, будоражил спокойную поверхность извилистого Иртыша. Вода бушевала, закипала под лопастями. К тому же по реке гулял ветер. Страшно было смотреть, как, поднимаясь синими холмами, вода палетала на пароход мощной лавиной, перекатывая его с гребня на гребень, утягивая вниз по течению... Хозяева компании «Волгин и Ко» не беспокоились о том, чтобы создать комфортное плавание пассажирам. Они перегружали суденышко мощностью не более двадцати лошадиных сил сверх положенного тоннажа. Кроме трюма, предназначенного для

грузов, загружалась вся свободная площадь нижней палубы, предназначенная для пассажиров четвертого класса. Здесь громоздились ящики с разным товаром, штабеля мешков, наполненных крупами, мукой и солью. Оставались лишь узкие проходы, где вповалку на грязном полу сжала несприятельная публика, пассажиры 4-ого класса. Слабенький паровик, рассчитанный на перевозку незначительного количества пассажиров, надрывно сопел, свистел и захлебывался от натуги, словно ему не хватало воздуха. Пароход плыл очень медленно. Капитану, выполнявшему волю хозяев, не было дела до спешившего господина, плывущего в каюте первого класса. А пассажир, сгорая от нетерпения, возмущался:

– Черт знает, что творится?! – возмущенно он выговаривал свое недовольство соседу по каюте. – Спят, понимаете, кое-как коробку, назовут её пароходом, и ползет эта посуда, как черепаха... А ты сиди в душной клетке, для пущей важности названной первоклассной, чтобы дороже содрать...

Выводили Степана Ивановича из равновесия и частые причалы. Приткнется пароход носом к песчаному берегу, выбросят трап, и грузчики долго выгружают грузы. Не считаясь с тем, что на верхней палубе едут благородные люди рабочие громко стучали и кричали, матерясь при этом. Ещё пуще гудел пароход, когда начиналась загрузка. егрузчиков в брезентовых куртках с капюшонами вносили тяжесть по деревянным мостикам, шумно скидывали в трюм. Железные бока парохода гудели, будто коробка старой гитары. Пароход сильно раскачивался с борта на борт. Беспорядок, царивший на пароходе, окончательно взбесил купца Попова, так спешившего в Омск по срочным делам. Он сорвался со стула, не прикрыв за собой дверь каюты, громко стуча по палубе коваными сапогами не хуже грузчиков, подбежал к капитанскому мостику:

– Господин капитан, когда изволите прекратить все это издевательство? Скоро доставите в Омск? Ваше судно больше стоит на причалах, чем плывет вперед. Совершенно нет покоя, все гудит и шумит...

– Извините. – спокойно ответил капитан, низко склоняя голову перед глубоко взволнованным господином – Извольте взглянуть на

расписание компании. Пароход плывет строго по расписанию, минута в минуту. В Омске будем завтра, и никак не раньше позднего вечера.

– Завтра?! – зло вскричал Степан Иванович. – На вашем судне до завтра я душу могу отдать!

Промышленник удалился в каюту плотно захлопнул дверь, задернул занавески, а снизу продолжался доноситься грохот и крик, и пароход покачивало, как на волнах. Омск для Попова знакомый город. Ему уже доводилось здесь бывать. И нынче он побывал у знакомых заводчиков. Заключил сделки на нужное для него оборудование. Правда, на этот раз заказ ему обошелся гораздо дороже. Заводчики за срочность заказа не упустили случая повысить цены. Но впереди купца поджидали сложные неприятности. Если пароход плыл медленно вниз по течению Иртыша, то представьте скорость его движения против течения воды! Почти сутки не скрывался из вида Омск. Многоэтажное здание городской тюрьмы, будто подпиравшее небесный купол над городом, долго белело, кутаясь в бледно-сероватую дымку, поднимающуюся над городом. Путь по Иртышу оказался пустынным против того, что пришлось промышленнику пережить при переброске несложного, но довольно тяжелого оборудования через луга, на левый берег реки. Маленький паром приводился в движение лошадьми. Кони, медленно переставляя ноги и тяжело напрягаясь, топтались по кругу, приводя в движение громадные колеса с набитыми на них плитами. Двум лошадям было не под силу вывезти паром, груженный до предела, к пристани левого берега. Его сносило по течению, и он долго поднимался к месту причала. Полдня, а иногда и больше времени уходило на один рейс переправы через реку. Шесть парных быков, впряженных в телеги на деревянных осях, нанятые у кержаков занимавшихся извозом, груженные тяжелым грузом, двос суток простояли в очереди. За двос суток очередь почти не продвинулась вперед. И только на третьи сутки Попов, подпоив паромщиков, переправил груз. Дорога по лугам для Попова оказалась ещё трудней, чем по реке. Она стала и роковой. Транспортировка груза совпала с летним разливом Иртыша. Низкие места поймы были залиты. Вода расквасила дорогу, телеги увязали выше ступиц. Шесть пар быков, впряженных гусем, не всегда вытаскивали телегу из грязи. Рабочие

скидывали одежду, погружались в коричневую жижу по пояс, подводили под колеса деревянные брусья, поднимали подводу, и, подталкивая, вытаскивали из грязи. Днем на болотах бесновался крупный комар, с особой жестокостью налетал на рабочих, не давал покоя ни людям, ни скоту. С закатом солнца надсадный комариный писк стихал, и на человека обрушивалась мошкара. От нее становилось совсем невыносимо: мошка забивала дыхательные органы, набивалась в уши, до крови разъедала шею руки. Без сна и отдыха много дней пурхались в грязи шесть подвод. Уже перед самым выездом из лугов один из возов странно замер, покосился на бок и медленно сполз в глубокую яму, наполненную холодной водой и густой грязью. Рабочие засуетились, закричали: «Ломался! Дорга тяжелый, телег собсем ломался. Ой-бай, собсем жаман». Спешивший быстрее запустить завод, Степан Иванович совсем вышел из себя. скинул одежду и, не раздумывая о поступке, пыхтя, влез в грязную студеною воду... Пока тело его привыкало, ёжился, кряхтел от обжигавшего холода... Потом кипятился, ругал возчиков за недогляд, ощупывая хрустнувшую ось... При подъезде к станции Попов занемог, почувствовал в теле озноб, появился насморк. Простуда нагрянула для него неожиданно и совсем не вовремя. Стало лихорадить: то он замерзал, то тело горело огнем. Во рту сохло, голова наливалась тяжестью. Но великое желание быстрее пустить завод не давало промышленнику возможности полежать подлечиться. Степан Иванович превозмогал ломоту в костях, переносил страшную головную боль, но продолжал руководить установкой плавильных печей, давал указания рабочим, не имеющим практического опыта в промышленно-строительных работах. Всякая мелочь, нерасторопность рабочих действовали на него раздражительно, он впадал в ярость, нервничал. На строительной площадке всюду слышался его голос, сдобриваемый руганью. В степи, где всегда стояла тишина, началась новая пора новой жизни, необыкновенно шумная, рабочая. Строились подсобные помещения и жилые бараки. Рабочие вручную дробили руду. Правда, это был ещё не завод, даже не капитальная плавильная печь-домна, которая в то время на Урале уже пыхала огненными языками. Здесь возводились две примитивных плавильных печи по плану и строгому указанию хозяина. Однако и это маленькое производство будило веками дремавшую степь, ко-

веркало и рушило устои кочевников. Местные жатаки, нуждавшиеся в заработке, с радостью кинулись к Попову наниматься в рабочие. И вот настал день на Канды-Карасу в Александровке впервые задымили печи. В печах загудел огонь. Из них валил угарный газ, вспыхивающий синим пламенем. Курчавым удушливым облаком вырывалась черная гарь. Раскаленные каменные медеплавильни пыхали невыносимым жаром, а внутри их слышалось глухое шипение. Трудно было стоять рядом. Вторые сутки возятся рабочие у печей, не выпуская из рук тяжелые, железные инструменты. Вторые сутки изнемогающий от болезни Попов не покидает своего предприятия, а сам еле держится на ногах – простуда перешла в тяжелый недуг и валила его. Жизнь у маленького предприятия кипела день и ночь. В продолговатых чугунных формах стыла огненная жидкая масса. В одних она еще выпускала языки дыма и пламени, в других твердела и тускнела, делаясь красновато-фиолетовой, будто обожжённая гончарная посуда. Рабочие разливали черную медь железными ковшами, насаженными на длинные гладкие деревянные шесты. Другие вытряхивали из форм затвердевшие слитки и бросали в огромный деревянный чан, наполненный водой, потом их вынимали из воды, очищали нагар и складывали штабелями. В стороне от печей другая бригада рабочих добывала руду и доводила ее до загрузочного габарита. Пыль густым слоем оседала на волосы, и обнаженные тела рабочих обливались соленым потом. Казахи, непривычные к тяжелым условиям труда и мало ещё приспособленные к горным работам, по первости задыхались от пыли, изнемогали, надрывно кашляли. Так, у плавильных печей всходили первые ростки казахского пролетариата Баянаульского округа. Степан Иванович чувствовал наступление кризиса болезни, однако производства не покидал, хотя в последние дни ему на помощь прибыл из Беркары мастер по плавке меди. Попов неотступно руководил работой и изучал все процессы обогащения руды. Ему очень хотелось установить чистый выход металла из местных руд. Степан Иванович напрягал всю свою волю, но серьезно сосредоточиться не мог. В голове все время гудело, как в пустой бочке. Он понимал, что первые плавки могут быть неудачными, и это не пугало его. Но Попову страстно хотелось знать, на какую мощь ему нужно рассчитывать в будущем, при расширении завода.

Крепкий организм Степана Ивановича долго сопротивлялся, но болезнь медленно, настойчиво подтачивала его. А потом наступил кризис. Голова разламывалась от боли, ноги ослабли, подкашивались, и он, падая, теряя сознание, хватался за что-то рыхлое, сыпучее и провалился... С Александровки его привезли в Баянаул в тяжелом состоянии, без сознания. ...Попов очнулся, повел глазами по бревенчатым стенам, выскобленным дожелта, с ровными пазами. Все здесь знакомо. Чуть покосившись в сторону, тикали старые часы с полинялым циферблатом. Цифры были трудно различимы. На концах длинных цепочек вместо гирь висели поломанная ручка от мясорубки и кусок железа. Те же ситцевые занавески: «Ну, значит, у себя на квартире, в своей постели» - подумал он, и первым делом схватился за саквояж. К счастью, здесь он нашел полный порядок. Пачки кредиток, которые Попов пересчитывал ежедневно, оказались в сохранности. Часы отмеряют время, кажется, медленно, а мысли бегут и бегут безостановочно, бьются одна об другую, будто поднышающая в воздух стая черного воронья. Степан Иванович хочет отрешиться от них, но власть их слишком велика над ним. Он долго борется с мрачными думами и приходит к выводу: надо лечиться. Надо жить. Попов нанял пару быstroногих лошадей и отправился в уездную больницу. Здесь врач в накрахмаленной шапочке и белом халате сначала руками привычно обстучал больного, внимательно отслушали поставил диагноз: осложнение на легкие после тяжелой инфлюэнции. Болезнь, к сожалению, запущена. На последнем визите доктор откинул очки в золотой оправе на лоб, посоветовал Степану Ивановичу как можно быстрее возвращаться домой или сейчас же лечь в местную больницу и лечить болезнь:

– Бросайте, батенька, руду, медь вашу - сказал доктор откровенно. – Теперь, милейший, вам не время заниматься промыслом. Боритесь-ка лучше за жизнь, если она вам дорога.

Врач не утаил от пациента истинного состояния его здоровья. Попов же подумал, что врач для пристрастия сгустил опасность заболевания и не придал серьезного значения совету врача:

– Тебе легко говорить: покиньте ... А не спросил: сколько я уже затратил денежек да собственного труда? И над вами, врачами,

есть высшая сила. Это божья милость. Это не ты, а Бог самый главный лекарь. Нет, господин врач, я еще поборюсь за свое предприятие...

Как бы Степан Иванович не успокаивал себя надеждой на милость Господню, болезнь брала свое. Сильно исхудал, глаза осели глубже, мясистый нос заострился. Часто его голова его туманилась, и на вопросы рабочих и мастера он отвечал невпопад. Стал много молиться, просил Господа помиловать его. Часто уединялся, стиснув руками голову, и погружался в думы. Мучила его назойливая мысль: богатство или здоровье? Болезнь прочно укоренилась вглуби легких. Ни пилюли, ни микстура облегчения не приносили. Однажды он лежал в кровати, на квартире в станице. Вдруг по телу пробежал мороз, зазнобило. Степан Иванович слышит, как в жилах стынет кровь... Страх охватил его. Закричал хозяйке:

– Дарья Ива-ано-вна! Матушка, быстрее, иди сюда...

Вид у него ужасный, по желтому лицу проступали синие жилы. Заострившийся нос, обезобразил лицо. В глазах отчужденность. А ведь совсем недавно был жизнерадостный, солидный мужчина. Дарья вошла тихо и остановилась у кровати больного:

– Што изволите или прикажете, господин?

– А сходил бы, Дарьюшка, твой Иван, узнал про Касума-то.

Окончательно решив возвратиться домой, Попов волновался, удалось ли что-нибудь разыскать его разведчик недр?

– Незачем ходить. Утром его отец наведалься, хотел вас спросить: нет ли вам известия о сыне.

– Тогда, Дарья Ивановна, – Степан Иванович запустил руку в карман, вынул кошелек, достал из него два рубля и, подавая хозяйке, продолжил, – три полтинника раздай нищим, пусть помолятся за мое здоровье, а на полтинник молебен отслужи...

К вечеру Степан Иванович почувствовал себя легче, болезнь на какое-то время отпустила. Суеверный господин объяснил облегчение милостью Божьей... Ободрившись, Степан Иванович сел за письмо к Александру: «Любезный мой сын, наконец-то, Бог привел взяться за

перо. Болею теперь и давненько. Был у доктора, он мне посоветовал бросить свое заведение, руду и прочее. Но это легко только сказать... Простудился на лугах Иртыша, когда перебрасывал оборудование для печей. Здесь мне фартануло, встретился с киргизским парнем, он в первый же день навел меня на медную руду и с неплохим содержанием. Парня зовут Касум, видать, из честных, старательный, отправил его на Кызыл-Еспе, помнишь, разговор шел? Прошло много времени, а его нет. Боюсь не пропал бы парень. Хотелось бы знать, с чем он возвратится. Ничего не поделаешь, видимо, все кину и поеду домой. Может, Бог приведет, ещё встретимся, если нет, за все неладное к тебе простишь». Степан Иванович устал, да и разволновался, кое-как добрался до кровати...

А в эти дни на Карагандинских угольных копях можно было слышать такой разговор между компаньонами Ушаковым и Рязановым. «... Ушакова возмутило притворство Рязанова, он кинул на стол мешочек с рудой, который держал в руках

– Алтынды мы потеряли...

– Что вы говорите! Почему потеряли? – лицо Рязанова вытянулось, маска равнодушия моментально слетела с него.

– Попов опять нас опередил. Успел раньше забить свой столб.

– Кто же он, этот ваш Попов? – раздраженно спросил Рязанов – Баловень судьбы или разбойник?

– Как сказать... Он первый проник в киргизскую степь, первый начал разработку медных руд в Беркаринских горах. От правительства получил льготы, большое право...

Злой, холодный ветер носился по небу, хватал обрывки туч и гнал беспрерывно. Дождь не долетал до земли, как это бывало в теплую погоду летом. Уже в воздухе он превращался в крупинки, падая на землю барабанной дробью. Стучал по крышам, крупа била в окна, земля накрылась белым саваном. «На то и Покров», - говорили старичники, ежась от первого дыхания холода принесенного снегом. Подоспел праздник Покров пресвятой Богородицы. Его праздновали тут все, кто верил в православную церковь. Ждали его и иноверцы. В

этот день, в станичное небо поднимался трехцветный флаг, открывалась Покровская ярмарка, люди получали право продавать и покупать... Ярмарка кипела громадным муравейником. Криком наполнялась базарная площадь. Песни пели подгулявшие мужики, представления давали уличные артисты. Степан Иванович, опираясь на трость, с утра уходил на опушку соснового бора и долго дышал горным смолистым воздухом. Как бы болезнь не была опасной, не хотел он покидать Баянаул с его рудой, не дождавшись Косума и не получив от него отчета о столь продолжительной поездке.

Торжество улиц, веселье станичников, многолюдность ярмарки, звон церковной колокольни – все это передавалось Степану Ивановичу как нечто возвышенное, и он почувствовал свежесть в голове, силу в руках и ногах. Промышленник смотрел на народное гуляние и думал, Господи, до чего же жить-то на свете хорошо! И за многие месяца отлучки Степан Иванович впервые вспомнил о доме, о семье, о людном городе... Неожиданно в небе разорвалась туча, и солнечный луч игриво сверкнул на золотых луковицах собора. Шумный город, окутанный сосновым бором, встал перед ним неповторимым видением. Дома, освеженные побелкой, краской, омытые дождями, радовали глаз. После скучного степного однообразия все это казалось чудом, от чего Степан Иванович не мог оторвать восторженного взгляда... Теперь, вдали от дома, истерзанный болезнью, промышленник начал понимать и ценить суть жизни. Жизнь-то, оказывается, замечательна не одними деньгами. Сегодня отслужил в церкви богослужение и, возвращаясь на квартиру, Степан Иванович весь ушел в воспоминания: чувствовал мужик, что жить ему осталось недолго и теперь мысленно перебирал свою жизнь. Глубоко задумавшись и еле переставляя ноги, он шагал к квартире и не слышал окрика.

– Эй, господин! – дернул его за рукав старичок, опиравшийся на суховатый посох. – Глянь-ка назад, никак тебя киргиз кличет? – и махнул рукой в сторону скал, за церковь. Степан Иванович оглянулся, увидел верхового. Всадник ему махал рукой и что-то кричал... Попов напряг зрение, взглядевшись закричал слабым голосом:

– Ка-су-уму-ушка! – узнал он своего разведчика, обрадовался и, задыхаясь от волнения, позабыв о недуге, он резко повернулся и хо-

тел было кинуться навстречу Косуму. Голову обнесло, качнулся, старичок, стоявший рядом несмотря на свою дряхлость поддержал его. К тому моменту и Косум подсказал, соскочил с лошади:

– Ай-ай, что с тобой?

Жигит пришел в ужас, увидев до неузнаваемости исхудавшего хозяина. «Аллах ты мой! - думал он,- Три месяца назад был мужик-богатырь, а теперь высох-то до чего! Качается от ветра...»

– Вот и хорошо, просто замечательно, – придя в себя и приободрившись, говорил Попов. – Приехал. А я уже думал, не дождусь тебя, уеду. Видишь, в щепку высох, болезнь берет свое.

Степан Иванович говорил упавшим голосом, тяжело дышал, опираясь о плечо Косу́ма. До квартиры шли долго. Попов продолжительно кашлял, охватившее волнение ещё больше вызвало спазмы в горле. Степан Иванович задыхался, широко раскрытым ртом жадно хватал свежий воздух. Потом долго сидели на лавочке парадного крыльца. По улице лилось веселье, народ пел, ликовал, бегали ребятки с обновками, с гостинцами в руках. Косум грязный, обросший, оборванный, сверкая белками глаз то и дело косился на домик у опушкм леса, где из трубы столбом поднимался черный кудрявый дым... Стоял он перед хозяином, сбивчиво рассказывая об всём, что видел, что пережил, скитаясь по степи. Степан Иванович слушал Косу́ма с большим вниманием и, не дождавшись основного, что так продолжительно волновало его, перебил:

– Ты чего-нибудь нашел?

– Нашел!

– Тогда заноси.

Сам бодро поднялся с места, будто и не болел, вошел в комнату и остановился у стола в ожидании, что же отыскал Косум. Парень внес кожаную сумку с образцами руд и выложил камни на стол. Серо-пепельной окраски с голубым отливом, они напомнили промышленнику изредка попадавшиеся ему образцы подобной руды и на Александровке. Сверкали камни блеском серебристого свинца. Степан Иванович просиял. На мгновение мутная пленка на глазах усту-

пила место искоркам радости, он хватал тяжелые куски, почти готового металла, подносил к глазам и восторгался:

– Ну и ну! Чистый свинец! Далеко ты его обнаружил?

– Совсем далеко, Кызыл-Еспе...

– Стой, стой, я запишу!

Попов положил перед собой знакомую нам книгу, в коленкором переплете:

– Говоришь, место называется Алтынды?

– Алтынды. – повторил Косум.

– Видимо, богатое местечко. Подлечусь, вернусь и задымят на Алтынды мои заводы. Ей -богу, Касум, так будет!

Степан Иванович достал из кармана, всегда туго набитый деньгами кошелёк, позвал Косума:

– Вот тебе за большой труд, – он положил на край стола новенькую пятерку. Помедлил, посплюнявил пальцы и вынул ещё одну. Косум тупо смотрел на хозяина и не касался рукой денег. Степан Иванович нахмурился, посинел и стал задыхаться.

– Мырза, той, кызымку домой ведем, баба...

– Нет, парень, хватит. Когда будет рожь, тогда и будет мера. У русских так говорят, парень. Вернусь, сделаю и тебя богатым.

Степан Иванович охваченный приступом сильного кашля, кое-как дошел до постели и упал на нее вниз лицом...

Косум мстит богачу

Ярмарку, день открытия, который совпадает с праздником Покрова, ждали с нетерпением. Поэтому в день открытия все были веселы от старого до малого. Ярмарочный базар каждому жителю приносил удовлетворение: кого обновкой побалуует, кто-то купит заветную вещичку, о которой думал весь год, а бедный рабочий люд радовался временному заработку. В эти шумные дни у купцов работы находи-

лось с избытком: подряжали скот пасти, магазины караулить, многие мужики трудились на погрузке. Всем работы хватало, только не ленись... С утра до вечера базарная площадь гудела от людской суеты, было шумно, да так шумно, что иногда не слышишь собственного голоса. Девушки хороводом ходили по магазинам. Одну Кумысжан ничто не радовало. До веселья ли девушке без милого? Он, может, от болезни или еще отчего изнывает, а она пойдет тешиться... И Кумысжан оставалась дома. Дом ещё задолго до открытия ярмарки уже кипел гостями. Из аула Омар нагнал батраков и слуг столько, что во дворе не было свободного уголка. Потеснили себя и хозяева. День и ночь подходили к дому скрипучие обозы, везли шерсть, кожевенное сырьё, конский волос, другую продукцию для сбыта на осенней ярмарке. Ближе к станции подгоняли табуны лошадей, стада рогатого скота и отары курдючных овец. Для себя богач в стороне от дома кузнеца, под самыми густыми соснами, поставил просторную юрту. Чтобы не было холодно, её обтянули кошмой в несколько рядов, маленькую печь сложили внутри. Глянешь на юрту издали, кажется тебе, будто это сугроб снега – до того белая кошма. Слугам и работникам Омара не было отдыха ни днем, ни ночью, всем хватало дел с избытком. Кто-то хлопотал у объемистых казанов, в которых варилась жирная баранина, копошились слуги у самоваров, в деревянных чашках разносили взбитый до пены кумыс. Как бы не был труд изнурителен, а ярмарка всем обещала много хорошего. Все в ожидании лучших перемен заметно волновались, живо суетились, громко говорили. Всюду лился задорный смех. Только Кумысжан ничем не увлекалась, ничто не радовало девушку. Большую часть дня, уединившись, предавалось то воспоминаниям, то предавалась мечтам о счастье с любимым, то беспокойство и тревога о нем охватывали девичье сердце. Не показывалась она на людях, на всё смотрела постылыми глазами. Омара после случившегося не могла терпеть. Богач, не получив даже малейшего упрека от её родителей, при каждом удобном случае продолжал приставать, угрожал, что он всё равно не успокоится, пока не добьется своего. Муса в погоне за большим заработком днями пропадал в кузнице. Кумысжан не могла понять: знает ли отец, что творится в доме с его любимой дочерью, или он, как мать, мечтает получить за нее большой калым. Муса слышал от же-

ны, что Омар увивается за дочкой. Он же ответил, немного задумавшись: «Ну, что ж, если она сама не против, дай им, Аллах, большую любовь и счастье. Не век же ей сидеть в девках». Но жена намеренно утаила от мужа истинное положение дел. А дочь в эти дни жила одной надеждой о встрече с Косумом. Ждала только его и не хотела видеть ни богача, ни его хваленого богатства. Омар, видя, что девица не увлекается дорогими подарками, на которые он не скупился, решил подослать к Кумысжан когда-то ее близкую подругу Жамал. Вечером, когда Кумысжан уже улеглась в постель и с головой укрылась стеганым одеялом, вдруг у её постели раздался звонкий девичий смех: – Да ты просто живьем захоронила себя в этом тряпье. Поднимайся. Взгляни, как весело на улице. Горят костры. Слышишь веселье, это наши девчата смеются, радуются. На алтыбакане качаются, за аксуеком гоняются. Вставай идем...

– Отстань, не тревожь меня. – сердито сказала Кумысжан, – Не до веселья мне, когда Косум столько времени неизвестно где...

– А если он не вернется? – не унималась Жамал.

– Ну вот что ты мелешь, постыдись! – Кумысжан глянула на нее сердитыми глазами, – Больше никогда не говори так, нехорошо... Скажи, ты зачем пришла, уговорить, да? Ты приголубь его сама и забери себе его подарки. Я ненавижу его всем сердцем...

– Глупая, подарки-то при чем?

– Хитрить не в моем характере.

– Как знаешь! – Жамал передернула плечиками и ушла. Кумысжан снова натянула на себя одеяло, попыталась вернуть нить приятных размышлений, прерванной Жамал, но после разговора с ней в голову полезли страшные мысли. Да и доносившиеся сквозь стекла голоса и разливистый смех парней и девушек не давали мысли сосредоточиться. Кумысжан повертелась в постели, потом вышла во двор. Пошла в дальний угол к сарайчику. Через тонкую стенку, сколоченную из горбыля, донесся приглушенный разговор родителей. Через щелки стенки пробивались слабенькие блески горевшей лучины. Кумысжан знала, что в сарайчике стоят две кобылицы с жеребятами, приведенные Омаром, как она считала, для продажи. Кобылы

породистые, Кумысжан слышала, что таких лошадей называют аргамаками. Девушка любопытства ради прильнула ухом деревянной стенке:

– Добрые! – послышался восхищенный голос отца. – Хороши красавицы! Особенно та, правая. Глянь, какая головка..

Сколько за них запросит?... – лукавя перед мужем, будто она ничего не понимает, мать Кумысжан спросила его. – Хватит ли на них денег у нас, если купить?

– Ты дура или меня за дурака держишь! Да он за золото их не отдаст. Это вам, аксакал, подарок, сказал Омар, когда кобылиц завели в сарай. Понимать надо. Неужели не замечашь, в зятя к нам метит!

– Как такое дело не заметить? Я давно согласна, да наша дочь ни в какую, против него...

– Она против будет до той поры, пока я ещё твердо не решил, а если решу – никаких ее «против» и слушать не стану...

Слова отца словно ошпарили Кумысжан кипятком, она обомлела, оттолкнулась от стенки, и, пошатываясь, вышла на улицу. Кругом горели костры, яркое зарево осветило её, и она шмыгнула за угол дома. Навстречу ей шёл Омар. Кумысжан отпрянула от него, как от змеи, нырнула в полоску темноты, стоявшей плотной стеной. Омар заметил, что девушка скрылась от него, крикнул:

– Недолго ты у меня побегаешь, голубушка. Скоро приручу тебя...

Что-то ещё бормоча и отрыгиваясь после обильного ужина и кумыса, он вошел в дом. Кумысжан отбежала в камни, упала на землю и залилась слезами. Гнев на отца и мать был настолько велик, что она готова была бежать из родного дома. Кумысжан буквально возненавидела отца, в котором до этого не чаяла души. Долго она лежала на холодной земле, думая о любимом парне, о своей дальнейшей судьбе.

...С наступлением рассвета дом снова оживал, хлопали двери, стучали ведрами. Трещали костры над казанами, дымили самовары. Скоро все уходило по своим делам, дом пустел. Кумысжан после пе-

режитого вечером, лежала в постели, не хотела вставать. Мать, зная, отчего дочь хандрит, не подходила к ней и не будила. А девушку неотступно терзала мысль: как избавиться от Омара, куда девать себя. Она слышала, как мать наливала себе чай, причмокивая губами, пила его с наслаждением. ...Соседка приоткрыла дверь на кухню и убедившись, что в доме нет посторонних, вошла.

– Проходи, присаживайся к столу. – приглашала мать раннюю гостью к столу.

– Не в нашем обычае отказываться от чая, тем более от утреннего.

Кумысжан слышала, как мать взяла чашку и из самоварного крана зажурчала вода... Женщины, вкушая чай, какое-то время молчали.

– Слыхала? – швыркнув глоток горячего чая, соседка. Как бы между прочим спросила и вопросительно взглянула на хозяйку дома, – Вчера под вечер Пшенбая сын приехал, у Алтыншаш радостей-то теперь сколько...

Уловив знакомое имя, Кумысжан вся превратилась в слух, затаила дыхание. Подскочила к двери, которая была неплотно прикрыта, сосредоточила внимание. Из кухни доносилось:

– Говорят, – продолжила соседка, – странный, весь зарос черным волосом, грязный, одежонка изодрана, одни ремни болтаются...

Пока женщины, распивали ароматный чай, обсуждали свежую новость, Кумысжан быстро накинула кремовое платье, которое полюбилось Косуму, накинула на плечи чапан и неслышно выскользнула из дома. Её сердце налилось радостью. «Пусть с бородой, грязный, черный, оборванный, но он мой. И такой милее других...». Ей не терпелось обнять его поскорее, быстрее согреть горячо пылающим пламенем любви, обласкать. ...Кумысжан наслаждалась лаской, нежностью совсем не бородатого, вовсе не грязного, немного похудевшего, опаленного балхашским солнцем, по-прежнему милого, горячо любимого Косума.

– Ты по-прежнему крепко любишь меня, как тогда? – спрашивала она и все больше убеждалась в неизменности чувств парня.

– Люблю, люблю так, как ещё не любил ни разу тебя!

Он прижимал её к себе, вдыхал аромат девичьей кожи, сладостно целовал в черные, словно огромные черные смородины, глаза, в которых снова вспыхнул костер счастья.

– Хорошо, что вовремя приехал! – Кумысжан рассказала ему, как этот противный богач неотступно ходил за ней, как хочет силой своего богатства, сделать её женой, – Нет мне покоя от этого привязчивого наглеца.

Косум слушал любимую и перебирал в памяти все, что и ему довелось пережить, да и всему дому от этого байского сына Омара. Он задумался: ну вот, судьба снова навалила на мои плечи горе! От большой обиды сжимались кулаки, бегали желваки на щеках, закипала злость. И вот на пути к счастью, которое казалось стало уже близким, встал Омар, внук Ахметжана. Он может отнять любимую, ведь человек богатый, влиятельный. Что предпринять, как избавиться от врага, рука которого занесена их с Кумысжан счастьем? Кумысжан смотрела в его побледневшее лицо, вглядывалась в его глаза и думала: «Нет лучше парня на свете, чем мой Косум! Теперь с ним мне Омар не страшен». Тот будто прочёл её мысль, усмехнулся:

– А что если я с ним поговорю с глаза на глаз?

– Поймет ли он тебя?

– Поймет! Твердо скажу ему: уйди с нашей дороги, не мешай нам, не то...

– Что, если не то? – испуганно спросила девушка. – Ты задумываешь плохое?

– Плохого ничего не будет, ещё бы не хватало связываться с ним. А сделать, по- моему, надо так: ты назначишь ему свидание, у камня Кокек-тас...

– Я ему свидание? Да это позор...

– Милая, не возражай, так нужно сделать для нашего благополучия, позора никакого в этом нет.

– Хорошо, сделаю так, как тебе угодно. Только не дерись, он сильный, как бык, – девушка прижалась к нему и посмотрела в глаза. Ей хотелось узнать, не лукавит ли он с ней?

Сегодня базарные дела не шли обычным порядком, да и не до них было Омару, он потерял к ним всякий интерес. Эта упрямая девка сама назначила свидание. Тоненькая, гибкая, будто вербочка, стояла перед его глазами, как самое большое искушение. В полдень Омар оставил все хозяйственные дела, вернулся в юрту. Тянулись в томительном ожидании минуты. Он то зарывался головой в подушки, то выходил из юрты и долго смотрел в сторону зимовки... И вот запыхавшийся слуга, которому он поручил следить за Кумысжан, доложил, что хозяйская девица ушла из дома. Сама Кумысжан, скрываясь за скалой, сильно волновалась: «Чем же кончится это необычное свидание?» Она то и дело выглядывала из-за камня и теперь каялась, что согласилась выполнить поручение Косума. Волнуясь, все упрасивала его напоследок:

– Ты не дерись, если он полезет на тебя, воздержись, отойди. Я сильно боюсь за тебя, милый!

Когда Омар вывернулся из леса, девушка не сдержала себя, затряслась и побледнела. Крепко схватила Косума за руку:

– Давай сбежим отсюда. Подождет-подождет да уедет. Пусть обман будет нашей мстью. Уйдем, бежим, пока он не подъехал... – она тянула парня за руку, от волнения щеки её то бледнели, то загорались маленькими кострами.

– Подъезжает, – обреченно сказала Кумысжан, издали увидев всадника.

– О плохом не думай. Возьми себя в руки и выходи к нему навстречу. Вид сделай серьезным, чтобы не было повода располагать на что-то... Держись с ним холодно. Как вы сойдетесь, выйду и я...

Омар, увидев девушку, стегнул плетью по коню, мигом подскочил к ней. Резво выпрыгнул из седла, повод накинул на переднюю

луку, широко улыбаясь, бросился к девушке, грубо обнял и начал валить на землю. Назначила свидание, значит, согласна быть моей, думал охваченный страстью богач. Сегодня осуществится его давнее желание. Косум, желая обратить на себя внимание соперника, шел, громко стуча сапогами по камням, но Омар не слышал его шагов, не выпуская девушку из цепкого объятия, целовал в шею, щеки и лоб. А когда Косум подошел вплотную и тронул Омара за плечо, тот глянул на парня звериным взглядом и закричал, как на своего слугу:

– Чего тебе здесь надо? Убирайся быстро, пока целы твои ребра! Она моя, сама позвала...

Кумысжан, вырываясь, пронзительно визжала. Она отчаянно рвалась, но цепкие, сильные руки, надежно удерживали её в объятиях.

– Отпусти её! – властно, гневно крикнул Косум и в нем забушевала ненависть к этому подлому человеку. Снова вспыхнула давно утихшая обида к врагу детства. Омар, словно не замечал Косу́ма, не слышал его, не слышал оглушительный крик девушки. Теперь тащил её в сторону скалы... Косум не сдержался. Словно разъяренная рысь, подскочил к Омару и со всей силой кулаком треснул его по уху. Брызнула кровь, но тот устоял на ногах. Он оставил девушку, накинулся на Косу́ма:

– Эй, босяк, ты на кого полез? Выкидьш! – зло выкрикивал Омар, и, вцепившись в Косу́ма, сильно встряхнул его и подмял под себя, придавив грузным телом. Ярость обуяла обоих. Они схватились. Косум, используя свою ловкость, увертывался от ударов и, нанося противнику оплеуху за оплеухой, приговаривал:

– Вот тебе за мать, которую осквернил твой дед! Вот тебе за невесту! Вот тебе за себя и тех многих, кого обидел и продолжаешь обижать!

Девушка беспомощно бегала вокруг дерущихся, кричала, плакала, но ее никто не слушал. Омару удалось вцепиться в Косу́ма, он подмял его и начал душить. Кумысжан бросилась на Омара, колотила по голове кулаками, теребила за разбитое ухо, кусала, царапала. Озверевший богач не чувствовал удары и укусы. Жирные руки все

сильнее стискивали шею Косума. Тот почувствовал, как голова наливается тяжестью, свет в глазах начал меркнуть, дыхание сперло, сознание началось путаться. Голос Кумысжан то врывается резко в уши, то словно проваливался сквозь землю. Напрягая силу, он делает попытку вырваться, сильным рывком освобождает правую руку. С трудом протискивает её в карман брюк, где лежал револьвер, подаренный Поповым. Сознание уже окончательно темнело, но он силой воли удерживал его, а рука сжимала холодную рукоять оружия, палец взвел курок. Прижав ствол револьвера к боку Омара, нажал на спуск... Не слышал Косум выстрела, потерял сознание. Он куда-то повалился, за что-то хватался. Над ухом раздался пронзительный девичий крик... Сколько времени пролежал Косум в беспамятстве рядом с трупом, не знал. Очнулся, когда солнце последними лучами освещало макушку горы. Сумерки уже заливали лес, затопляя серые камни, зеленые сосны. Омар лежал в луже крови. В правом боку зияла рана, опаленная порохом при выстреле в упор. У изголовья убитого, низко опустив голову, стояла лошадь.

Х Х Х

Убив Омара, Косум не только избавил Кумысжан от насильственного брака и себя от терзаний. Он облегчил жизнь многих обездоленных аульчан Урпека... Жигит глянул на лошадь, все ещё стоявшую у трупа своего хозяина. Прыгнуть в седло и бежать, мелькнула мысль. Но куда? Да и помчит ли иноходец, почувствовав на спине чужого седока, так быстро и легко, как носил на себе богача? Нет, бежать некуда. Надо скрываться, а то те же слуги бая его схватят и растерзают. Не поймут, что избавил их от их кровососа. В это мгновение Косуму сильно захотелось жить. Он схватил с земли валявшийся сухой сосновый сучок и кинул в лошадь. Она покорно мотнула головой. Косуму показалось, что из выпуклых глаз иноходца брызнули слезы. Она отбежала, потопталась и снова подошла к хозяину. Ночь наступала, медлить было нельзя, надо уходить. И парень побрел по лесу, не отдавая себе отчета, куда его несут ноги. Обходил скалы, уступы и забрел на вершину горы. Он смотрел на темную гладь озера

Сабындыколь, на желтую ленту, перекинутую луной, вспомнил о пещере, которую видел в обрывистом берегу, спасая заплывшего далеко на лодке мальчика на лодке. А что если укрыться в ней?

...Холодная вода тысячами невидимых игл вонзилась в тело. Мускулы оцепенели. Но отступать было поздно. Косум поплыл, ориентируясь на очертания горы. Плыл тяжело, но его подгоняло желание жить, остаться в живых. Показался берег. Явно различались очертания скал, но руки и ноги околели, стали выходить из подчинения. Неужели это конец... И как в подтверждение этой страшной мысли судорога схватила правую ногу. Косум чувствовал, как последние силы покидают его, но воля к жизни победила и здесь. Он делает невероятное усилие над собой и, обдирая тело о камни, переваливается через уступ, падает в черное, холодное отверстие пещеры.

Косум лежал на холодных камнях и сетовал на свою незавидную судьбу: «Какая ты у меня жестокая! Неужели тебе не хватило пережитого мной в полуголодных степях Прибалхашья? Для тебя недостаточно и этого, что толкнула на убийство, бросила в ледяную воду...» Зима настойчиво выживала осень, с каждым днем наводила свои порядки, день становился коротким, а ночь становилась длинная, густо-темная с холодком, пронизывающим до костей. Мороз хрустящим тонким ледком схватывал гладь воды. Солнце не заглядывало в пещеру ни утром, ни вечером. С каждым днем жить в ней становилась трудней. Мучили голод, холод и одиночество.

Он покидает пещеру, уходит домой. Косум понимал, что родители страдают в неведении о его судьбе. Глубокой ночью он постучал в дверь, тихо осторожно. Алтыншаш вдвойне переживала неизвестную судьбу сына, спала чутко. Каждый шорох приводил её в ужас. Тихий стук в дверь прозвучал набатом, она материнским чутьем почувствовала: «Это он!» Вскочила с постели, и, даже не спросив, кто стучит, тут же откинула тяжелый засов. С горькими слезами упала на грудь исхудавшего сына:

– Да что же ты натворил, сыночек? Тебя ищут всюду, по дорогам байские холуи. – причитая, заливалась она слезами.

– Мама, мне больно, что столько много причиняю тебе и отцу горя, но сначала накорми. Изголодался, нет сил говорить.

Отец тем временем накрывал на стол, ставя все, что имелось в их скудном запасе. А потом по-дружески пожал руку сына:

– Молодец, сынок, отомстил шайтану. Так и надо этому чертовому роду!

Они прошли к столу, на котором горкой лежали поджаристые баурсаки. И пока Косум жадно ел, большими глотками пил ароматный чай, отец рассказывал:

– Байские холопы, стражники на лошадях рыскают по всем окрестным дорогам, тебя ищут. Будто дочь кузнеца показала на тебя...

– Её не обижали? – Что мы можем знать? Говорят, что водили её на допрос к атаману. А как там дело обошлось, одному Аллаху известно... Убитого на следующее утро увезли в Урпек. Я со знакомыми казаками говорил насчет тебя, советуют явиться к атаману. Говорят, посадят, этого теперь не избежать, так голова будет цела. А не то наскочат родичи Омара, схватят и растерзают, и спросу с них не будет. Старики хороший совет дают, надо их послушаться.

Утром, передевшись вовсе чистое, простившись с родными, Косум пошел в станичное управление. Вошел в комнату смело. Здесь былолюдно, сидели на лавках вдоль стен бородачи и безусые парни. Курили, обменивались последними станичными новостями, шутили и весело смеялись. Косума знали все как сапожника, а теперь, когда Попов выплавил первую медь, знали и как рудознатца. Увидев его, немало поразились его смелости. По комнате пронесся шепоток: «Смотри-ка ты, сам пожаловал».

Косум по первости растерялся. Казенный дом дохнул на него холодом, по телу пробежала дрожь. Заметив, что парень растерялся, к нему подошел бородастый казак. Дружески хлопнув по плечу тяжелой ладонью, спросил:

– Ты пшенбайский сын, что того... – по-дружески улыбнулся. Снова хлопнул по плечу, что подбодрило Косума - Заходи к атаману,

как раз один. Бородатый казак серыми глазами метнул на дверь, обшитую черной кожей.

Косум очутился в длинной светлой комнате. В конце её за массивным столом из черного дуба, покрытым зеленым сукном, сидел человек в форме. Глаза Косума резал непривычный блеск погонов и галунов, которыми был украшен мундир атамана. «Неужели и у киргизов имеется любовь?» - подумал атаман. Сейчас глядя на молодого застенчивого, взволнованного парня, он вспомнил признания девушки, её горячие слова о любви. И тут-же проникнулся симпатией к робкому парню, не побоявшемуся явиться с повинной Атаман сказал ему, как мог, мягко:

– Ты спокойно и все по порядку расскажи, как получилось, что ты его убил... Атаман, внимательно выслушав Косума, убедился, что преступление совершено на почве ревности и заключил, что дело это его не касается. На это имеется уезд, а там мировые прокуроры.

– Закон тебя не помилует. Отправлю в павлодарскую тюрьму, там разберутся. – атаман обернулся к двери, – Эй, кто там сегодня дежурит? Заходи!

Вошел уже знакомый нам чернобородый казак. Атаман отдал ему приказание: – Уведи в каталажку. Писарю передай, пусть снимет по всей форме дознание. Каталажка находилась в конце длинного коридора, тесная и неудобная. Комнатка с одним окном, выходящим на двор, забраным железной решеткой. Грязная, по углам висели паутиные сети. Сквозь грязные стекла окна падал мрачный свет. На Косума дохнул застарелый запах плесени и тяжелый мышинный дух.

Уже на следующий день, на дворе разгулялась сердитая вьюга, запела нудную песню, трепетала в щелях тесовой крыши, надсадно выла. Залетала в печную трубу, свистела на разные голоса, отчего в одиночестве парню становилось не по себе. А ведь он любил влетаться в волшебную пляску бурана, с метелью носился по степи, когда бушевала пурга, когда влажная снежная пороша забивала глаза, приятно холодила лицо. Косум с детства любил снежную бурю. Любил стоять, подставив бурану лицо, представлять себя героем среди бурь и невзгод. Какая это была прекрасная вольная пора! Тюрьма.

Двухэтажное здание Косум увидел впервые. В его представлении тюрьма должна быть каким-то мрачным помещением, где должно быть тесно, и он, не скрывая своего удивления от конвоировавшего его казака, говорил:

– Большой дом, больше чем у атамана! Жить будем хорошо.

И Косум не ошибся. Ему повезло с первых же мину.

– Что умеешь делать? – спросил его оформлявший дежурный по тюрьме. Косум не поняв вопроса чиновника, слегка пожал плечами. – Ну, плотник, печник или сапоги шить можешь?

– Сапог шить знаем.

Его отвели в камеру номер пять, дверь, которой на замок не запиралась. В ней отбывали наказание повар, конюх, плотник, подсобники. Так началась его тюремная жизнь. Жизнь в неволе текла нудно, по одному расписанию. Косуму, выросшему на степных просторах, в тюрьме становилось нестерпимо тяжело. Выйдет во двор и, не отрываясь, смотрит на небо, синей чашей, накрывшей тюрьму. Воля тянула к себе, и он в эти минуты завидовал крохотным пташкам, которые свободно порхали по свету: «Воля, как ты дорога узнику, и как он не ценит тебя на свободе!» Косум шьет новую обувь, ремонтирует поношенную. У тюремного начальства не на плохом счету, его уважали за послушность, за соблюдение здешнего режима, а время бежало. Зиму сменила радостная для всех весна. Работы увеличилось вдвое, и теперь он сидел за рабочим столом, как говорят, не разгибая спины. Никто его не вызывал, ни о чем не спрашивали, сидит мужик, работает, ну и пусть себе трудится на здоровье! Косум, нет-нет, а помечтает о воле, о невесте и продолжает сидеть. А сколько ему сидеть в тюрьме, никто и не знает. Дело, заведенное на него, переходя из рук чиновника к чиновнику, у кого-то затерялось. И только счастливый случай заставил начальство тюрьмы вспомнить о заключенном. Однажды в мастерскую вошла роскошно одетая дама, держа за ручонку мальчика лет шести. Из лакированной хозяйственной сумки вынула сверток и подала его Косуму со словами:

– Ботиночки его. – она глазами показала на мальчика, - Очень прошу сделайте по возможности побыстрее. Сами понимаете, весна, мальчику хочется играть на улице, а всюду грязь...

Женщина обращалась к сапожнику вежливо, улыбка не сходила с её приятного лица. Она чем-то напомнила ему Кумысжан, и сразу же от незнакомой женщины будто повеяло степью, терпкой сосной... Косум вынул ботинки из свертка, положил их в таз с водой. Мастером он был незаурядным, перенял от отца все, что тот знал. К тому же имел вкус, любовь к красоте и особую сметливость, умел придать обуви изящный вид. Отремонтировав ботинки и поставив их на полку для просушки, захотел порадовать мальчонка, сшить ему новые сапожки. Уж слишком Косум проникся глубоким уважением к милой даме. «Наверно, жена большого начальника...», - подумал он о женщине. Всю ночь он просидел в мастерской, освещаемой слабым язычком малолинейного фитилька, рискуя получить замечание от начальства за нарушение режима. Сапожки вышли на славу! Сам Косум долго любовался, осматривая свою работу, удивлялся своему мастерству... В ожидании прихода дамы за ботиночками Косум немало переволновался: как она примет его подарок сыну и понравятся ли сапожки, которые возможно мальчик никогда не носил на ногах. Дама пришла к полудню и без сына. Косум очень хотел увидеть радость на лице мальчик и немало огорчился:

– Пошто мальчик нету? – с обидой спросил он женщину.

– Понимаете, на улице ужасная грязь, дома оставила. – широко улыбаясь, отвечала дама. Теми же искорками горели её круглые, ясные, как небо голубые глаза. Косум подал ей ботиночки, начищенные до блеска, и дама просияла:

– Ух, как здорово вы их подновили? Спасибо вам от меня и от сына! Сколько у него будет радостей! А когда Косум, подавая ей новые детские сапожки, сказал: – Это подарок вашему мальчику от меня – дама растерялась даже не знала, как и чем отблагодарить столь любезного казаха мастера: – Какие чудесные! Сапожки удивительно хороши – таких на рынке не купишь. Нечего сказать, тонкая работа. Боже, какие же красивые! Вот будет радости у Антоши... На следую-

щий день пришел в мастерскую вахтер и передал Косуму приказ начальника тюрьмы: – Немедля явись к начальнику тюрьмы!

Многое передумал Косум за эти немногие минуты, пока попал в кабинет начальника. Основной причиной вызова он считал, ночное нарушение режима, о другом не думал.

– Ты за что сидишь? – был первый вопрос начальника.

Косум, вспоминая прошлое, которое стало постепенно забываться, рассказал подробно. Пришел ещё один чиновник, с ним начальник говорил о чем-то продолжительно долго, потом Косуму решили идти в мастерскую. Так и не поняв, зачем его вызывал начальник, Косум вернулся в свою каморку. Все выяснилось гораздо позднее. Мировой судья округа, одетый во все черное, разобрал дело без свидетелей. Он задал подсудимому всего несколько вопросов и вынес приговор: «Убийство совершено при защите собственной жизни, драка возникла на почве ревности. Отбытый срок в тюрьме считать достаточным наказанием. Косума, сына Пшенбая из станции Баян-Аульская, из под стражи освободить...»

Косум организует промышленную артель

Апрель разорвал лед на Иртыше и разметал сугробы, нанесенные зимними буранами. Степь, залитая солнечным теплом, покрывалась зеленым ковром разнотравья. Полноводный Иртыш вышел из берегов и залил широкие луга. Благоухала, оживая от зимней спячки. Выйдя за тюремные ворота, Косум потянулся, будто расправил крылья для большого полета. Он постоял, в последний раз глянул на узкие окна второго этаже, снизу казавшиеся вороньими гнездами, и быстро зашагал паромную переправу. Здесь он потолкался среди сгрудившихся подвод, ожидающих переправу на левый берег. На Баянаул не оказалось ни одного попутчика. Это его не огорчило. Он нашел лодочника, договорился с ним о плате и переплыл реку. Пристроил на спину котомку, подтянул потуже ремень и двинулся в путь-дорогу дальнюю. Двести верст, разделяющих Павлодар с Баянаулом, ему показались сущим пустяком, расстояние преодолел за три дня. Родители, не имевшие связи с ним, были бесконечно рады приезду сына.

Несколько дней у дерновой землянки беспрестанно кипел медный самовар, варилось мясо. Шли сюда родственники, соседи. Всех удивляло, что Косум так легко отделался за убийство, и что он несколько не исхудал. Прежние отношения восстановились и с Кумысжан. Отец её, видя, что дочь крепко любит Косума, не стал ей мешать. Через год была сыграна свадьба. Так и потянулось время нашего разведчика недр.

Правда, оставшись без любимого дела, Косум заскучал. Профессия поисковика стала его призванием. Но куда теперь приложить силу, знания и старания? Как известно, Степан Иванович затушил примитивные медеплавильные печи на Канды-Карасу и умчался домой. С тех пор от него не было вести, ни доброй, ни плохой. Косум томился в домашних условиях жизни. Он скучал по степи, по её горьковатому запаху, по её диким картинам, но близким и милым его сердцу. Хотелось бродить, искать. Когда скука засасывала его по-настоящему, чтобы развеять её, он становился гостем в доме старика Баки Алиева и в разговорах с ним отводил душу. Слушая старика, сам мысленно уносился в прибалхашские степи, в голубые горы... Дряхлый старик, рассказывая о своих дальних походах, вспоминая о молодых годах, тоже оживал на глазах, прямо-таки молодел. Всегда рассказывал с душой, с захватывающим огоньком: – Разведка – дело разительное, что тебе азартная игра в карты. Все ждешь крупного выигрыша. Подстегивает тебе желание: авось сегодня, вот сейчас повезет, вдруг, вот он клад... В глазах все время золотишко так и мельтешит. Ох, уж эта разведка! Словно бичом подгоняет, носишься по лесам и горам холодный, голодный..., а страсть не гаснет. Бывало, устану и думаю, хватит дурака валять, пора кончать и что ты думаешь? Сила этой заразы превышает твоей воли, передохнешь и опять за поиски...

Рассказы старика не успокаивали, а наоборот усиливали стремление уйти в поле и заняться любимым делом. Кумысжан понимала мужа и сочувствовала ему:

– Ты не слишком изводи себя.– урезонивала беспокойного Косума. – Слава Аллаху, приобрели небольшое хозяйство, живи да по-

живай. Был моложе, ходил, ездил, а теперь выкинь все из головы. Пусть отдохнут твои ноженьки...

– Нет, ты не права, жена. – не соглашался Косум – В мои годы зарыться в домашний хлам? Нет, Кумысжан этого не будет. Ты баба, тебя не понять все те радости, которые несут мне мои поиски в степи и в горах...

– А я вовсе не за то, чтобы ты лег в постель и не вставал. Просто позабудь ты свою руду. Земля богата и другими дарами. Давай сеять пшеницу, выращивать картошку или другое что-нибудь делать. Соблазн большой в предложении жены, но Косум быстро забывает об этом. Желание поисков рудоносных месторождений увлекало гораздо больше, и он продолжает думать, как вернуться к любимому. Как-то его осенила мысль: «А что, если перекочевать в аул? Здесь мне представится возможность ездить, куда задумаю!» И он рассказал об этом жене:

– ... скотине будет вольнее. Гуляй вволю...

– И куда ты бы перекочевал? – желание мужа перебраться в аул напугало Кумысжан. Ей стало страшно, что она покинет гнездо, которое им досталось не так-то легко.

– Думаю переберемся ближе к Жельтаускому хребту, где детство провел, там все знакомо. Места прекрасные, ты будешь довольна!

– Ты забыл про гибель Омара? Там живет его родня...

– Волков бояться – в лес не ходить, – поговоркой ответил он на страхи жены. Косум человек храбрый, он не боялся невзгод, возможных трудностей. Всегда имел при себе оружие. Казахи после убийства обнаглевшего богача Омара преклонялись перед ним как перед батыром рода «майлитон». Для удобства передвижения он приобрёл верблюда, способного длительное время обходиться без воды и корма. Жельтауский хребет не был пуст, как многие степные горы, холмы и долины. Косум прошелся по следам своих детских лет, которые так сильно его тянули сюда, уже зрелым рудознатцем. Здесь он обнаружил залежи многих руд в урочищах Коктас, Жартас, Сары-

оба, Сары-тобе, Сары-адыр.. На этих местах вместо заявочных столбов теперь торчали пирамидки, сложенные из мелкого камня, где Косум замуровывал своеобразные знаки. Эта работа приносила ему духовное удовлетворение, а прибыли ни копейки. Иногда человек о чем-то мечтает всю жизнь, умирает с этой мечтой, а иногда она так запросто осуществляется, что человек диву дается. Разговор происходил за поздним вечерним чаем. Желтым пламенем лампа освещала комнату, ключом кипел до блеска начищенный самовар, его пар кудрявыми облачками поднимался к потолку, на стенах двигались крупные тени сидящих за круглым столом на коротких ножках. Косум, задумчиво похлебывая горячий чай, в мыслях унесся на Шакпак. Какое же должно быть там доходным месторождение угля почти на поверхности земли, думал он. Вот бы кто из промышленников развернул бы дело в тех краях. Мысль прервал вошедший один из бедняков аула Кенжебая:

– Ассалам алейкум! – почтительно поприветствовал он хозяина дома.

– Алейкум ассалам! – ответил Косум, недовольно поглядывая на позднего гостя, за прерванную мысль.

– На огонек заглянул, – как бы поняв хозяина, оправдывался Кенжебай.

– А ты, как никогда кстати подошел, Кенжеке. – Косум ободрился, поправил под собой постеленное стеганое одеяло. – Меня мучает одна думка, вот и посоветуемся.

Кенжебай, один из заложников бедности, чтобы хоть как-нибудь вырваться из нужды, предпринимал всякие меры, но так и оставался бедняком. Кенжебай настрожился, о чем это хочет сказать Косум?

– Ты слышал, что черный камень добытый из земли, горит?

– Нет, не слышал – откровенно признался Кенжебай.

– Горит, да еще как!.. Железо плавит. Я на Шакпаке его нашел много. А что, если мы будем добывать там его и продавать кузнецам? Нам выгодно, и кузнецы будут довольны!

– Уголь добыть хотя и трудно, наверное, но если возьмёмся, то добудем. А вот будут ли его покупать? Дело новое, непривычное. – усомнился Кенжебай в прибыльности затеи.

– Купят.- убежденно ответил Косум. – Надо показать кузнецу, как уголь быстро плавит железо, а кузниц в округе десятки, и дело наше пойдет. Конечно, «один конь – не табун», а два человека – не артель, еще мужиков позовем. Аубакир, Сыздык – два, Мукуш – три. С нами уже пять человек. Глядишь, ещё кто к нам примкнет!

Кенжебай ушел домой в приподнятом настроении. Шагая до зимовки, он строил всевозможные планы, которые делали его, если не богатым, то мужиком в полном достатке. Косум тоже, взвешивая все будущие хлопоты по добыче угля, предался воспоминаниям, как он нашел это месторождение... .. Темно. Льет дождь. Раскатисто ухает гром. Молния зигзагами рассекает на куски черное небо. Косум сидит меж теплых горбов верблюда. Он пробирается сквозь непогоду в аул, что за урочище Каратал. Земля расквашена ливнем, будто тесто. Мягкие подошвы верблюжьих ног шлепают по грязи, ноги скользят, расползаются по сторонам. Верблюд не может идти, падает на колени, потом вовсе свалился набок. Косум поежился. Не хотелось расставаться с согретым местечком между верблюжьими горбами. А дождь хлещет ещё сильнее, будто осерчал на ночного путника. Соскочил Косум с верблюда, вскинул на плечо двуствольное ружье, с которым никогда не расставался, и шагнул в темноту. Он знал, что аул где-то недалеко, только прикрыт непогодой. Шагал медленно и долго, пока не наткнулся на саманную стену. Перебирая руками по ней, словно слепой ищет вход, пошел вдоль нее, но стена быстро кончилась – это была казахская могила. Косум нащупал осыпавшийся проем, перемахнул через него и, прислонился спиной к стене, присел на мокрую землю. Одежда неприятно липла к телу, но усталость брала свое. Захватила дремота. Проснулся от звериного рычания. Схватил ружье и, не раздумывая, разрядил оба ствола в сторону, откуда доносился звук... Когда на небе обозначился мутный рассвет нового дня, он увидел, что рядом зияет черная дыра. Подошел ближе, от ужаса волосы на голове поднялись: в отверстии лежал убитый им волк. Это был волк-трупоед, за которым долгое время охотились местные жители

аула, но им не удавалось выследить хищника. Пожилые, набожные люди аула, чрезвычайно были благодарны Косуму, за уничтожение зверя, который каждый раз пожирал свежий труп покойника, оскверняя его последнее пристанище на земле. В благодарность за такую добрую услугу гостю преподнесли новый чапан. Угостившись, Косым на своем верблюде двинулся дальше в степь. Он ехал не спеша, внимательно приглядывался к каждому камушку, растительности, искал приметы, которые бы указали ему, что может лежать в этой земле. Верблюд тянулся на длинном волосяном поводу, жадно хватал степную полынь, которая здесь стелилась грядками. Бережно, как женский волос, пальцами перебирая кустистую траву. Срывал стебли, нюхал, клал на зубы, жевал... В аромате, во вкусе травы он как бы узнавал запахи лежавших в глубине земли металлов. Шакпак – так называется урочище, где сосредоточил свое внимание искатель. Спутав верблюда, Косым ещё и ещё обходил низину, что лежала между двух невысоких холмов. Обошел её вдоль и поперек. И убедился: уголь есть, да и залегает неглубоко. Но даже убеждение ещё не уголь, надо проверить свою догадку на деле. Косум сбросил рубаху, подставив пальцеугольному солнцу бронзой покрытую спину... В отшлифованных острых концах кайла заиграли солнечные зайчики. Камни мешают, их приходится дробить. Шурф уходит в глубину земли, каждый удар кайла вызывает приглушенный звук. Это стонет земля, и он слышит её глубокие стоны. Но не может оторваться, нужно углубиться, узнать, прав ли он. Косум устал... Ноют плечи, боль сковала спину, но его кайло по-прежнему сильно клюет землю, выворачивая камни... И в эти минуты дикой усталости в памяти всплывают слова покойной матери: «Сам себя жалей сынок. Никто другой не пожалеет». Перед ним встает милое лицо матери. Он помнит её беспокойный характер, помнит, как оберегая его здоровье, бегала по следам. Памятны даже мелкие морщинки на её добром лице. Эти морщины буквально избородили мамино лицо, как отметины тяжелой судьбы. А земля все продолжала стонать под тяжелыми ударами. В голове бьются сбивчивые мысли. Косум чувствует, что уже сила не та, что была раньше. Да и сердце колотится не так, как бывало. Эх, вы, годы, будто путы, стягиваете ноги с каждым годом все туже, шаг становится мельче, а жизнь короче... Косум попытался расправить спину, выпрямиться, но

поясница не повиновалась ему, и он свалился набок. Долго он лежал без движения, наслаждаясь прохладой земли, выкинутой им наверх. Над ним роем носилась степная мошкара, лениво порхали с цветочка на цветочек разморенные солнцем цветастые бабочки. Косум лежал и запоминал местность, складки, сопки, чтобы потом легко найти это место... На небе прорезались яркие звездочки, на землю вместе с прохладой спускались и сумерки. И только теперь кайло выбило черную пыль, а за ней следом вывернулся черный кусок камня.

Х Х Х

На Шакпаке, у заброшенного колодца, вырос маленький аул из ветхих шатров и юрт. Артельщики знали, что в этой земле лежит каменный уголь, который принесет людям тепло, заменит кизяк, дрова, сможет в кузнечных горнах раскалять сталь и плавить железо. Когда мулла узнал, на чем поселился аул на Шакпаке, стал проповедовать против артельщиков:

– На землю нашу, – кричал он народу, брызжа слюной, – каждую ночь сходят с неба посланники Аллаха, они хранят наш покой. А эти люди поддались соблазну шайтана, хотят изранить нашу священную землю, нанести ей глубокие раны. Не сойдут к нам с неба посланники Аллаха, покарает нас бог, если не изгоним с нашей земли грешников!

Приезжали в аул посыльные, передавали Косуму поклон с закливанием слуги Аллаха, сами уговаривали артельщиков отказаться от ненужного для народа грешного дела. Но широкий колодец с каждым днем уходил в глубь земли, и в него спускались уже по лестнице. Казахи, вошедшие в артель, не были безбожниками. Они ещё больше прежнего совершали утренние и вечерние намазы, в молитвах просили у Аллаха помощи и милости. Но бросить начатое ими работы не могли, надеясь, что добытый уголь принесет им заработок, облегчение в жизни. Слишком велик был соблазн. Когда железные лопаты скрежетнули по пласту каменного угля, изнуренные тяжелой работой лица впервые просияли, артельщики крепко пожали руку своего

аульчанина Косума. Восхищаясь его знанием, приговаривая: «кандай ақылды бас?» - какая умная голова.

– Уголь! – первым крикнул Кенжебай.

– Уголь! – потирая мозолистые руки, повторил Мукуш. И у каждого всплыла заветная мечта, неугасимая надежда. Один из них уже носился на резвом коне, табунил в долине свой скот... Второй сидел в белой юрте, на дорогом ковре и наслаждался пенистым кумысом из цветной пиалы. Косум, оперевшись на березовый черенок лопаты, тоже предался мечте. Но она у него иная, чем у артельщиков. Перед ним лежали горы угля, в стороне фыркает небольшой паровик, такой же, как у Попова... Над колодцем срубили деревянный ворот. Работой руководил Косым. Вместо бады на толстых веревках подвесили большой мешок, сшитый из сырой кожи, для чего Кенжебай не поспешил: заколол последнюю коровенку, оставив ребятишек без молока. Казахи, попавшие под влияние муллы, сторонились аула «грешников», объезжали и обходили стороной. Но когда до них дошел слух, что завтра «грешники» добудут черный камень, который будет пылать пламенем на костре, все же не удержались. Любопытство побороло всякие страхи перед Богом. Избегая встречи с другими, они поодиночке потянулись в аул. Съехалось народу столько, что не хватало места на вершинах сопок, а приблизиться люди, видимо, все же побаивались. Маленький сооруженный ворот над колодцем в глазах собравшихся казался необычным творением рук Косума. Они удивлялись способностям земляка и тут же пророчили наказание с неба.

...Косум гордо подошел к вороту, повернулся на запад, преклонил колени и после короткой молитвы влез в мешок. Ворот заскрипел. Стоявшие в стороне и с любопытством глазевшие на все происходящее у артельщиков люди испуганно поглядывали в ясное небо: ждали, что вот-вот оно разверзнется и обрушит на головы грешников Божий гнев. Но ничего не последовало, люди постепенно осмелели и подходили к вороту вплотную. Прошло не много времени и ворот заскрипел, из колодца показался мешок. Его дружно подхватили артельщики и высыпали из него на землю груды черных камней. Вечером разожгли костер. Всю ночь народ не покидал аул. Подкиды-

вали в костер уголь, бросали куски железа... Но, к сожалению, даже достигнув первых результатов своего коллективного труда, артель Косума все же распалась. Веры народа в слова муллы была настолько велика, что к углю никто из местных так не прикоснулся. Артельщики проели последний скот, и, побросав большие груды добытого угля, на зиму разбрелись кто куда коротать нужду... Неожиданный гость Великое несчастье постигло первых начинателей общего труда. Артель развалилась, словно разохшаяся бочка на ветру. Кенжебай, более всех впечатлительный и больше всех веривший в успех предприятия, не вынес крушений своих надежд и свалился в постель. Болезнь надолго сковала его натруженные ноги и руки. Косум считал себя основным виновником, что ввергнул бедного Кенжебая в дело, не продуманное до конца, и окончательно разорил семью. Сильно переживая за друга, он помогал его семье, чем мог. Среди кочевников про артель шли разные, даже самые дикие вымыслы, что Косум продолжительное время не показывался на глаза народа. Распад артели особенно оказался на руку священнослужителям Ислама. Они теперь на примере Косумовской артели еще с рвением убеждали свою паству, какая карающая сила Всевышнего ждет тех, кто идет против его воли. Все происшедшие печальные события возвышали авторитет мулл и приносили им еще большие доходы. Зима, как обычное явление в нашем крае, и в этом году наступила крутая. Со злыми выюгами и большими снегами. С первых же дней она наметала высокие сугробы. Коротая долгие ночи, Косум, все чаще задумывался над своей, какой-то неустоявшейся жизнью. То она окрыляла его, подымала, давая желаемое, то больно бросала его, лишая надежды. Стоял вопрос: чем теперь заняться, к какому надежному делу приложить силы. Видя, каким смурным стал в последнее время муж, Алтыншаш, как могла, его утешала:

– Не изводи ты себя, дорогой! Скот у нас есть? Есть. Значит, и делов у тебя по самое горло, только знай руки подставляй.

– Не то ты говоришь, жена, – в сердцах возражал Косум. – Скотом не очень-то меня тянет заниматься, душа моя там. В степи мне надо быть, ходить по ней вольно, копать в земле, вот тогда я на своем месте

– Муженек ты мой, признайся сам, а много проку нам от того, что ты чего-то находишь?

– Проку говоришь? –

Косум переспросил и задумался. Очнувшись от глубокого раздумья, ответил ей: – Проку Кумысжан будет много. Если сегодня его нет для нас, то в будущем, когда на открытых мной местах задымят настоящие заводские трубы, люди, что себе зарабатывать на жизнь, скажут спасибо! Это и будет для меня проком.

– Может, быть ты прав... – нехотя соглашалась с ним Кумысжан, – До весны ещё много времени. Глядишь, что-нибудь и подвернется.

– Вряд ли... – не поддержал он оптимизм жены – Кто забредет в эту пору в наши глухие места?

Х Х Х

Что и говорить, томительно коротать время, когда человек оказывается не у определенного дела. Тогда и время тянется медленно, словно тягучая резина, и мысли рождаются какие-то сомнительные, неопределенные и постоянно крутятся в голове. О многом думал Косум под завывания вьюги за окном: «Скоро наступит весна, а я что если займусь земледелием?» С одобрения жены он рано начал готовиться к весенним полевым работам. В те далекие годы среди кочевого народа это было редким явлением. «Слышь, киргиз землю пахать вздумал? Ха, х-а-а!» – смеялись русские, к которым Косум обращался за покупкой семян. Ему требовались не только семена, но и орудия труда. Та же соха была несложным земельным агрегатом, но и её требовалось приобрести. Теперь за делом у Косума и время неслось, будто на крыльях. Он преобразился, стал усердным хозяином. Не сидел, как бывало, прислонившись спиной к печи, не вздыхал тяжело, а копошился во дворе, готовился к земледелию, как настоящий крестьянин. Часто бывал в Баянауле, встречался с знакомыми русскими, узнавал у них, что к чему, когда пахать, что прежде высевать в

землю. Кумысжан радовалась, что муж взялся за выгодное дело и говорила соседкам:

– Свою пшеничку вырастим, если Аллах будет к нам милостив? Вот уж тогда баурсаками, свеженькими будем угощаться!...

Но в жизни Косыма случился крутой поворот, к нему пожаловал неожиданный гость. Молодой, бравый, одетый по-городскому, весьма подвижный, разговорчивый человек. С чемоданом в одной руке, с саквояжем в другой. И этот приход просто отбросил на задворки все Косумовы планы о хлебопашестве, казалось, продуманные до мелочей.

– Здравствуйте! – молодой господин подал руку Косуму, который во дворе спешно готовил новую сбрую для упряжки лошадей. Косум оглядел незнакомца с ног до головы: густые, пышные русые волосы, выющиеся на висках... Взгляд серых глаз, напомнил что-то очень знакомое, но разве он мог вспомнить? Много лет уткло с тех пор, как он встречался с человеком, похожим на парня, теперь стоявшего перед ним. Косум, следуя обычаю, пригласил гостя в дом. Пока приезжий господин приводил себя в порядок, брился, мылся, Косум все терялся в догадках: кто он, с какой целью приехал. Конечно, он понимал, что гость не случайный путник, проезжавший мимо по своим делам. За чаем началось знакомство, потекли вопросы и рассказы. Молодой человек спросил Косума напрямик:

– Вы отца моего, Степана Ивановича Попова помните? Я его младший сын, Николай. Он начал рассказывать об отце, и по выражению было лица заметно, как картины прошлого воскресали в его памяти одна за другой: – Ничего в нем после болезни не осталось прежнего. Ни внушительной внешности, ни сил, ни прежней страсти к хозяйственным делам. Путь до дома далекий, утомительный не только для больного, но и для здорового человека. А отцу, измученному болезнью, было иногда совсем плохо. Он впадал в отчаяние и вынужден был прерывать поездку, чтобы отдохнуть, набраться сил и продолжить дорогу. По словам отца, на почтовых станциях по обыкновению было многолюдно, шумно. Каждый из пассажиров спешил, требовал срочной подачи перекладных лошадей, а их не хватало. Чем ближе отец подъезжал к дому, тем хуже чувствовал себя. Временами, как он

рассказывал, его охватывало малодушное желание повернуть лошадей назад и пуститься обратно в киргизскую степь... Когда тарантас подкатил к дому, отец не смог самостоятельно сойти с возка и войти в дом. Ноги подкосились, и он присел на землю. Таким слабым отец приехал домой. Мать не жалела средств на визиты знаменитых и не знаменитых докторов, но медицина оказалось бессильной. Отец лежал в постели, будто мумия, желтый, обездвиженный. Мать постоянно плакала тихо, чтоб отец не услышал. А он ее утешал. Говорил, конец жизни, ничем не остановишь... Как-то мама сказала, что меня просит к себе отец. Я вошел в комнату. Он слабым движением руки показал мне на кожаное кресло, стоявшее у его кровати. Было очевидным, как ему трудно говорить, а в серых глазах, опавших от болезни, стояли непролитые слезы. Рука свисала с кровати. Я взял холодную руку его и положил на атласную поверхность одеяла. Зрение уже начало отцу отказывать, и он меня едва признал. Стал прощаться, давать последние наказы. Наказал беречь мать и преумножать хозяйство. Потом сказал, что в станице Баянаульской Павлодарского уезда разыщешь киргиза по имени Косум, сын Пшенбая. Просил отблагодарить Вас, потому что в свое время сам он поспешил. Отец говорил, что Вы хороший рудознатец и мы можем вместе открыть еще не одно месторождение. Сказал, что многие вещи подробнее я узнаю из его бумаг. Это были последние слова отца...

Николай долго смотрел в блюдце с остывшим чаем. Как-будто в эти минуту еще раз пережил смерть отца, глубоко потрясшей его в свое время.

Х Х Х

В жизни Косума началась новая пора. Первым делом они с молодым хозяином побывали на месторождении богатейшей руды по содержанию свинца, прозванном местными жителями Алтынды. Потом он познакомил Попова с рудником Александровским, покинутым его отцом. Николай Степанович, не ограничился одним рудником. Он поручил Косуму глубже обследовать районы, прилегающие к Канды-

Карасу, и не ошибся в своих предположениях. Продолжительное время Косум рылся в обвалах и осыпях, рыл глубокие шурфы, копался в старых насыпях. Нелегкий труд разведчика увенчался успехом. Он обнаружил залегание поверхностных руд на урочищах Кара-адыр, Алакуль, Алтын-тас, Акузек и Егызкара. Впоследствии три первых Николай назвал: Николаевский, Степановский, Анненский. Создались благоприятные условия для горнозаводского дела. Николай в короткий срок создает на Канды-Карасу мощный по тем временам завод. На Александровке задымили десять отражательных печей для плавки свинцово-серебряномедных металлов. Вступили две установки для выделения из руды серебра. Дела молодого горнопромышленника уверенно шли в гору. Из Петербурга Николай привез паровую машину, а на реке Ащысу построили плотину для подъема воды. На заводе работали, в основном, местные казахи. Их ручной труд оплачивался дешево, что было выгодно заводчику. Удешевляло себестоимость выплавленного металла и местное минеральное топливо. Уголь добывался на Майкубенском месторождении и доставлялся на рудник гужевым транспортом по бросовым ценам. Прибыль исчислялась уже миллионами рублей. Николай Степанович, воодушевленный громадными доходами, не проявлял заботу о дальнейшей судьбе завода. Не разведывались запасы руды, не подготавливалась добыча её из глубины недр более механизированным способом. Поверхностная окисленная руда истощалась. Рудники и завод Поповых в зоне станицы Баянаул постепенно начал хиреть. Резко сократилась добыча металла, а тут ко всем бедам промышленника наступили сроки уплаты крупных государственных кредитов. Николай Степанович из-за боязни полного разорения, куда-то скрылся. Оставшиеся без хозяйского надзора предприятия постепенно разрушились. Уже в конце девятнадцатого века в Александровке вместо медеплавильных печей можно было видеть обрушившиеся печи, да кучи кварцитовых медных руд на рудничном дворе. Таков был плачевный исход горнопромышленного дела Поповых, нерадивых хозяев, грабителей богатства казахской степи. Более ста человек рабочих-казахов остались на Александровке ещё одним Жатаком. Косум снова оказался отлучен от любимого дела. В его жизни появилась пустота, которую требовалось чем-то заполнить.

Екыбастуз

– Вот судьба-то как изгаляется над тобой, а ты все талдычишь свое: степь, земля, поиски, руда... – Кумысжан с сердечной злостью бранила мужа. – Господин тебя сбил с толку, а теперь набил свои карманы и сбежал. Ты как был наивным Косумом, так и остался им, опять без... – Она не знала, как называется его профессия, и замялась. – Как упрашивала: покажи ему (имела в виду Николая) места, Алтынды и прочие, а сам домой, и принимайся за пахоту... Теперь бы нас рукой не достать... Хорошо, что скот держу, не то приехал бы домой, а дома пусто. Заладил себе, «скот не мое занятие»...

Упрек жены был справедлив, и оспаривать его Косум не мог. Он потупил голову, молчал, и думал: «Права жена. Годами ездил, копался в земле, и за все мучения и невзгоды привозил жалкие гроши». Правда, Косум, работая поисковиком, с каждым годом все больше изучал структуру пород, более совершенствовал знания практической геологии, и это ему доставляло удовлетворение в душе. Он не гнался за заработком, и при каждом подвернувшемся случае уходил в степь, в горы, вволю наслаждаясь любимым занятием. Но видишь, как не везет ему в жизни, Косум опять оказался не у горного дела. Судьба снова образовала брешь. Пожалуй, жена права, мысленно он соглашался с ней. А сам мучительно переживал. Не знал, куда себя деть, к какому делу пристроиться... От хозяйства отвык, да откровенно сказать, душа не лежит ни к скоту, ни к чему другому. Кумысжан уже многие годы успешно ведет его и без его участия. Косум дома чувствовал себя как бы лишним человеком. Не сиделось ему дома. Стал часто разъезжать по аулам. Нередко навещался в Баянаул, здесь непременно бывал у Баки, который за эти годы сильно состарился и почти ослеп, свет видел через густую пелену тумана. Близких и знакомых людей узнавал только по голосам. Как-то Косум зашел к старику, он в последнее время чувствовал себя неважно. Баки узнал его, обрадовался, и они долго разговаривали. Темой разговора всегда была руда, золото... Они охотно вспоминали о своих злоключениях и забавных моментах в дорогах, которых у поисковиков было немало

по роду профессии. Косум и на этот раз посетовал на свою незавидную судьбу:

– Не везет мне, аксакал, в жизни...

– А ты не промышленник, чтобы загребать в обе руки, ты его малай, работник, что сунет, то и бог дал. Наше везение, милый, в том, что нашел, слава, если до нее дотянешь... Нечего греха таить на Алтае и золотишко самородное в руки попадало, да что толку в том, до первого кабака... В здешних краях вряд ли оно имеется. Вот и везение... Да не нагоняй на себя хмурь-тоску, не вешай голову. Твое ещё впереди... Старик почесал в бороде, подолом рубахи протер мутные глаза и спохватился: – Вот ведь память-то, тоже состарилась, ещё в прошлый раз надо бы тебе сказать, да из головы вылетело. Не так давно у нас переночевал знакомый из города мужик, который занимается легким извозом. Так вот он поведал, что купец Деров в Павлодаре будто бы горным делом увлекается. Вот и валяй к нему. Тебя-то он, наверняка, примет на службу. Как-никак практику имешь. Что сидеть да ныть...

– Кто этот Деров? – спросил у старика Косум.

Пришло время поведать о необыкновенно интересной судьбе человека, который, начав с нуля, сделался одним из богатейших людей Обнищавший крестьянин, мордвин Иван Деров, уходил из Владимирской губернии от произвола царских чиновников, безземелья и непосильных податей. Потянулся мужик в сибирские края, на вольные киргизские степи, где, говорили, земли много свободной. Где эти степи, он толком и сам не знал... Пробирался он с семьей по глухой прииртышской степи, на тощей лошаденке перебираясь кое-как от деревни к деревне. Но на беду большой семье Иван внезапно занемог в пути. Повалялся он в беспамятстве на голых деревянных дрогах несколько деньков и умер, оставив жене кучу сирот. Поплакала баба над свежим могильным бугром, да и побрела с малыми искать Павлодар, о котором шла молва, будто город там без бедных и нищих. Скоро лошаденка и сбруя ушли на пропитание в дороге, и пошла ещё одна нищенка по свету побираться с детьми. Такими и принял Павлодар нищую деревскую семью. Как-то на улице мать большого семейства встретил торговец молочными продуктами Степан

Никифорович Инчин и спросил ее не то из жалости, не то из собственной необходимости:

– Баба, нет ли у тебя на руках сына-подростка, годного мне в мальчишки?

– Есть, добрый человек – ответила женщина. – Как такому не быть в семье сиротской. Артюшкой кличут.

Через несколько лет судьба вознесла Артюшку высоко-превысоко. Полюбился единственной дочери миллионера Кузьмина красивый приказчик Инчина. Миллионер был в преклонных годах, не стал он дочке поперек счастья, да Артемка и самому приглянулся: живой, хваткий... И получился из нищего сиротки Артюшки Артемий Иванович Деров. Вот как иногда заковыристо складывается человеческая судьба: из нищего сироты – в крупные миллионеры.

Х Х Х

На это раз Косум вернулся домой радостный, разговорчивый. Кумысжан обратила внимание на его словоохотливость, суетливость и спросила:

– Никак собираешься куда, далеко ли?

– В Кереку (так называли казахи Павлодар), слышал, купец один людей набирает, рудник хочет открыть, поеду к нему. Устроюсь. Не помощник я тебе, жена, по здешним домашним делам... Да и сама примечаешь, сохнет моя душа, тяжело мне без дела.

– И я с тобой! Надоело мне жить одной. Продавай скот, зимовку, все продай... – выкрикнула мужу Кумысжан, подергивалась всем телом, – Не останусь одна, поеду...

Неожиданное поведение жены приостановило сборы. Косум задумался, у бабы-дуры хватит, чего доброго... Но Кумысжан, с женской хитростью сыгравшую всю сцену, теперь следила за его реакцией: может, одумается муженек, остынет... Увы, все ее уловки ненадолго отсрочили поездку Косума. Не зря говорят, муж да жена – одна

сатана. Кумысжан была женой мудрой и любящей. Понимала, что не удержать Косу́ма дома, как птицу в клетке. Не могла видеть, как он понуро слоняется по дому. Отпустила. Косум обнимал жену на прощание, нежно целовал. Кумысжан тоже радостно улыбалась:

– Целуешь за то, чтобы не удерживала, что ли? Поезжай. Пусть путь твой будет удачлив и безопасен.

Собираясь в дорогу, благодарный Косум думал: «С такой женой, как моя, век проживешь незаметно, жизнь одним днем покажется!» Павлодар был ему уже знаком, не пугал многолюдностью. Косум быстро отыскал земляков, живших здесь на заработках, а через них отыскал и контору купца Дерова. Артемий Иванович, господин солидный, щеки гладкие, розовые, блестят, будто чем-то намазанные. Серые глаза добрые. Человек он невысокого роста, толстый. Носит пышную русую бороду, но она его не старит. Очень вежлив, обходительный. Без запинки говорит на казахском языке. Слушал Косу́ма внимательно. Наслышан был про дела Поповых. Очень обрадовался, ведь это Косум открыл руду на Канды-Карасу и Моилды-Булаке:

– Кстати ты приехал! – хлопнув по плечу Косу́ма, сказал купец и крикнул в открытую дверь, – Позовите горного техника. Вошел мужчина средних лет, в форме. Деров обратился к нему:

– Будет работать у меня, руду, уголь искать. Объясните порядок, – Деров кивнул головой в сторону сидящего рядом с ним казаха, – как оформлять заявочные документы, и все, что с этим связано. Техник поклонился и направился к выходу. – Минутку, – Артемий Иванович задержал техника. – Передайте Петру Афанасьевичу, что кладу Косуму целковый на день содержания. Когда техник вышел из его кабинета, Деров заметил Косу́му:

– Целковый в день у меня получают немногие, но, учитывая, что работа твоя будет не из легких, и ты будешь честно служить мне, будешь получать столько же.

Косум низко поклонился новому хозяину и вышел. Техник, встретивший Косу́ма в коридоре, провел его к себе. Правила оформления документов для Косу́ма не были новым делом. Он быстро освоил и то, что не знал ранее. Четыре дня прожил в городе, на пятый

же Косум переправился через Иртыш, выехал на тракт и направился домой. Озеро Калкаман зеркальной гладью лежало между сопок, чуть правее от дороги. Было предзакатное время, он увидел увлекательное, невиданное ранее зрелище. Соленое озеро светилось радужными красками. Берега белели, словно только что пронеслась снежная пурга. В застывших соляных кристаллах переливались последние лучи уже оседавшего за горизонт солнце. Недалеко от озера стоял домик-пикет, где менялись почтовые упряжки. Косум решил там заночевать. Между делом хозяин пикета рассказал интересную историю, что цвет воды в озере меняется два раза в сутки, при восходе и закате солнца. Названо оно «Калкаман – здоровье народа» потому, что каждое лето к нему съезжаются калеки, а уезжают с озера многие здоровыми.

Ранним утром Косум ещё раз полюбовался красками воды, попил чаю и покинул доброго хозяина пикета. И вдруг его осенила заманчивая мысль: а что если заехать на степное озеро Кара-бидаик, с котором аксакалы так много рассказывали увлекательного. Будто его соленые брызги, поднятые ветром, оседая на кустах травы, застывали кристаллами в виде причудливых зверей и птиц. Косум решил побывать на том интересном озере, попутно обследовать тамошние места. Безжизненная степь. Далеко впереди виднеются невысокие сопки с голыми, хмурыми макушками. Не за что глазу зацепиться.... Густой серебристый ковыль, словно безбрежное море, легонько колыхается на ветру. Верблюд, будто корабль, плывет по морю, а Косум восседает между горбов, как капитан этого корабля. Верблюд по дороге мягкими губами рвал кустики, подбирал колбочки и любимую горькую полынку. Седок, разморенный зноем, упершись спиной о мягкую кочку, сладостно дремал. Полдень. Над головой прозрачное небо. Солнце льет потоки ослепительного света. Дышится в степи легко. Звенящая тишина, только изредка стрепет свистящим взлетом всколыхнет тишину, и опять степью овладеет благоухающая, разморенная зноем тишь.

Вдруг верблюд дрогнул телом и шархнулся в сторону. Косум едва усидел на его спине... Из-под копыт верблюда вырвался визг. Видимо, в густом ковыле зазевался сурок. Косум заметил, как крупный зверек, рассекая заросли ковыля надвое, пробежал и шмыгнул в

черное отверстие зиявшей норы. Косум повернулся и увидел, как су-рок из норы выбросил необыкновенно черную землю – породу. Слышал Косум от Баки: черная земля указывает на залегание каменного угля. Надо убедиться, добыть доказательства. Косум спутал верблюда и принялся за раскопку норы. Хорошо, что инструменты всегда при себе. Грунт оказался твердый, и только на следующий день Косум докопался до «хозяина» норы, из которого получился сытный обед, а потом докопался и до угля. Рудознатец ликовал, что так повезло ему в дороге. Замечательный будет подарок новому хозяину. Знай наших!..

Степь. Ни тропинки, не перекрестка дорог, ни озера поблизости, ничего приметного. А Косуму нужны приметы для оформления документа на открытие месторождения угля. Вокруг ни кустика, лишь безымянная равнина. Много онг обошел вокруг в поисках каких-либо предметов, прежде чем поднял два сухих конских черепа. Достал из мешка комок соли, прихваченный на Калкамане, положил черепа и соль в яму и присыпал землей.

Косум вернулся в город. Куски каменного угля переходили из рук в руки. Деров был бесконечно рад находке и с возросшим в разы уважением относился к Косуму. Артемий Иванович извлек из кармана бумажник и при всех вознаграждал разведчика сорока рублями: «Это моя милость сверх положенного содержания». Служащие ещё не видели купца ликующим, как сегодня. Он же, не таясь, делился с ними далеко идущими планами:

– Господа, как все кстати! Недавно получил письмо от крупного сахарозаводчика Лазаря Бродского из Киева. Он пишет, что начинается строительство Сибирской железнодорожной магистрали. Для паровозов нужен будет уголь. Много угля. Слышал, мол, что ваша киргизская степь богата, где ни копни, там и золото. Конечно, Бродский явно преувеличивает, но наш край и на самом деле богат. Так вот, мой приятель советует мне: ты мужик фартовый, не выпускай из рук выгодное дельце. Да, еще и приписку в письме сделал: «Если получится заминка с деньгами, знай, Лазарь поможет...». Господи, нужен уголь, так вот вам уголь! А нашел его кто? Необразованный киргиз, а вы, Анатолий Прохорович, – с упреком обратился Деров к гор-

ному технику, - сколько ездили, немало ухлопали средств, а все попусту!

Антон Прохорович, потупив голову, направился к выходу из кабинета:

– Правду слушать неприятно, – заметил вдогонку купец. Присутствующие начали расходиться, последним уходил Петр Афанасьевич, король финансов, как в шутку называл его хозяин.

– Пошлите ко мне Митю! – крикнул ему вслед Артемий Иванович.

Робко вошел юноша, низко поклонившись, поздоровался и остановился у порога в ожидании, что прикажет хозяин.

– Митя, Косум – человек неграмотный, составьте вместе документы, необходимые для заявки месторождения на найденный им уголь. Прежде, хорошо познакомьтесь с правилами требованиями горного управления...

В кабинете собралось три человека трех интереснейших судеб. Бывший сирота стал миллионером, мальчишка из глухого аула знаменитым рудознатцем, талантливым самородком-геологом. И Митя, судьба которого не менее интересна и полна яркими событиями.

Деревня Туманы приютилась на берегу большой реки Вятка. Митин отец работал в пароходстве Северной Двины, умер рано. Мама с детьми осталась на иждивении дяди Назара, который в то время служил в Иртышском пароходстве матросом. Назар не ужился с капитаном парохода. Человек он был неграмотный, но прямой, любил справедливость, уважал труд. Не стерпел несправедливости, когда при нем обидели человека. Разругался он капитаном и ушел с парохода. Устроился работать к Артемию Ивановичу в личные кучера. Купчиха Дериха, как прозвали в городе жену хозяина, страстно любила совершать прогулки на лошадях, кататься, причем на резвых, горячих по нраву лошадях. Любила вечерком промчаться по зимним скрипучим улицам, показать горожанам, что значит быть при капитале. Однажды Дериха приказала кучеру заложить в кошеву вороных лошадей ещё недостаточно обьеженных. Да наказала Назару, про-

мчать по улицам так, чтобы чертям было тошно. В этот выезд Назар не смог справиться чем-то напуганной тройкой, и лошади помчали вдоль узкой улицы, не повинувась кучеру. На крутом повороте кошева перевернулась, и купчиха вылетела, упала на мягкий снег, отделалась легким испугом да незначительным ушибом. Кучер угодил под полозья, но и из-за мужской гордости вожжи из рук не выпустил. Лошади проволокли его по улицам до каретного двора. Высвободили из-под саней чуть живого. Назар похворал с неделю и умер. Жутко было одной жене Назара, вот и вызвала в Павлодар племянника Митю. Тот в пятнадцать лет не мог остаться без работы, а в это время он окончил школу. Артемий Иванович по первости принял Митю в контору мальчиком: кому что подать, принести, отнести, но, узнав, что у подростка красивый почерк, перевел того переписчиком бумаг.

«Бывало приеду в город, прихожу в контору, - вспоминал позже Косум, - первым делом являюсь к Мите, расскажу обо всем по порядку, что мной проделано, и только потом ступаю к технику». Косум с Дмитрием Багаевым, невзирая на большую разницу в возрасте, сразу пришлись друг другу по душе и потом уже крепко дружили много лет. Но вернемся к судьбе подростка Мите, который еще живет у себя, в русской деревне Туманы. Как-то забрел в деревню бродячий фотограф. Мальчик заинтересовался тайной этого дела, как получается такое изображение на бумаге. В диковинку тогда было такое чудо. Митя обратился к фотографу с просьбой рассказать об этом, но что может дать короткий рассказ? С той поры зародилась в Мите страсть к фотоделу, где он достиг впоследствии совершенства и большой известности. Служа в конторе Дерова, Митя сумел на заработанные деньги приобрести себе фотоаппарат. Потом вник в дело, изучил фотопроцессы, и фотодело оказалось даже его побочным заработком. Постепенно он окончательно «заболел» фотоделом, которое стало потребностью души. Дмитрий Поликарпович стал воплощать художественные замыслы при помощи объектива. Начал изучать искусство с помощью журналов «Нива» и «Живописное обозрение», познакомился с творчеством мастеров живописи, узнал лучших художников того времени. Багаев налаживает связи с лучшим в Сибири фотографом Коркиным, проживавшим в Омске. Скоро определяется в его мастерскую учеником. В большой мастерской все было на высоком уровне.

Дмитрий, начитанный, воплотивший в себя дух творчества, буквально за несколько недель освоил сложные процессы профессионального фотоискусства. В дальнейшем, изучив сложнейший из способов фотопечати – пигментной, Дмитрий Поликарпович начинает выступать на фотоконкурсах и выставках, где его работы имели большой успех. Ряд его фоторабот был отмечен высшими наградами различных конкурсов и выставок. самон получил звание члена-корреспондента Сибирского отдела Русского Географического общества. Талант Багаева зреет, он участвует на фотоконкурах Москвы. Это он после Октябрьской революции передал в дар Музею революции фотографию «По этапу». Её заслуженно признали «Лучшим историческим художественным документом» . Дмитрия Поликарповича увлекали темы быта и жизни кочевого народа. Когда началась революция, он тоже не остался в стороне. Митинги, забастовки, восстания... - он старался запечатлеть наиболее важные и интересные события того времени. Уже при Советской власти Багаев предпринял несколько научных экспедиций, путешествовал в глубокую степь Баянаула, изучал и отображал кочевой быт казахов, где жил его друг Косум Пшенбаев, заразивший друга любовью к этому удивительно красивому краю. После решения об организации областного краеведческого музея в Павлодаре Дмитрий Поликарпович становится его первым и на долгие годы бессменным директором. Таков был сложный и славный путь деревенского мальчика. Мити из деревни с таким красивым названием Туманы. Месторождения каменного угля в документах, представленных в горное управление, наименовали согласно предметов, оставленных Косумом в яме: ЕКЫ – БАС – ТУЗ.

Х Х Х

Уголь, на который Деров возлагал много надежд, впоследствии принес ему и членам акционерного общества, на создание, которого было затрачено немало средств и энергии, полное разорение. Артемий Иванович, несмотря на свою молодость, был почти религиозным фанатиком, с головой окунувшимся в религию. За его здоровье и даруемую милость усердно молились люди нескольких монастырей, ко-

торые он содержал за свой счет. Ежедневно коптели кадила во многих церквях, которым миллионер отваливал куски щедрых даров. Дома Деров оборудовал большой иконостас. Перед иконами неугасимо горели лампадки, две монашки поочередно несли службу, читали молитвы. Артемий клал поклоны, благодарил Господа бога за посланное ему счастье. В Экибастузе начались капитальные разведки угля, вступила в строй первая шахта. Так, в Павлодарском Прииртыше зарождалась промышленная добыча каменного угля. Для строительства дополнительных шахт и железной дороги, для вывоза экибастузского угля к реке Иртыш потребовались солидные капитальные вложения, а их у Артемия Ивановича не доставало. Начались хлопоты, Деров зачастил в Петербург. Здесь миллионер завел связи с высочайшими особами, светлейшей княгиней Стеблин-Каменской, с известным во всем православном мире Иваном Крондштатским. При их содействии он добивается высочайшего соизволения на организацию акционерного общества под названием «Воскресенское горно-промышленное общество». В члены общества вступил и Лазарь Бродский, который внес в капиталы общества три миллиона рублей. С общего согласия членов общества директором угольного предприятия назначается Михайлов, доверенное лицо Дерова. Увы, бывший редактор прогоревшего издательства Михайлов в горном деле и по-прежнему ничего не понимал. Дело повел из рук вон плохо. К тому же оказался человеком праздным, способным разбрасываться деньгами, любителем жить на широкую ногу. Постепенно запустил дело. Деров в дела особо не вникал. Бог не без милости, а человек не без жалости, отвечал жене, когда она предупреждала, что дела в их хозяйстве в упадке, неважные. Уголь, вместо того, чтобы давать прибыль, тянул деревские средства из торгового оборота. Из Киева в Экибастуз прибыл горный инженер с обследованием дел. В своем заключении он отметил, что дела идут плохо. Но Артемий Иванович и на профессиональное заключение инженера махнул рукой. В Экибастузе среди шахтеров назревало волнение, что дошло до военного губернатора по Семипалатинской области. Тот же докладывал Степному генерал-губернатору, царскому наместнику в Омске: «До сведения моего дошли известия, что дела Воскресенского горно-промышленного общества настолько пошатнулись, что дальнейшее существование этого

предприятия весьма затруднительны... Возможны нежелательные последствия...» Артемий Иванович разорился. Не помогли ему, увы, ни Божья милость, ни его щедроты на монастыри и церкви. Майкаин. После удачного начала службы у Дерова и щедрого подарка Артемия Ивановича удержать Косума было невозможно и на семи арканах. Найденный каменный уголь в Экибастузе вдохновил его, он загорелся ещё большим стремлением, начал работать ещё упорнее и увлеченнее. Изю дня в день ездил по урочищам вокруг Баянаула, обшарил степи на громадном пространстве, в предгорьях Аккелина, Далба, Ерементау и Калмыккыргана. Много было сделано Косумом заявок на медь, серебро, свинец и другие минералы. Но Деров ни одного из них не коснулся разработкой. Свидетельства полученные от горнопромышленного управления на закрепленные за ним участки, дежали в сейфе, как коллекция... Увы, вновь самоотверженной работе рудознатца-самородка положило конец прохладное отношение к делу его хозяев.

Х Х Х

По России несся военный смерч 1914 года. Под разрывами германских снарядов стонала земля. Россия перед военной мощью врага оказалась слабее. Не имевшая развитой добычи чугуна, меди и свинца, она теперь остро нуждалась в стратегическом металле. Царское правительство, припертое сложным положением на фронте, вынуждено было заключить невыгодные договора для России с английскими капиталистами. В самый разгар войны в баянаульских местах, на горнопромышленную арену выступает миллионер Лесли Уркварт и накладывает лапу и на экибастузский уголь. Другой, не менее известный капиталист Грюнинг, получив субсидию от главного артиллерийского управления России на поставку крупной партии меди и свинца и заручившись непосредственно от царя широчайшими полномочиями на право действия, немедленно приступил к восстановлению поповских рудников на Канды-Карасу. Недра баянаульской земли богаты минералами. Здесь купцы и заграничные заводчики, занимавшиеся горным промыслом, находили дешевое металлургическое

сырье и минеральное топливо. Они пользовались дешевой рабочей силой, что создавало для них условия для быстрого обогащения. Концессоры понимали, что здесь они – лишь временные хозяева, поэтому избегали лишних затрат на глубокое исследование запасов руды. Узнав, что в Баянауле проживает местный рудознатец, решили использовать, самый дешевый метод разведки руды на урочище Майкаин, где, как предполагали англичане, должна была быть медная руда. Косуму, честно говоря, безразлично было кому служить, и он принял предложение англичанина.

Х Х Х

Майкаинское месторождение не было безызвестным. Видимо, в глубокой древности проживавшие здесь люди извлекали поверхностный металл, образовавший шляпу, как говорят геологи. Позднее, уже в наше время, при капитальных горных выработках были обнаружены следы работ древних насельников этих земель в виде ям, разных по форме и глубине. В них были обнаружены бронзовый клин и каменный пест. Нужно полагать, что уже тогда, 2000- 3000 лет назад, люди знали цену золота и добывали его самым примитивным способом. Руду дробили в каменных ступах, полученный порошок промывали, используя деревянные лотки небольших размеров. Такой лоток был найден на Жусалинском месторождении на глубине 3-5 метров. Велики наши степные просторы. Много раскидано по ним горных хребтов, больших и малых, с нагроможденными гранитными скалами и без скал, голые, бурые, обдутые постоянными ветрами. Некоторые со сложной системой гор тянутся на сотни километров. Их узорчатая синяя кайма заслоняет собой простор. Кажется, что острия конусов этих хребтов, словно пики, нанизали на себя небо и держат края большой небесной чаши. В другом месте будто хребет будто не выдержал вес тяжелого неба, расплюснулся и теперь лежит на земле громадной забитой подушкой. Баянаульские степи исчерщены извилистыми голубыми лентами рек, словно гигантские зеркала лежат озера, рыбные и без рыб, целебные, с горько-солонатовой водой. И вряд ли среди всего этого осталось что-либо без названия. Исконные

хозяева земли, казахи, метко давали названия горам, озерам, рекам и сопкам: мырзашоки - господствующая высота, косшоки – сдвоенная высота... Много названий казахи давали по тому или иному природному признаку, а некоторые урочища называли по имени знатного человека, проживающего или когда-то жившего здесь в прошлом. Майкаин в переводе с казахского масляная береза. На одной из окружающих урочищ сопки, по южному склону, росла густая березовая роща. Она не подвергалась рубке, росла непроходимой чащобой. Курчавые березы с мелким, но плотным, темно-зеленого цвета листом блестели, словно покрытые слоем лака. Кора этой малесляной березы отличалась от берез, прораставших других местах, особой жирностью, отчего и назвали это урочище Майкаин. Левобережная степь Павлодарского Прииртышья щедро наделена природой полезными ископаемыми: углем, золотом, медью, свинцом, цинком, баритом и другими ценными металлами, но природа обошла эту степь пресной водой. На Майкаине нет поверхностной воды, не текут и реки вблизи. Далеко обосновались и пресноводные озера. На Майкаине не зимовали кочевники, и он не был местом летних джайлау. Место это было в те времена тихое, захолустное.

Х Х Х

Косум собирался в дальний путь не впервые. Он полной мерой извещал радость находок, горечь неудач. Таков уж никем не писанный удел поисковика. Казалось, ещё накануне отъезда приготовлено все до мелочей, запрягай лошадей и трогайся в дорогу. Но нет, со сборами проканителелись до обеда. Добела раскаленное июньское солнце стояло над головой, когда две пароконные подводы с уложенным на них необходимым инструментом и запасами продовольствия тронулись в дорогу. На этот раз выехала целая экспедиция, для более детальной разведки. Средствами обеспечивал Грюнинг. Косум, вопреки традиции, не любил ездить даже на самом лучшем коне, пусть он будет отменным тулпаром. Он так рассуждал: «При езде мне нужно постоянно следить за местностью, за обнажениями, за характером почвы, а не уделять время лошади, которая идет-идет и вдруг не с того»

не с сего кидается в сторону и начинает устраивать капризы. У некоторых такие выходки повторяются часто, порою гнус доводит лошадь до бешеного состояния, а ты возись с ней. Да и на уход за конем требуется немало времени, а мне в степи дорога каждая минута. То ли дело верблюд? Характер у животного спокойный, сам нетребователен. Шагает себе вразвалочку. Терпелив, может целую неделю не пить, не есть. На корм не привередлив, лишь бы полынка да колючка росли в степи». Наступила старость, а рудоискатель считал, что он сделал не все. Казалось, будто ещё самые главные тайники недр, притаившись, лежат где-то нетронутыми. Ему так хочется открыть их первым. Да и земля им полностью не исхожена... Вот она бурая, выжженная палящим солнцем, волнистая... Куда не глянь, кругом бесконечное однообразие. Дорог в степи нет, тянется зигзагообразная, мягкая тропа, которая то забегает на кручу, то ныряет с кручи в глубокую ложбину. Весь путь словно на волнах: то вверх, то вниз. Степь пуста. Притаились и зверки, не слышно и птичьих голосов. Куда не глянь, все тот же серый мелкосопочник с бурыми, голыми вершинами, которым нет конца и края. Тишина и бесконечное однообразие навевают на старика воспоминания. Оживая, пережитые чувства клочкуют, словно горный родничок. Прошное заново стелилась перед ним: то мелькнет гибкий, как тростинка, стан Кумысжан, то простираются пустынные степи далекого Прибалхашья... Семьдесят лет исполнилось ему в этом году, а он ещё бодр и здоров. За ним не каждый молодой поспеет при восхождении на гору. Да и внешне он стариком не выглядит, руки его ещё крепко держат лопату или кайло. Степь не состарила, не согнулась спина перед трудностями поисков. По-прежнему Косум был силен и вынослив. На подводах едут сыновья Мукуш и Абиш. Оба уже женаты, имеют детей. Косум глубоко вздыхает: не в меня народились, не пошли по моим стопам... Это огорчало старика: его сыновьям разведка земли, поиск полезных минералов казались делом пустым и бесполезным. Они с детства впитали в себя материнскую тягу к скотоводству. Без содержания скота, без домашнего уюта они не видят настоящей жизни. Косум обвиняет себя, сам с детства не приучал. А его-то кто учил? Нет, видимо в ком, что созреет. Сыновья едут, думаете, по зову души? Нет, им понадобились деньги, заработок гонит их в эту несносную жару. Встревоженный воспоминаниями,

Косум оглянулся назад. Там остались родные, любимые внучата, и он снова пускается в мысленный разговор со старухой: люблю этих бегенят, это они продолжают поколение рода «майлитон». Люблю и природу нашу. Наверно, только смерть погасит ее во мне... За синей каймой, зубчатых гор, осталось родное гнездо, от которого, медленно удалялись подводы. Два долгих июньских дня путники изнывали в дороге. Близился вечер, тени людей и лошадей, вытянувшись, лежали на земле длинными полосками. За день уставшее солнце наливалось густой багровой краской, становясь пухлым, дряблым и спешило скрыться за горами, чтобы там, в глубине горизонта, остыть и отдохнуть. Долгий изнуряющий путь до Майкаина закончен. С этого вечера началась жизнь небольшого лагеря разведчиков, полная тревог и неожиданностей.

Х Х Х

Готовя повесть о Косуме Пшенбаева, утратил покой, тоже отправившись, как мой герой, в непростые поиски. Но, если Косум искал руду, то я искал людей, знавших его, или хотя бы подробно слышавших о его жизни и деятельности. Я хватался за каждую ценную информацию о нем, словно за слиток золота. Ходил, ездил по совхозам и поселкам. По крупинкам собирал, все то, что проливалось свет на историю его жизни. Вот мне удалось напасть еще на один след, и я уже робко вхожу в дом Мукаша Бакенова. После дружеского, теплого приветствия, я замолчал. Меня тревожило, а вдруг окажется неправдой то, что Мукаш участвовал в экспедиции Косума на Майкаине, а я лишь ухватился за этот не имеющий под собою почвы слух. Потому и спросил сразу напрямик:

– Мукаш, это правда, что тебе пришлось работать с Косумом на разведке Майкаина?

– К чему тебе понадобилось знать о том? – ответил он вопросом на вопрос. В голосе его прозвучала нотка удивления. Я вкратце пояснил, что думаю написать книгу о нашем знаменитом земляке, если это мне удастся сбрать достаточно материала. Мукаш охотно со-

гласился рассказать все, что ещё помнил о Косыме, на редкость талантливом рудознатце, безгранично влюбленном в мир природы. Начал он свой рассказ с самой истории знакомства с Косумом:

– В тот год мне исполнилось четырнадцать лет. Косум без моего ведома договорился с мамой, чтобы я поехал с ним на лето в степь. Он брал меня с собой ни как рабочего, а как владеющего грамотой, я перешел в третье отделение русской школы... Как это не странно было по тому времени, однако это было так. Единственный инородец, я учился в школе, куда не было доступа даже сынкам баев. Не удивляйся, этому помог счастливый случай. Отец рубил атаману крестовый дом в восемь комнат, отделал его на совесть, а тот в благодарность за честный труд приказал принять меня в школу, ну и приняли. Нескладно получилось на уроках Закона божьего, с которых меня постоянно выгонял поп. При этом каждый раз кричал вслед «Пехристь нечистая, немаканный, вон из класса!». Обидно было каждый раз терпеть подобное унижение, но что поделаешь? Приходилось все переносить, ведь я гордился тем, что учусь в русской школе. Конечно, вам интересно, что я делал, как «грамотный»? Работа моя не была сложной: на каждой пробе, взятой Косумом, писал ярлычок и вкладывал его в мешочек. На бумажке проставлял номер шурфа, название урочища, где взята порода, и порядковый номер пробы. Разве для меня, грамотного, было трудно? Я благодарен Косуму. Это он за те месяцы совместной работы сумел воспитать во мне пунктуальность в делах, честное отношение к человеку, дисциплинированность и большую любовь к труду.

Прервав свой рассказ, Мукаш вынул из кармана маленький, плоский флакончик из-под духов с ажурной притертой пробочкой, стукнул им по столу, вытряхнул на ладонь щепотку промолотого табака, смешанного в пропорции с древесной золой, и так ловко, с расстояния закинул насыбай за нижнюю губу, что вряд ли ещё кто мог проделать подобное с таким мастерством.

– Дурная привычка, хорошо это понимаю, а вот никак не избавлюсь от неё. – Он как бы извинился и продолжил свой рассказ – Косум, вот уж кто был истинно беспокойный человек. Он в первое же утро поднялся раньше всех, когда на востоке солнце только-только

выпустило свои лучи. Косум сам развел костер, на дорожную треногу повесил большой медный чайник. Сам удобно пристроился у костра и аккуратно затёсывал колышки. Оказалось, что колышков требовалось очень много, и я от нечего делать сел с ним тесать рядом. Что важного затесать кол? Косум и в этом, вроде пустяковом деле, поправлял меня и говорил: «Сынок, затесал неладно, а ну-ка, подравняй вот тут... Любую работу делай так, чтобы самому смотреть приятно было. Привыкай сынок! Помни, навык – дело великое, он на всю жизнь останется при тебе, сынок!» Помню, я сердился от этих стариковских нравоучений. «Не хмурься сынок. – мягко продолжал наставлять Косум, – Ты только делаешь первые шаги в жизнь. Потому тебе надо ко всему приглядываться хорошему и никогда не следовать за плохим примером. И не искать легких путей в погоне за богатством». За ночь мы ободрились, чай пили с наслаждением, за дастарханом шел оживленный разговор. Каждый размышлял о хорошем заработке. После чая Косум повел нас к сопке, что стояла на юге от шалашей. Он подолгу ходил по склону сопки, несколько раз для чего-то измерял шагами расстояние в разных направлениях, потом стал намечать колышками, которые вбивали в землю через каждые два шага, будущий шурф. Его рыли сыновья Косума, да ещё двое рабочих в два кайла да в две лопаты. Грунт был тяжелый, кайлили мужики с трудом, часто менялись инструментами. Что и говорить труден труд землекопа, а тут ещё изнуряющая жара. Хотя мужики и были привычны к солнцу, но жара измучила их изрядно, не меньше, чем земля... На рытье такого длинного шурфа уходило довольно много дней. Грунт трудно поддавался, часто встречались камни, а рыли шурф глубиной не меньше трех аршин. Косум, снарядив землекопов на работу, сам каждое утро уходил в поле. В обед пили только чай, готовить который входило в мою обязанность, а готовил сам Косум. К чаю он приходил всегда нагруженный камнями разной величины и разных по цвету и форме. После чая рабочие ложились на короткий отдых, а мы с Косумом присаживались к мешку с породой, и он вторично, уже более детальнее, их пересматривал... Мне не раз приходилось наблюдать за ним, когда он ходил вдали от стоянки. Шагает тихо, зорко всматривается в каждую складку земли и бугорок, подолгу копается и все делает без малейшей спешки, с особым вниманием. Поднимет камушек, первым

делом перекинет его из руки в руку – так он взвешивал тяжесть. Потом камень испытывал на твердость. Для этого Косум в кожаной сумке, подвешенной на поясе, носил при себе нужные инструменты. Камушек обшупает со всех сторон, будто приобретает самую дорогую вещь для себя... Понюхает, словно по запаху в камне, он мог определить, что в этом камне содержится медь или свинец. Даже на язык брал. Наводили Косума на след камни с жилами или с прожилками. Попадется ему такая глыба, в середине которой он увидит что-то для него увлекательное, чтобы извлечь сердцевину из камня, Косум берет зубило и начинает обдалбивать то место канавкой, а потом выбьет именно тот кусочек, в котором искрятся песчинки. На такое терпение и кропотливую работу способен был только Косум. Другой, мне кажется не согласился бы...

Мукаш замолчал. Поводил по стриженным волосам, побеленным старостью, о чем-то подумал, а потом глянул на меня взглядом, в котором было не то извинение, не то просьбу:

– Плохо рассказываю. Что вспомню, не по порядку. Ты будешь писать, так и пиши, не надо мой рассказ мало-мало, как девчонка, красить, потом гребенкой чесать, не надо. Как сказал, так и пиши. Я ему дал слово и теперь стараюсь сохранить самобытность его рассказа. Мукаш продолжил рассказ:

– Растения Косуму тоже помогали судить о составе породы скрытой глубоко под почвой. За многие годы он хорошо изучил и знал, что некоторые травы любят землю, насыщенную известью, другие глину уважают, а третьи великолепно растут только на песках. Сорвет, бывало, стебель, потрет его в руках, сок на язык возьмет, понюхает и закинет подальше от себя со словами «пустой трава». По травам он неплохо определял, редко ошибался. У него выработалась практическая наука, которая, к сожалению, вместе с ним осталась под слоем могильного бугра. Привлекали его внимание и обнажения. Они встречались часто в горах, в ущельях, по склонам гор. Косум был настолько опытен, что при осмотре осыпи определял, из какой породы она состоит и тут же делал заключение. Как-то я отошёл о шалашей, сорвал стебель какой-то травы, потер его в руках, ну так, как делал

Косым, и положил в рот... Как начало меня тошнить, что глаза вылезали из орбит! С тех пор больше такое не повторял. Надо сказать, что Косум был исключительно усерден, никогда не ленился. Несколько раз поднимется на любой крутой подъем, чтобы ещё и ещё осмотреть и убедиться, что им ничего не пропущено. Он не любил легкий труд и хорошо понимал, что таким путем ты ничего путного не найдешь. Любопытство свойственно мальчишкам. Я однажды спрашиваю его, для чего он камень нюхает? Разве он чем-нибудь пахнет? Тогда он мне отвечал, что каждый камушек содержит в себе запах, надо только научиться улавливать его. И протягивает мне один. Со всех сторон обнюхал, хоть убей, никакого запаха, кроме разве земель. Тогда он попросил лизнуть языком. Лизнул и ощутил сладковатый привкус. Сказал ему, он и пояснил, что в этой породе содержится свинец и цинк, от того и сластит и пощипывает язык. Теперешним-то геологам – благодать божья: лаборатории, химия и разные электроприборы, знай себе, работай. Легковой транспорт всегда в твоём распоряжении. А тогда все держалось на природном чутье и таланте. Конечно, к таланту Косума нужно добавить любовь к соему призванию, к горному делу. Я часто наблюдал за ним со стороны, Приходит из степи уставший, как-никак годы брали своё, да и не всегда сопутствовал успех, не всегда попадались в руки интересные находки. Это ведь тоже отражалось и на здоровье, и на настроении его. Но он никогда не выдавал своего подавленного состояния. В нем постоянно чувствовалась уверенная надежда. Этим Косум подбадривал и остальных, не давал нам расслабляться. Степи, окружающие Майкаин, неприглядны, и нам, его спутникам, казалось, что старик напрасно мучается и мучает ещё людей, хотя они и на зароботке. Но он продолжал старательно обшупывать каждую складку земли и уверенно говорил, что здесь все же таится богатство. Мне, неграмотному, говорил он, трудно пока его обнаружить, но все равно до него доберусь. Хочется заметить ещё одну замечательную сторону Косума. Он очень бережно относился к тем камням, которые приносил на спине. Каждый вынимал из мешка с особой осторожностью будто брал в руки хрупкую вещичку. Тряпочкой оботрёт его, ножиком обскоблит ненужные наросты и только потом начинает над ним колдовать. Каждую крапинку обследует. Некоторый камень молотком раздробит на мелкие кусочки. Тот в кото-

ром он что-то дельное заприметил, передавал мне. Я, как мог, под его диктовку писал: на какой сопке поднят, на каком направлении от нашей стоянки, и прочие подробности. Приклеивал бумажку клейстером к камушку и откладывал в сторону. Видели бы, с каким тяжелым сердцем Косым откидывал камешки, в которых не обнаруживал ничего полезного. Бросит и скажет: «Хорошо надо учиться, сынок, инженером будешь! Степь наша большая и богатая, всякого добра в ней полным-полно...» С принесенной им породой мы долго возились, казалось, ему надо отдохнуть. Нет, мы идем к шурфу, где мужики обливались соленым потом, долбя красный тяжелый грунт, а он уже начинает копать в выкинутой из шурфа земле. Время от времени сам спускался на дно шурфа и продолжительно рылся, то в стенках, то на дне. Попадались камешки серые, белые, кое-где разукрашенные, красные, бурые, будто чья-то неизвестная обмакнула их в разные краски. Косум хватался за каждый такой камешек жадно, словно это был не камешек, а уже готовый слиток чистого золота. Трудовой день его на этом не кончался, после осмотра шурфа он принимался ещё за одно важное дело – кормил нас ужином, да не так «шалаяй – валяй», а досыта, чтобы завтра в руках землекопов работа кипела понастоящему. Охотился, чтоб у рабочих всегда было на ужин свежати́на. Он снимал с гвоздя ружьё, надо заметить, что ружьё Косум лелеял, как ребенка, не давал сесть ни пылинке, протирал тщательно стволы, чистил. Потом свяжет два торсыка устьями для воды, перекинет через спину верблюда, и отправлялся на охоту, заодно привозя воды. И это повторялось изо дня в день, при любой погоде. И что любопытно, как по заказу, каждый раз привозил по две дрофы. Часто говорил: «Сегодня мог убить больше, но зачем нам, когда этих вполне достаточно две?». Дудаков в степи было много, убить дрофу не составляло особой сложности, а вот для того, чтобы обнаружить ее среди порыжевшей степи, оперение, которой сливалось с осенней травой, нужно было иметь зоркое зрение, знать хитрые повадки степной обитательницы и иметь чутье охотника. Как-то Косум обрадовал меня, взяв с собою на охоту. Едем на верблюде, а Косум напряженно смотрит вокруг, нет-нет, да ладонь ребром поднесет к глазам, а в большинстве, лишь прищурит глаза и вопьётся в даль. Я сижу за его спиной и наблюдаю за ним, куда он повернет голову и я в ту сторону, ничего не вижу. Да-

леко, на склоне холма, Косум увидел выводок дроф, показывая рукой, спрашивает меня: «Видишь? Гляди, как шеи-то вытянули, выше ковыля, и головами крутят. Заметили... А мы, сынок, их обманем, закружим». Верьте, до слез напрягал зрение, и никаких дроф не мог увидеть, кроме однообразных серых бугорков, которые виделись всюду. И вот Косум начал обманывать дичь. Прижались мы к верблюду и делаем круг. Дрофы залегли. Сужая следующие круги, мы уже подобралась к ним на расстояние выстрела. Мне впервые удалось увидеть, как дрофы, распластав крылья, плотно прижались к земле, шумно дышали, не то от жары, не то от испуга, но не взлетали. Косум меткими выстрелами снял двух, остальные, делая разбег, долго бежали, пока не набрали скорость для взлета. К вечеру наши аппетиты так разгорались, что от двух птиц ничего не оставалось, а ведь в двух степных курицах мясо было не меньше пуда. Шли дни, заполненные однообразной работой, мучительно трудной и скучной. Август стоял нестерпимо жаркий, будто солнце опрокинуло жаровню на землю. Степь высохла и выгорела. Долины междугорьем лежали желтыми пятнами, подножный корм истощался, лошади заметно истощали. Подводчики заволновались, стали поговаривать: «Ата, хватит копать землю, всю не перекопаем, пора кончать. Сыновья его тоже рвались домой, а я так давным-давно соскучился по домашней жизни. Мне становилось обидно, что мои сверстники купаются, рыбу удят, а я изнываю тут в степи... Что греха таить, уже несколько раз поднимался на вершину высокой сопки и оттуда, глядя на контуры высоких баянаульских гор, за которыми родной домик и милая мама, плакал. Плакал по-настоящему и молил Аллаха вразумить старика, чтобы кончал свою работу. А потом как-то и я не стерпел, и сказал ему, что сбегу, так невтерпеж вернуться домой. Косум посмеялся над моей детской горячностью и обещал подумать об окончании работ.

Мукаш, делился давними впечатлениями живо, интересно и без усталости, видимо, разговор ему был по душе и вызывал в нем удовольствие и приток свежих сил:

— Косум пытался доходчиво нам всем объяснить, что мырзе-англичанину обаялся работу до конца довести. Просил нас потерпеть хоть недельку. Мужики гнали восьмой шурф, с которым, как заверял

Косум, был пройдено лишь наполовину до окончательного завершения работ в Майкаине. Август исчерпал свои жаркие дни. Сентябрь тоже нас не баловал. Ночью в дырявых шалашах становилось холодно. Мужики перебранивались с Косумом, работали уже нехотя, шурф до конечной точки продвигался медленно. Ящики, предназначенные для проб, давно набиты. Казалось, что ещё нужно старику от майкаинской земли, а он ни в какую, уперся: закончите проходку шурфа, там видно будет. И сам без усталости продолжал поиск, а что ищет старик, известно было ему одному, планами с нами не делился, да и что мы могли понимать. А он бродит и бродит... В один из самых обычных сентябрьских дней, как повелось в последнее время, Косум напился утреннего чая. Теперь чай пили без оживленного разговора, не делились впечатлениями прошлого дня, не рассказывали за столом интересные истории, молча, потом разошлись по своим рабочим местам. Закинул полотняный мешок на плечо Косум, и пошагал своей дорогой. Перешел долину, уже подходил к склону высокой сопки, делая обход березняка. Вдруг он почувствовал на себе чей-то пронизывающий взгляд. Так сам он рассказывал нам: «Никогда не случавшаяся подобная странная знобящая неловкость пронеслась по телу вихрем. Я чуть повернул голову вправо, и что вы думаете? Увидел пять пар колючих глаз, глядевших на меня из-за густых березовых веток. На головах у бандитов торчали замызганные малахайи из грубых овчин, которые смягчали удар сойыла (дубинки) по голове. Лица, заросшие до самых глаз волосом, только белки глаза, подернутые желтизной, сверкали зловеще. Поверите, ребята, у меня, бесстрашного, как называют в народе, человека, на мгновение дрогнуло сердце, но я быстро взял себя в руки. Вижу бандиты сжимают в руку, годами отшлифованные сойылы, а они ими владеют ловко, что лихой казак шашкой». Кроме обычного ножа, какие носят казахи при себе, на поясе, да легкого молоточного, насаженного на удобную рукоятку, при нем ничего не было. Косум сделал вид, что никого не видит и не замечает, шагал нарочно медленно, насторожив слух до предела, готовый с яростью хищного зверя дать отпор. Но все обошлось хорошо. Видимо, у бандитов был свой план. Они до нужного времени, не хотели выявлять себя. Озадаченный увиденным, Косум поднялся на сопку. Здесь, на высоте воздух был намного свежее, и он быстро ободрился. Отсю-

да перед ним открылись ясные дали. Синей волной на голубом небе лежали горы Акбет. Только в эту минуту, в его воображении всплыли внучата и Кумысжан, когда-то сводившая его с ума. Косум глубоко вздохнул. Да, нет тех горячих чувств, они остыли в жизненном водовороте, как остывает кипяток в самоваре. В памяти ещё теплится их бывалая приятная нежность и теплота, которая, разливаясь по телу, пьянила и кружила голову. Теперь он жил одной большой мечтой – найти такой металл и как можно больше, который бы помог русским разбить германца, спасти Россию. А тут ещё ненавистный Щапота Момынов бай и знатный бий, задумал воспрепятствовать делу, подслал своих аткаминеров, отъявленных барымтачей. Это он теперь хочет разогнать нас, разграбить стоянку. Этот крупный владелец громадных табунов боится, что русские отрежут от него кусок земли, которым бий, по сути, никогда и не пользовался. Голова работала напряженно, рождались разные планы, но главное – сохранить образцы. Это вставало перед ним первостепенной задачей. Косум помнит к чему приводит драка. Зачем проливать кровь? Как избавиться от подобного несчастья? Он ясно представлял, что те пять пар чужих вражьих глаз и теперь внимательно следят за каждым его движением, по возможности старался не выдать себя, что заметил их. Делал вид, что обычным образом ведет обследование голы, щебенчатой вершины, а у самого закипала кровь, разум работал напряженно, быстро... Косуму было не до сбора пород. Он обошел вершину и пологой стороной спустился с сопки, оставляя березняк слева, подошел к землекопам. Мужики, последнее время расхолодившиеся в работе, видя, что Косым не свернет работу, пока не будет пройден шурф, сегодня работали, как говорится, до пота. Они не разгибали замлевших спин, кайлили, выкидывали сырой, тяжелый грунт. Косум подсев, на свежий бугорок только, что выброшенной земли, тут же впился в камешек. Он схватил его, обдул, пошоркал о голенище сапога и сунул в карман. И только после спокойно рассказал им об увиденном, о том, какая беда над ними сгустилась. Мужики вспылили, начали махать лопатами, кричать: мол, мы говорили: надо кончать работу, уезжать, а теперь досиделись ...Лишимся лошадей, а, может быть, и головы потеряем. А вдруг, они налетят сейчас? Ружье – самое главное оборона в шалаше... У Косума больно заняло сердце, и он стал отдавать

распоряжения: «Абиш, ты иди к лошадям, подгони к стоянке, а вы по одному сходитесь к шалашам. Не создавайте суеты, не вызывайте подозрения у тех, кто притаился в роще...». Когда мы были все в сборе, Косум развел костер, и только он разгорелся, присыпал землей, повалил густой едкий дым. Получилась завеса, которая на некоторое время лишила бандитов возможности вести наблюдение за нашей стоянкой. Я, малолетка, от страха дрожал, зубы клацали словно в ознобе, не знал, куда спрятаться, чтобы не видеть и не слышать того страшного, что должно произойти. Косум покрикивал на меня и смотрел злыми глазами. Наверно, только это и удерживало меня от слез. Старик торопился, быстро совал в пазуху запасные патроны. Потом вскочил на гнедого коня и, как удалой жигит, ловко ринулся к роще, за ним мчались ещё три всадника, размахивая палками. Бандитов, к сожалению, не застигли врасплох. Они поняли, что оживление на стоянке неслучайно. Это вызвало подозрение у них, как и густой дым, поваливший в их сторону. Бандиты уже сидели на лошадях. Заметив, что солнце переливается в тёмно-синих ствольных, они выскочили из березняка и бежали к ближайшей сопке, чтобы скрыться за ней. Им вслед прогремели выстрелы. Неизвестно, просвистела ли картечь над их головами, но бандиты успели скрыться за увалом. Дальнейшая погоня за ними была бесполезной: под ними были быстроногие скакуны. Ночь провели в тревоге, никто не заснул и на волосок. Сидели. Лежали, угрюмые, с палками в руках, но было спокойно. Байские аткаминеры нагнали на нас страху и уехали. Видимо, и они не решились палетать против ружья. Случай был на руку нам, уже начавшим буйтовать, как выражался Косум. Конечно, я мало имел какого-либо влияния, однако работяги-землекопы, категорически отказались продолжать работу. Следующий день прошел в переговорах и ругани. Мужики, хватались за хомуты, подбегали к лошадям, в злости дергали за поводья, пинали... Но, увидев закипавшую злость в глазах старика, остывали. Они холодно поглядывали на ружье, прислоненное к стенке шалаша. Мужики побаивались, кто его знает, при злости шайтан вдруг подтолкнёт старика. И спор на некоторое время затихал. А потом снова вспыхивал с новой силой, доходя до крупной брани. Ахмет оказался настойчив. Он положил кусок старой кошмы на спину лошади, вскочил на неё, взял повод и, не огля-

нувшись назад, уехал домой, бросив сбрую, телегу и остальное барахлишко. Жунус не позволил себе так поступить, у него оказалось больше совести и сознательности. К вечеру лагерь стих, наступил полный мир, но в этот вечер не было вкусного сытного ужина. Это был первый постный вечер. Косум каждую ночь охранял стоянку, а утром, не разлучаясь с ружьем, шел копать шурф. Теперь и я копал землю, лишь бы поскорее закончить работу... На этом закончилось мое первое и последнее путешествие с Каосымом, нашим рудознатцем, который и сегодня не перестает удивлять меня своей железной волей, настойчивостью и теми знаниями, которые дарованы ему природой. Был он, конечно, очень умен, иначе мог ли самостоятельно овладеть столь сложной наукой, будучи совершенно неграмотным человеком...

Ещё немного о прошлом и настоящем...

Ещё немного о прошлом и настоящем. Камни разные по окраске: серые, зеленые... разные по форме и все мертвы. Казалось бы, что можно узнать от неживой породы, как и от глухонемого человека, но, когда немые камешки попадают в руки опытного человека, постигшего геологическую науку, они оживают, начинают говорить с ним на понятном обоим языке: из чего образовались, какой полезный минерал содержат в себе... Камни, доставленные Косумом из Майкаина на Александровский рудник и попавшие в руки лаборанта, ожили, заговорили... Грюнинг, считавший себя застрявшим по уши в долгах перед Россией и потерявший надежду выполнить договор на поставку стратегического металла, в поисках выхода из создавшегося неприятного положения метался, словно в бреду. При тщательном исследовании рудников, входящих в Александровскую группу, оказалось, что поверхностная окисленная руда Поповым основательно выбрана, отдельные пласты, оставшиеся в виде хвостов, не имели промышленного значения. «Медь, свинец, серебро!» - радостно говорил Грюнинг и помчался в Екибастуз к соотечественникам, которые к тому времени построили там «Ватержакет» - фабрику, где плавил руду, доставляемую с рудников Риддера. Путь руды начинался на баржах по Иртышу. Выгружали её на Воскресенской пристани и сно-

ва погружали в старенькие вагоны. Затем они долгое время продвигались по Деровской железной дороге, к тому времени совершенно пришедшей в негодность. Себестоимость руды росла и росла, но концессор убытки не нес, выжимая из рабочих последние соки. Англичане не несли затрат на ремонт дороги, не приобретали новые вагоны и паровозы. Они понимали, что колоссальные затраты в скором будущем не оправдаются. Прекрасно понимали и то, что недолго им осталось грабить здешние места. Видели, что в России назревает взрыв народного гнета громадной силы, который неминуемо должен коснуться и их. Экибастузские воротилы с радостью ухватились за предложения Грюнинга. Им было выгодно добывать руду равной ценности, лежащую под боком. Тишину Майкаина нарушили человеческие голоса, заскрежетали кайла, вгрызаясь в землю. Казахский пролетарий, обливаясь потом, добывал руду, которая непрерывным потоком потянулись на Экибастуз всеми видами гужевого транспорта. А на Александровке работа по анализу породы, доставленной Косумом, продолжалась. Камешки, положенные в раствор, начали оживать, и рассказывать о себе. Постепенно добрались до камешков, собранных в шурфе номер восемь. «Что, ошибка?!» - возмущается лаборант, не веря собственным глазам. Анализ указывает на золото. И лаборант снова и снова склоняется над колбами, проверяет породу, не веря самому себе. Несерьезно получится, если он введет в заблуждение хозяина... Убеждается, но воздерживается доложить Грюнингу о своем открытии. Он с тяжелой головой вышел из лаборатории и увидел Косума, который сидя у окна к нему спиной, что-то осторожно ковырял острым концом ножа. Лаборант подкрался к нему и замер. Косум из камушка по величине чуть больше крупного грецкого ореха пытался извлечь сильно блестящее желтое зернышко. Лаборант, выхватил камешек из рук Косума и, что-то лопоча на своем непонятном для того языке, вбежал в кабинет Грюнинга. В кабинете они не задержались, оба вышли скоро. Грюнинг обратился к Косуму с вопросом:

– Где вы добыли сей порода? – капиталист подал камушек Косуму.

– В Майкаине, - спокойно ответил Косум, при этом немало удивляясь волнению англичан.

– Шурф номер восемь, да?

Косум в знак согласия мотнул головой и снова занялся своим камешком. Шурф номер восемь Грюнингом был взят под тщательное исследование и личное наблюдение. Несколько пробитых колодцев глубиной в восемь-десять метров навели заводчика на счастливый золотоносный песок, и поплыл майкаинский золотой песочек по реке Иртыш в Англию... А добытые бурые железняки отправляли на Экибастузский свинцово-цинковый завод. Здесь майкаинскую руду использовали под видом «флюсов», а на самом деле из бурых железняков при плавке их с другими рудами выделяли из свинцовых слитков в немалом количестве золота и серебра.

Так группа иностранцев в целях своего обогащения начала грабеж казахской земли, расхищая майкаинские богатые поверхностные руды. Их не тревожило будущее Майкаина. Только буря Великого Октября, словно мусор, смела заграничных «благодетелей» с казахской земли. Грюнинг и прочие английские финансовые «короли», не чуя под собой ног, убралась в свои роскошные замки... В России совсем недавно затихли выстрелы на позициях. Рабочие и крестьяне вернулись с фронта к разрушенным предприятиям и хозяйствам в изодранном, измызганном обмундировании, уставшие, израненные пулями, осколками врага, и если первый становился к станку на заводе, то второй, плюнув на мозолистые ладони, брался за плуг. Они, простые люди, стали хозяевами заводов и земли. На Майкаин пришел новый хозяин – человек с гордым именем Рабочий. Он оглядывался зорким хозяйским глазом и, пригнувшись к земле, сквозь проступившие слезы сказал: «Моя мать-земля, теперь послужи сыну своему. Ковырять тебя больше не стану. Если в твоём нутре есть для меня полезное, то его буду брать, не причиняя тебе ран, не буду портить твое лицо, как поступали с тобой грабители».

Поначалу многие породы считались пустыми, бесполезными, её оставляли в хвостах, Теперь они дают ценный металл. Уже сейчас майкаинцы извлекают четырнадцать видов необходимого для страны металла. Безусловно, ещё наступит время, когда советский человек взнуздает природу и возьмет от неё все до последней крапинки. На Майкаине создан мощный золото-полиметаллический комбинат, объ-

единяющий ряд аналогичных месторождений. Совсем недавно ещё пустынный край сегодня преобразился. Вырос в степи поселок городского типа, а стальные пути соединили Майкаин с большой магистралью страны. Там, где стояли шалаша первоткрывателя, нашего земляка Косума Пшенбаева, сооружен Дворец культуры. Построен стадион, зеленой листвою шумит парк, высятся светлые здания школ, детские учреждений. Грядущее Майкаина в ваших руках, будущее поколение.

Если бы мы смогли взглянуть в прошлое Экибастуза, то мы увидели бы совсем невзрачную картину: кроме запущенных шахт, находится кузница, несколько рядов приземистых бараков, где жили рабочие. Три-четыре дома под железной крышей, где размещались служащие. Больница на шесть кроватей с аптекой и родильным покоем. При заведении жили врач, фельдшер и акушерка. В центре поселка, на пригорке стояла часовня, при ней находился дряхлый священник, он справлял службу по особым духовным дням. Трудились на Экибастузе около четырехсот обездоленных судьбой человек. Теперь здесь современный город. Экибастузцы, оснащенные первоклассной техникой, угольное предприятие вывели в число передовых страны. Громадны резервы города и на будущее...

Открытие майкаинских руд было одним из крупнейших открытий Косу́ма, и пожалуй, последнее. Вскоре свершилась революция. Пока в стране бушевала гражданская война, Косум занимался земледелием. Кроме пшеницы выращивал коноплю, из которого вил веревки, так нужные в каждом сельском хозяйстве. Занимался табачководством. Неслучайно в народе его прозвали «киргизский фанатик». Такой была судьба моего земляка. Жаль только одного. Ни в Экибастузе, ни в Павлодаре, ни на его на родине – Баянауле, нет ничего, что увековечило бы имя человека, открывшего крупнейшие месторождения в нашем регионе. Настанет время, и задымят фабрики и заводы на Майкубе, Александровке, Моилды-булаке, на Сартау и в Шакпаке... Нам, казахстанцам, просто непостижительно, зная об его великом вкладе в становление и развитие горной промышленности Казахстана не увековечить память об этом незаурядном самородке из народа до сих пор. Могила Косыма в степи, и, наверное, заброшена. Но придет время, когда ее и не отыщем. Ведь, все кто знал Косу́ма, постепенно уходят от нас. Некому будет показать могилу, а как хочется, чтобы молодежь знала последнее пристанище героя этой повести.

КОНЕЦ

1972 год, поселок Баянаул

Қосым кесенесі

Кітап Торайғыров университетінің және Баянауылдағы
«Әнет» шаруа қожалығының демеушілігімен басылды

Таралымы 50 дана

«ПарасатPro» ЖСШ-де басылып шығарылған.
140000 Қазақстан Республикасы, Павлодар қаласы,
Естай көшесі, 28 үй, тел 61-81-14, 8 702 855 84-39

